

Премия Агаты Кристи

ЧИСТО Йорг МАУРЕР
АЛЬПИЙСКОЕ
УБИЙСТВО

Во время идиллического концерта фортепианной музыки на дорогом альпийском курорте из-под потолка зрительного зала падает человек.

Он гибнет сам и убивает того, на кого столь неожиданно свалился.

Гаупткомиссар уголовной полиции Еннервайн начинает расследование. Его бригаде необходимо выяснить, что же произошло.

Нелепое самоубийство?

Трагический и смешной несчастный случай?

Или двойное убийство?

Пресса изощряется в черном юморе, прежде скучавшие местные жители теперь смакуют детали происшествия за кружкой пива. А полиция топчется на месте, пока внезапно не наталкивается на совершенно необычные обстоятельства дела.

Йорг Маурер
Чисто альпийское убийство

Вы чувствуете раздражение? Смутное отвращение ко всему окружающему? Вас терзает беспокойство, внимание рассеянно, движения отрывисты и нервны? Работа не клеится, все валится из рук, да? Замучили головные боли и ломота в конечностях? Мышцы скованы до предела? Барахлит желудок, сердце скачет как бешеное, мучительно колет в боку — словом, нервная система шалит вовсю? Никак не проходит тяжесть в затылке? А как насчет мушек перед глазами? Пляшут? Ощущаете слезку за собой? Вас одолевают внезапные приступы глухой ярости? Бывают моменты, когда хочется все крушить, ломать, рушить? Не возникает ли у вас затаенного желания убить кого-нибудь?

Если вы обнаружили у себя один или несколько из этих симптомов, то скорее всего находитесь на одном из курортов в предгорье баварских Альп и как раз начинает дуть фён. Уютно устроившись на террасе какого-нибудь кафе с солидной историей, вы наслаждаетесь видом на величественный Веттерштайн, не уставая поражаться кристальной чистоте воздуха и великолепию гор. Вашу кожу гладит необычайно теплый, сухой ветерок, вы вдыхаете его струи с истинным наслаждением — однако не забывайте, что это фён! Он действует быстро и наверняка, в считанные минуты влияя на все ваши ощущения, так что радуйтесь, если у вас проявятся только лишь два-три из вышеперечисленных тревожных признаков.

Точный механизм воздействия ветра на человека не изучен до конца и в наш просвещенный век, так что остается загадкой, почему он шутит с нами такие дурные шутки. Окутанное аурой загадочности, непостижимой тайны, это природное явление, возможно — возможно! — состоит в тесном родстве с языческими божествами, со злыми стихиями, не зря же его действие на человеческую психику носит, как правило, ярко выраженный негативный характер. Больше всего от роковых дуновений фёна страдают коренные жители альпийских городков — климатических курортов, как по иронии судьбы называются эти места. Там на коварный ветер с гор можно списать если не все, то многое. Недавно один участковый судья из такого живописного уголка планеты, окруженного высокими Альпами, вынес весьма знаменательный приговор. В мотивировочной части решения он заявил, что обвиняемый заслуживает снисхождения, поскольку совершил преступление, находясь во власти фёна. Суд вышестоящей инстанции отменил это решение, однако разве обитатели равнин смыслят хоть что-нибудь в таких вещах?! Что им известно о легендарном ветре, который мощными порывами скатывается с гор в долины, расшатывая людские нервы сильнее чего бы то ни было на свете? При этом он сводит с ума далеко не каждого встречного и поперечного. Испытавшие на себе чары фёна образуют своего рода тайное общество, члены которого сразу же узнают друг друга на улице. Между ними считается, что такая преходящая «контузия» лишь обостряет чувствительность.

В 1790 году, перед тем как пересечь Альпы во время своего знаменитого путешествия в Италию, Иоганн Вольфганг фон Гёте записал в дневнике: «Прибыли в Миггенвальд. Едва вышел из кареты, как налетел горячий сильный ветер, точно примчавшийся из далеких стран. Наскоро записав идею по поводу „Фауста“, я впал в изрядное уныние».

Во всяком случае, в дни повышенной активности фёна бывает и такое: два человека мирно беседуют за столом, и вдруг один из них становится обидчивым, раздражительным, нетерпимым, начинает злиться и брызгать ядом, в то время как другой теряется в догадках, в чем же его вина. Как раз в такой день внезапно помутился рассудком один мальчик —

казалось бы, обычный двенадцатилетний подросток, в целом послушный, из благополучной семьи, сын заботливых родителей, относящихся к самой что ни на есть середине среднего класса. По непонятным причинам в мальчишку вселился бес, заставив собрать из пластмассовых деталей точную копию автомата Калашникова. С любовью оглядев свой «АК-47», Паули Шмидингер скорчил жестокую мину и стал целиться в сограждан из «муляжа оружия», как писали потом в полицейских отчетах.

На кладбище у подножия горы Крамершпиц тоже безраздельно властвовал фён. Солнце безжалостно палило, ярко-голубое небо украшали классические линзовидные облака. За кладбищенской стеной вздымалась во всю свою гигантскую — без малого двухтысячметровую — высоту гора, и крест, установленный на ее вершине, дерзко маячил над похоронной процессией.

— *Revela Domino viam tuam.*^[1] — устало тянул псалом старший приходской священник.

— *...et spera in eum.*^[2] — безо всякого воодушевления продолжал второй священник.

Пастыри витали в мыслях где-то далеко, похоже, теряя нить происходящего.

— *Subportantes invicem*^[3], — нараспев произнес второй священник, тут же ловя на себе укоризненный взгляд коллеги. Ведь этот стих читался не на похоронах, а на свадьбах. — *...et ipse faciet*^[4], — сразу же исправил свою оплошность клирик, и родственники покойного даже ничего не заметили.

Гроб с телом усопшего (Франтишек Говорчовицки, мастер-жестянщик чешского происхождения) опустили в могилу с гроыханием, словно черную восьмерку в лузу — к явному удовлетворению всех провожающих. При жизни его мало кто любил, этого Франтишека. Два кладбищенских рабочих, ответственных за вояж в преисподнюю, неслышно отбежали в сторону. На специальном лифте, позволявшем якобы без проблем опустить гроб в могилу, была неверно установлена скорость, и ящик с покойником грохнулся оземь со всего размаху. Со дна ямы послышался предательский треск: судя по всему, расколосось дерево — а может, и не только, однако никого из присутствующих не заботило, что именно пострадало. Никто не хотел задумываться над этим. Не иначе большинство родственников и знакомых были рады отделаться от такой головной боли, как Говорчовицки. Одна из женщин в черном что-то сказала по-чешски, и все засмеялись. Не улыбнулась только супружеская чета, которая стояла чуть поодаль и явно не относилась к семье покойного. Это были владельцы похоронной фирмы «Гразеггер», основанной в 1848 году. Жена закрыла лицо руками, муж побледнел. Вскоре заиграла траурная музыка, и здесь тоже не обошлось без накладок: похоронный марш звучал нестройно и фальшиво, гораздо фальшивее, чем это обычно бывает с похоронными маршами. Особенно отличались духовые, ведь тромбонист с завидным упорством отклонялся от тональности на полтона.

Когда самый ответственный момент миновал, вздохнули с облегчением все: священнослужители, неумелые кладбищенские рабочие, разбитые похмельем музыканты оркестра и довольные жизнью близкие умершего. Но громче всех перевели дух Игнац и Урзель Гразеггер. Еще бы — несколько мгновений назад они были на волосок от катастрофы.

На следующий день, в воскресенье, во время вечерней заупокойной мессы по Франтишеку Говорчовицки, Инго Штоффреген вышел из дома, запер за собой дверь и отправился на концерт фортепианной музыки. Это был широкоплечий, мускулистый молодой человек с добродушным выражением лица, которое несколько портили жиденькие усики, и почему-то ни один из близких друзей не посоветовал ему сбрить их. Стрижку Инго носил короткую, обтекаемой формы, а лицо его приобрело бронзовый оттенок на занятиях триатлоном и другими видами издевательства над собственным организмом. Участник интернациональных турниров «Айронмен», он и сам стал похож на железного человека, хотя и невысокого, приземистого. Широким шагом спортсмен пересек палисадник и вышел на улицу через садовую калитку, размахивая свободными руками.

Инго Штоффреген бросил взгляд на часы — до начала концерта оставалось всего лишь пятнадцать минут. Отдалившись от своего дома на несколько шагов, «железный человек» перешел на легкую атлетическую рысь и принялся бороздить кривые улочки городка, отчаянно лавируя между прохожими под их неодобрительные взгляды и покачивания головой. Сделав финишный рывок, он выскочил на вьющуюся вдоль реки пешеходную тропинку, побив этот рекорд отнюдь не в старом трико в голубую полосу, в котором стал чемпионом Верхней Баварии по велокроссу и Южной — по экстремальному скалолазанию, а в тесных оковах смокинга, сугубо официальной одежды. Молодой человек поднял голову, сиюсь разглядеть хоть один лоскуток ясного неба в облачной кисее, нависшей над горным массивом Карвендель. Всем сердцем он надеялся, что атмосферный фронт с дождями и грозами переместился в сторону Австрии и здесь, в долине, еще выдастся приятный августовский вечерок, но его надеждам не суждено было сбыться. Собиралась гроза, раздавались первые удары грома, словно кто-то невидимый потряхивал в вышине огромным листом жести. Жить Инго Штоффрегену оставалось без малого час.

Заветные минуты неумолимо истекали. Инго вышел из дома слишком поздно, и ему волей-неволей пришлось ускоряться, перестраиваясь с преодоления длинной дистанции на преодоление средней. Для него-то это был сущий пустяк, однако едва ли кто-нибудь из простых смертных, занимающихся бегом ради похудения, смог бы продержаться наравне с ним больше пятидесяти метров. Сильнее всего марафонскому забегу мешали неудобные лаковые туфли — с каким удовольствием «железный человек» снял бы их и продолжил путь босиком! На одном отрезке пути он поистине летел, и молодой золотистый ретривер, припустивший было за ним, через двести метров сошел с дистанции в полном изнеможении и, тяжело дыша, уселся на обочине.

Спортсмен решил по меньшей мере сократить опоздание, раз уж не успевает к началу концерта, и ускорил темп до предела. Проносясь мимо футбольного поля, усеянного подвижными фигурками детишек, он с завистью поглядел в их сторону. Юные футболисты отработывали удар через себя, и то и дело кто-нибудь с торжествующим воплем падал плашмя на влажную мягкую траву.

Инго Штоффреген стремительно приближался к центру городка. Молодой человек спешил вовсе не для того, чтобы не пропустить лишней минуты представления — он не только не относился к числу поклонников фортепианной музыки, но и отправился на

подобный музыкальный вечер впервые. Просто тот был увертюрой свидания с Габи, Габи «с „ипсилоном“ на конце», как подчеркивала прекрасная обладательница этого имени. Они познакомились накануне, на игре в сквош (обычный для Инго способ знакомства с девушками), и речь о концерте зашла лишь потому, что наш чемпион недавно получил в подарок два билета. Честно говоря, он предпочел бы лишний раз сыграть с новой знакомой в сквош или побегать вокруг озера Эйбзе, однако та выбрала поход на концерт Пе Файнингер — весьма скандальной особы, чьи выступления неизменно сопровождались какими-нибудь неожиданными выходками, как правило, с оттенком дурновкусия. Очарованный своей новой знакомой, Инго Штоффреген был согласен на все. Они договорились одеться, как подобает в торжественных случаях, и послушать виртуозную игру, а потом поужинать в итальянском ресторане «Пиноккио». Молодой человек заказал там столик. Габи не выходила у него из головы, и казалось, у него есть все шансы завоевать ее. Однако кроме того, что она любит спорт так же страстно, как и он сам, Инго не знал об этой красавице ровным счетом ничего — даже ее фамилии. И телефона тоже. Так что позвонить было невозможно, и вот теперь Габи наверняка ждет у концертного зала и возмущается.

Стрелки часов перевалили за семь. Штоффреген на большой скорости обогнул барочную церковь, из которой как раз высыпало небольшое стадо овец в лоденовых костюмах — со стороны казалось, что сам сатана пытается заткнуть ими изнутри врата храма. В любой момент мог хлынуть дождь, и паства настороженно поглядывала на небо, явно не радуясь ненастью, ниспосланному Господом в августе. Только одна семейная пара, в облике которой сквозило что-то лицемерно-порядочное, фотографировалась перед газетным киоском у храмовой площади, широко улыбаясь в объектив. Когда необычный бегун в смокинге свернул в пешеходную зону, ему пришлось значительно сбавить шаг, чтобы ненароком не сбить с ног пару-тройку прогуливающих старушек и прочих празднующих зевак.

Молодой человек сунул руки в задние карманы брюк. В одном из них лежали билеты, в другом — сотенная банкнота, которой, пожалуй, должно хватить на ужин в «Пиноккио». С первыми каплями дождя, брызнувшими в лицо, Инго наконец-то финишировал у здания культурного центра. Неподалеку от входа ждала та самая Габи, «с „ипсилоном“ на конце», одетая в канареечно-желтую ветровку, из-под которой выглядывало черное вечернее платье до колен.

— Четвертый ряд партера. Так близко? — обрадовалась девушка, когда Инго, не проронив ни единого слова, протянул ей билеты. Но заподозрить его в невоспитанности было нельзя — ему просто не хватало воздуха. Габи все поняла и рассмеялась.

— Ну что, заходим? Концерт уже начался. Сейчас отдышишься.

— Извини... узел на галстуке... сто лет не завязывал... провозился... вышел слишком поздно...

Пульс у Штоффрегена был под двести, и лишь к этому времени он заметил, что малость перестарался со своим марафонским забегом.

— Ничего страшного. Ведь ты все-таки успел. Пойдем.

Рубашка липла к спине парня, им владело одно-единственное желание — встать под душ. Но ничего не поделаешь — припозднившаяся пара двинулась к входу в зал. Похоже, Габи не слишком-то рассердилась на партнера из-за досадной заминки. Блондинка со вздернутым носиком, она была почти одного роста с Инго и почти такой же крепкой и мускулистой.

Когда эти двое вошли в опустевшее фойе, к ним сразу же направился важный как индюк служитель в ливрее. Неодобрительно взмахнув рукой, он прижал к губам указательный палец и напустил на себя слишком уж грозный вид, будто бы ему требовалось утихомирить целую банду малолетних преступников, а не перекинуться словом с двумя взрослыми людьми. Для начала привратник отконвоировал опоздавших к гардеробщице, склонившейся над кроссвордом, и через несколько секунд ветровка Габи исчезла в недрах раздевалки. В тот момент, когда его спутница брала номерок, Инго заметил у нее на пальце обручальное кольцо. Еще вчера никаких колец она не носила. Ладно, все равно. Взглянув на хорошо развитые икры партнерши, любитель спорта заключил, что та достаточно вынослива для прогулок по горам. Эта женщина нравилась ему. Сделав несколько решительных вдохов и выдохов, «железный человек» вытер платком пот со лба, отчего платок сделался совершенно мокрым, хоть выжимай.

— Ваши билеты, пожалуйста!

Высокий грозный служитель разглядывал протянутые ему карточки так внимательно, словно надеялся отыскать в набранном мелким шрифтом тексте хоть какое-нибудь основание не пустить опоздавших в зрительный зал. Наслаждаясь своей маленькой властью, он обследовал и оборотную сторону билетов, хотя рассматривать пустое место было уже откровенным перебором. Впрочем, Инго Штоффреген даже слегка обрадовался очередному промедлению — он с шумом вдыхал и выдыхал воздух, нормализуя показатель рН крови.

— Потихоньку... все приходит в норму... — прохрипел рекордсмен по бегу в смокингах. Служитель надменно взглянул на него с высоты своего немалого роста. «Дикарь!» — отчетливо читалось в его глазах. Вернув билеты владельцам, цербер показал им на дверь, занавешенную алым бархатом, однако войти в нее не дал, встав на пути с таким угрюмым видом, словно охранял сокровища нибелунгов.

— Мы проскользнем тихо-тихо, как мышки, — шепотом заверила его Габи, пытаясь взяться за дверную ручку.

Однако человек в ливрее бесцеремонным жестом ухватил девушку за запястье, отводя ее руку прочь.

— Что вы себе позволяете? — вспыхнула Габи.

— Каждый уважающий себя и других любитель музыки обязан знать, — наставительным тоном прошипел служитель, — что входить в зал во время выступления можно лишь при определенных условиях. Сейчас нужно соблюдать строжайшую тишину, ведь госпожа Файнингер играет пианиссимо. Может быть, даже пиано-пианиссимо!

Произношение у него было явно саксонское: последние слова он произнес как «биано-бианиссимо».

— Когда начнется громкий пассаж, тогда и войдем.

Обрюзглый саксонский великан и два мускулистых баварских гнома замерли в ожидании, слегка наклонившись вперед. Вскоре звуки рояля действительно стали громче. Евгений Либшер — именно так, судя по нагрудной табличке, звали этого ценного сотрудника — приложил ухо к двери и, многозначительно кивнув, пропустил парочку в зал. Пройдя несколько шагов вниз по пандусу, группа достигла четвертого ряда.

— Дождитесь паузы, — прошипел сквозь зубы Либшер. — А потом проходите на свои места. У вас двенадцатое и тринадцатое.

— Но ведь это же в самой середине ряда!

— Ничего, вещь скоро закончится, — отозвался привратник столь напыщенным тоном,

как будто бы именно он, а вовсе не Фредерик Шопен написал скерцо № 2 си-бемоль-минор, звуки которого лились в тот момент со сцены. Некоторые из зрителей, сидевших поблизости, слышали шепот и стали недовольно оглядываться на опоздавших.

На сцене высился рояль со сдержанно поблескивающим покрытием, за ним восседала скандально известная Пе Файнингер. Голову пианистки венчала ядовито-зеленая шляпа с широкими полями — это был ее фирменный аксессуар. Артистка склонилась над клавиатурой, словно готовящаяся к прыжку тигрица, затем приподняла локти, и ее пальцы проворно забегали по клавишам. «Пир-рили, пир-рили, пир-рил-ли-пум-пум!» — гремело со сцены. По крайней мере такими эти звуки представлялись Инго Штоффрегену. Зрительный зал изнутри освещался очень слабо — похоже, свет давали лишь неказистые зеленые табло «Выход», висевшие надо всеми дверями. На залитую ярким светом сцену были устремлены взоры двух или трех сотен человек из партера, двухчастный балкон вмещал еще около сотни зрителей. Концерт проходил с сумасшедшим аншлагом, среди плотных рядов зияли пустотой лишь два кресла, так что Инго с Габи могли занять только свои места.

Властительница ярко освещенной сцены заиграла какой-то особенно темпераментный пассаж. Музыка звучала все выразительнее и выразительнее, казалось бы, в преддверии скорой развязки — и вот уже гремят заключительные аккорды, яркие и многозначительные. Публика безмолвствует, до конца не уверенная, что это финал. Два-три смелых, однако не слишком сведущих меломана нерешительно хлопают, и кто-то даже кричит «Браво!»...

— Давай теперь пробираться на наши места, — шепнул Инго своей спутнице и принялся поднимать с сидений обитателей четвертого ряда. Люди вставали с явной неохотой, и молодой человек беспрестанно бормотал извинения. Но на самом деле тишина на сцене не означала конца произведения. Господин Шопен позволил себе роскошь сделать в самой середине вещицы двухтактную паузу, после чего скерцо продолжилось. Со сцены понеслось тихое пир-рили-по-о-пир-рили, Инго Штоффреген остановился и застыл в вынужденной позе. Икры бедолаги вот-вот готова была свести судорога, кроме того, его снова прошиб пот. Обрато уже не пойдешь — поднятые зрители поторопились снова сесть. Три гладковыбритых «галстука» досадливо подняли брови и демонстративно вздохнули. Несмотря на всю неловкость положения, Инго не оставалось ничего другого, кроме как продвигаться дальше, к одному из свободных мест. Пронзенному стрелой Амура «железному человеку» предстояло преодолеть дистанцию совершенно неспортивного свойства. Покорить коварнейшую из горных вершин, покрытых вековыми льдами, ему далось бы не в пример легче.

С четвертого места поползло вверх румяное и гладкое, как у ребенка, лицо мужчины средних лет, с пятого взмыла чья-то морщинисто-небритая физиономия, с шестого воспарил крючковатый нос... Вот перед глазами Инш дрожит желтоватая борода в наборе со стариковскими свинячьими глазками... Вот в полутьме сверкнули два пронзительно-голубых глаза... Вот тут обитает рыжеватый блондин, усатый и в очках... А там — маленькая девочка, которая не захотела встать, а лишь подогнула ноги. И уже в столь нежном возрасте дитя владеет искусством вздыхать подчеркнуто тихо и изможденно, как вздыхают взрослые в тех случаях, когда их беспокоят в самом разгаре наслаждения.

— Простите, простите, простите, — говорил Инго Штоффреген каждому, кого побеспокоил. Произнести это слово ему пришлось не менее одиннадцати раз, в том числе и в адрес дамы в длинном вечернем платье и с еле слышно позвякивающими серьгами в

ушах, между челюстями которой перекачивалась жевательная резинка. Вынув изо рта липкий шарик, ближайшая соседка по ряду беззвучно произнесла какое-то двусложное слово. И вот они наконец, два заветных места. Оглянувшись и поискав своей спутницы, молодой человек вдруг обнаружил, что Габи не пошла вслед за ним, а стоит на прежнем месте, в проходе, глядя куда-то в потолок. «Теперь из-за нее людям придется снова вставать», — поморщился Инго. Слегка нагнувшись, чтобы откинуть сиденье кресла, он вдруг почувствовал страшную боль в спине, однако не успел понять, что случилось. Он зашатался и повалился на пол, и уже в момент падения беднягу было не спасти, сказал бы любой доктор. От Инго Штоффрегена осталось лишь прекрасно натренированное тело и столик в «Пиноккио», зарезервированный на две персоны.

— Пропустите меня, я врач!

Лишь в тот момент, когда в дальней части зала раздался этот решительный молодой голос, Пе Файнингер окончательно прервала исполнение скерцо Фредерика Шопена. «Бромм-бромм-пирр-пирр-пи-п...» — примерно так звучали теперь осколки разбитой мелодии.

А ведь до этого все шло как нельзя лучше. Даже музыкальный критик, сидевший в первом ряду с каменным лицом, после начальных тактов расплылся в блаженной улыбке и лишь потом сделал несколько пометок в блокноте. Публика была настроена доброжелательно, зал заполнен до отказа — возможно, это объяснялось тем, что зрители ждали от пианистки очередной эпатажной выходки, может быть, даже небольшого скандалчика. И вдруг посреди сто тридцатого такта скерцо (исполнение которого, собственно, не терпело никаких помех, даже еле слышного шепота или кашля) в зале вдруг зародилось неясное волнение, начались возня и шепот, и пианистка поначалу приписала это своей провокационной манере исполнения. Однако после выкрика «Я врач!» концерт был безнадежно сорван. Сняв свою знаменитую ядовито-зеленую шляпу, госпожа Файнингер взгляделась в размытую людскую массу, начинавшую ворчать, как потревоженный зверь. В чем дело, сразу понять не удалось — в зале было слишком темно, однако гул усиливался, на пол валились сумочки и программки, чьи-то быстрые шаги то приближались, то удалялись, и тут и там даже раздавались сдавленные крики испуга. В крайних рядах наметилось брожение, несколько человек вскочили с мест, побежали к дверям и, распахнув их, вылетели в фойе. Обитателям балкона, заполненного до отказа, как и партер, конечно, было видно побольше, чем сидевшим внизу. Одна дама с верхнего яруса, чью голову венчала высокая прическа а-ля Мардж Симпсон, в возбуждении показывала пальцем на какое-то место в первых рядах партера, а потом закрыла лицо руками. Отголоски ее хриповатого вскрика еще некоторое время витали в помещении, затем все захлестнуло лавиной паники. Гортанные вопли ужаса, вавилонские обрывки фраз и обрубки слов и снова резкие — стаккато — крики растерянности. Какофония разрозненных звуков нагнеталась все сильнее, в темпе крещендо перерастая в бурлящий хаос. Родители хватали за головы детей постарше, с любопытством поглядывавших вниз, и с силой отворачивали их в сторону, а маленьких брали на руки и уносили прочь. Сидя за роялем, пианистка так и не смогла уловить, что же так испугало обитателей галерки, поэтому встала и медленно подошла к рампе, как обычно делала, принимая овацию. Фоторепортер одной из газет, сидевший в первом ряду, навел на нее объектив и несколько раз щелкнул камерой. В зале вспыхнул свет, и Пе Файнингер, стоя у рампы, слегка наклонилась вперед.

В середине четвертого ряда, возле откинутого вертикально сиденья, на полу лежало безжизненное тело, которое окружали перепуганные зрители, бестолково шарахаясь туда-сюда. Гораздо лучше со сцены просматривался третий ряд — он пустел на глазах, люди вскакивали и бежали к выходу, создавая давку. Когда пустота расширилась, пианистка увидела огромный алый язык, тянувшийся из-под какого-то кресла в сторону третьего ряда. Она не сразу поняла, что слабо поблескивающая масса, текущая по наклонному полу зрительного зала напрямиком к сцене, была кровью, но через несколько мгновений догадалась

об этом, и ее лицо стало мертвенно-бледным. Оцепенев от ужаса, Пе Файнингер так и стояла у рампы, и представитель прессы не смог удержаться от соблазна сделать еще один выразительный кадр.

Молодому медику с решительным голосом удалось продвинуться к цели лишь незначительно. Любопытный народец с задних рядов вставал и метался из стороны в сторону, пытаясь разглядеть эпицентр события, и протиснуться сквозь эти людские водовороты было чрезвычайно трудно. И чем дальше продвигался доктор, тем сильнее становилась давка. В проходах началось столпотворение, люди беспорядочно проталкивались кто куда, и дело уже доходило до легкого рукоприкладства.

— Ну пропустите же меня, я врач!

Этим звонким возгласом, чем-то родственным звукам топора, прорубающего просеку в густом лесу, мужчина попытался согнать с дороги тучного господина в роговых очках, живот которого выпирал из брюк пузырями и складками.

— Э, молодой человек, да мы с вами коллеги, — заметил толстяк.

— Что?

— Я тоже врач.

— А почему стоите без дела? — возмутился доктор Шивельфёрде.

— Да потому, что врачей тут хватает и без нас. И с пострадавшим уже работают два человека, пытаюсь оказать ему первую помощь.

— Вы так думаете?

— Да. Кроме того... я до конца не уверен, что это не...

— О чем вы?

— Ну, как вам сказать... Лично я не собираюсь попадаться на очередную удочку госпожи Файнингер. Вы слышали о ее проделках?

Нет, доктор Шивельфёрде ничего такого не слышал. С трудом протиснувшись мимо чрезмерно упитанного коллеги, он продолжал отважно пробивать себе дорогу в толпе.

В зале и в самом деле присутствовало видимо-невидимо докторов и других представителей медицинской профессии: наверное, несколько десятков. Одной из причин этого была традиционная любовь медиков к музыке — ведь, как известно, Зауэрбрух играл на виолончели, Рентген на флейте, а Фрейд на скрипке. Кроме того, в таком курортно-спортивном раю, как этот альпийский городок, количество санаторных и спортивных врачей зашкаливало за все мыслимые пределы. Тот самый толстяк, доктор Зайфф, был ортопедом и консультировал спортсменов, владея на паях со своим отцом небольшой клиникой «Зайфф унд Зайфф», коллектив которой почти целиком уместился в двенадцатом и тринадцатом рядах зрительного зала. Кроме того, здесь было видимо-невидимо модных пластических хирургов, безумно дорогих стоматологов, целителей-натуропатов, владевших самыми фантастическими методиками, а также специалистов, делавших себе рекламу на том, что у них якобы лечился тот или иной президент государства. Несколько рядов занимали сотрудники всех отделений крупной клинической больницы — урологического, кардиологического и даже какого-нибудь феохромоцитологического (желающие могут посмотреть в Интернете, что такое феохромоцитома). Многие из эскулапов уже повстречались перед началом концерта в буфете, потягивая просекко, пшеничное пиво и другие напитки, способные оперативно улучшить настроение. Коллеги чокались за здоровье и одновременно упражнялись в сарказме — здесь всякий знал каждого, и каждый имел претензии ко всякому. Молодого врача, упрямо прорывавшегося вперед, не знал никто.

Впрочем, ничего удивительного: доктор Шивельфёрде, приехавший из Северной Фризии, а если точнее, то из города Хузума, оказался тут лишь по чистой случайности, понятия не имея, что в этом зале заседает тайный врачебный конгресс. Собственно, он направлялся на отдых в Италию, но по пути у него сломалась машина. В местном автосервисе «Миргл» уже занимались его проблемой, однако продолжить путешествие молодой врач мог лишь на следующий день. Именно сломанному карданному валу доктор Шивельфёрде и был обязан получением неожиданного подарка — билета на концерт Пе Файнингер, ибо Йозеф Миргл, владелец автосервиса и брендмейстер добровольной пожарной команды, не любил фортепианной музыки. Проезжий доктор даже представить себе не мог, что большинство посетителей концерта явились сюда исключительно для того, чтобы стать свидетелями какой-нибудь пикантной сцены, ведь в своих интервью служительница муз давала понять, что один из номеров программы она может исполнить абсолютно голой. Ну как же прозевать такое!

Однако случилось нечто непредвиденное, беда маячила где-то там, ближе к сцене, и толпы медиков не знали, к чему склоняться: несчастный случай? Или провокация, тщательно спланированная известной любительницей скандалов? Многие слушатели не желали становиться разменной монетой в чужой игре, поэтому медлили и выжидали. Другие, напротив, развели бурную деятельность — например, доктор Пурукер, заведующий отделением урологии клинической больницы, имеющий виды на должность главного врача. Уролог сидел в двух рядах от места происшествия. Услышав глухой удар, он немедленно взобрался с ногами на сиденье, чтобы понять, в чем дело. При виде безжизненного тела Пурукер решил, что кто-то упал в обморок, и спрыгнул на пол, собираясь сбегать в гардероб за своим тревожным чемоданчиком, где среди прочих медикаментов имелось несколько ампул нашатыря. Однако не прошел он и нескольких метров, как застрял в людской пробке. Два молодых, но шустрых интерна тоже диагностировали у пострадавшего обморок — ведь что еще может случиться на концерте фортепианной музыки?

— Вагусный обморок, — вздохнул один, как будто бы удрученный незначительностью недуга. — Случается, когда человек слишком долго стоит.

— Наверное, он отстоял длинную очередь за бокалом просекко, — отозвался другой.

— Или чересчур долго слушал Моцарта, — добавила оказавшаяся рядом анестезиолог из больницы.

— Шопена.

— Что?

— Сегодня играли Шопена.

— А! Я постоянно их путаю.

Градус суматохи все накалялся. Отдельных везунчиков просто несло потоком, и им даже было все равно куда. Но все-таки дело не обошлось без потасовок, следствием которых стали синяки и кровоподтеки. Через три ряда от мест, предназначенных для Инго Штоффрегена и его спутницы, сидел врач с ученой степенью Клаус Мюллер. Он вскочил, метнул быстрый взгляд на место происшествия и увидел скрюченное мужское тело, наполовину высунувшееся из-под сиденья.

— Сосудистый коллапс! — воскликнул господин Мюллер, не задумываясь о том, что это грозное выражение может испугать профанов гораздо сильнее, чем какой-нибудь «вагусный обморок». Ведь последний ассоциируется скорее с сериалом «Клиника в

Шварцвальде» и быстрым выздоровлением, а вот узкоспециальное «сосудистый коллапс» напоминает уже «Крепкий орешек 4» и «Клиент всегда мертв».

— Сосудистый коллапс!.. — эхом отозвалось несколько человек на манер протестантов, самозабвенно подпевающих где-нибудь в Луизиане. Однако доктор Мюллер и вторившие его словам находились на том конце зала, откуда не было видно ручейка крови, медленно текущего от четвертого ряда к первому. В той части помещения все бешено ломилось к выходу, стараясь случайно не задеть страшного ручейка. Одни перелезали через сиденья, другие подскакивали, опираясь на подлокотники кресел. В третьем ряду осталась сидеть только одна пара: супруги Доблингер, лишившиеся сознания при виде алой жидкости. Гемофобия, истерический обморок.

Вскоре над первыми рядами вспыхнул свет, и одна операционная сестра в паре с отоларингологом, имеющим частную практику на окраине городка, решили, что настало время для срочного медицинского вмешательства. Пробравшись по третьему ряду, ухо-горлонос подошел к неподвижному телу почти вплотную, но не успел перегнуться к нему через сиденье, как почувствовал, что на его плечо легла чья-то тяжелая рука. За спиной у скромного отоларинголога стояла доктор Бьянка Валлмайер — главный врач клинической больницы, при необходимости замещавшая ее директора.

— Ничего не нужно делать, коллега.

Бьянка Валлмайер являлась хирургом. И ее должность и специальность были, честно говоря, покруче, чем у скромного частника, поэтому отоларинголог покорно ретировался. Посмотрев себе под ноги, доктор Валлмайер вдруг обнаружила, что стоит в огромной луже крови, и стала нагибаться, чтобы заглянуть под ближайшее кресло к поискам источника этого безобразия. Оказавшись в конце концов на четвереньках, дама почувствовала, что в глазах у нее потемнело.

Ситуация постепенно становилась неуправляемой. Какая-то акушерка поскользнулась на кровавом ручейке, уже достигшем пространства между первым рядом и сценой, и вывихнула себе руку. Один зубной врач, как и многие другие товарищи по несчастью, пытавшийся пробежать по креслам, потерял равновесие и упал прямо на жесткую спинку сиденья в четырнадцатом ряду, заработав себе ушиб яичек. С некоторыми зрителями начались нервные припадки, степень которых была различна в зависимости от индивидуального темперамента — одни свалились в обморок, другие впали в истерику, третьи начали испускать судорожные крики, четвертые кинулись заползать под сиденья. Одна дама в припадке временного помутнения рассудка с треском раздирала на себе одежду.

— Типичная картина острой реакции на стресс, — сказал психиатр Гуссвальд тем, кто оказался рядом с ним, и рыцарским жестом накинул на плечи полуобнаженной дамы свой пиджак. В принципе мечущиеся по залу медики могли бы излечить многие из таких «попутных» травм и расстройств, однако большинство присутствующих остались безучастными к бедам ближних, и для этого феномена уже трудно подобрать точный психологический термин. И снова: пронзительные крики, нервный смех, отрывистые ругательства и бессмысленные проклятия. Два фельдшера, официально состоявшие в штате концертного зала, до инцидента сидели на галерке в наушниках, слушая трансляцию футбольного матча, а в нужный момент не сумели пробраться в зал, безнадежно застряв где-то по дороге.

К чести всех присутствовавших в зале медиков, надо сказать, что в такой тесноте принять адекватные меры помощи главным пострадавшим было почти невозможно.

Леденящий душу бег с препятствиями в виде зрительских кресел с трудом дается даже бойцам спецназа, чего же мы хотим от обычных людей? Доктор Бьянка Валлмайер все еще корчилась на полу на четвереньках, хватая ртом воздух, и ее дородная фигура окончательно заблокировала подход к лежащему. Никто из окружающих не решался протянуть руку столь важной персоне. Конечно, многие уже догадались вызвать по мобильному «скорую помощь», и та приехала, и даже не одна — с улицы доносилось несколько сирен, настроенных в квартиру. Однако всеобщее внимание отвлекали на себя супруги Доблингер, так и сидевшие в обморочном состоянии наискосок от места происшествия. Те, кто сумел пробраться туда, принимали супругов за главных виновников переполоха и пытались привести их в чувство подручными средствами. Доктор Конецки, натуропат, прикладывал им целебные травяные компрессы с лапчаткой гусиной.

Вот что происходило до того момента, как непоколебимый доктор Шивельфёрде, гость из северофризского города Хузума, стал прорываться к безжизненному телу с решительным кличем: «Я врач!» Драгоценное время было упущено. Ноги несчастного выкрутило странным образом, его голова и шея скрывались где-то под сиденьем. Заезжий педиатр нагнулся, чтобы увидеть лицо жертвы, но никакого лица не обнаружил. Он взял пострадавшего за руку, попытался найти пульс и вскоре понял, что спасать уже некого. Упитанное тело мужчины, от головы которого почти ничего не осталось — настолько тяжелым оказался ударивший по ней тупой предмет, — было залито кровью. На груди у трупа, одетого в красную бархатную ливрею, висела именная карточка. «Евгений Либшер» — было напечатано на ней, а внизу чуть помельче: «Старший капельдинер культурного центра».

Овечки в лоденовых одеждах, высыпавшие из барочной церкви, все еще толпились на улице перед входом. Время от времени в небе погромыхивало, падали первые капли дождя, однако прихожане радовались общению после вечерней мессы и стояли, прячась от ветра за стенами храма с зеленоватым луковичным куполом. Вскоре перед ними предстала странная картина — какой-то молодой человек, возможно, сумасшедший, сломя голову пронесся мимо храмовой площади. Лицо у бегуна налилось краской, он фыркал и пыхтел, словно небольшая паровая машина, только в смокинге и при галстуке. При виде такой нелепости люди не могли сдержать смеха. Правда, некоторые из присутствующих, тоже занимавшихся спортом, узнали этого человека, ведь на каждой гонке, на каждом состязании, где участникам требовалось как можно быстрее переместиться из пункта А в пункт Б, не используя при этом никаких вспомогательных средств, появлялся этот комок мускулов и сухожилий по имени Инго Штоффреген и в большинстве случаев брал призовые места. Однако его сегодняшней забег смотрелся дико, в частности, потому, что здешний курорт имел гериатрическую специализацию. По местным улицам мало кто бегал — тут в основном расхаживали, бродили, фланировали и слонялись. Кто-то из прихожан крикнул вслед торопыге: «Да не гони ты так, убьешься!» В устах баварца это прозвучало весьма своеобразно: «Darenndifeinet!» — и случайному свидетелю данной сцены из приезжих могло показаться, что это сказано на арабском языке или франконском диалекте. Вместе с тем смысл фразы немецкоговорящий курортник понял бы — таковы удивительные свойства баварской речи.

Гроза еще жеманилась. Когда упали первые капли дождя, некоторые раскрыли зонты, но ливень так и не начался в полную силу, и верующие не торопились домой, продолжая болтать о том о сем. Твердо вознамерилась уходить только одна пара — люди среднего возраста, судя по всему, муж и жена. Им давно надоело обсуждать подлости ближайших соседей и всего человечества в целом, они были в курсе всех строительных проектов, знали обо всех сомнительных решениях совета общины. Свою основную задачу супруги выполнили — собрали информацию о тех, кто планировал выгодный брак, и — что самое главное — о находившихся при смерти, поэтому без сожаления покинули сборище на храмовой площади и направились домой. Да, Игнац и Урзель Гразеггер, владельцы солидной фирмы, оказывающей похоронные услуги с 1848 года, вовсе не были ревностными католиками, а посещали церковь лишь из соображений пользы для бизнеса. Вот и сейчас они шли с традиционной для этой местности службы за упокой всех скончавшихся на текущей неделе. Одного из них, Франтишека Говорчовицки, супруги Гразеггер только что успешно похоронили — если, конечно, слово «успешно» вообще уместно в такой ситуации.

Супруги Гразеггер двигались почти тем же маршрутом, что и шальной бегун в смокинге несколькими минутами раньше, только в обратном направлении. При этом темп их ходьбы был достаточно медленным, комфортным. Владелец похоронного бизнеса никогда не спешит: он живет размеренной жизнью и продумывает каждый свой шаг, умело добиваясь, чтобы окружающие относились к нему с пиететом. Еще предки Гразеггеров работали над имиджем серьезных и основательных людей, и это дало хорошие плоды: самые махровые старожилы курорта почти поголовно были клиентами Игнаца и Урзель — уже пятого

поколения наследников деликатного бизнеса. Вскоре, забыв о странном марафонце, Игнац и Урзель взялись под руки — по-свойски, как муж и жена. Они радовались предстоящему августовскому вечеру, спокойному и приятному.

Так-то оно так, приятному, но все-таки одна мощная дождевая капля, центральный нападающий с атмосферного фронта над головой, угодила в локон на виске Урзель, отчего тот немедленно раскрутился. А ведь она накануне была в парикмахерской! Пришлось ей все-таки раскрыть зонтик. Эта дама обладала гордой, суровой красотой, у нее были полные губы, а в голубых глазах светилась искорка интеллекта. Урзель родилась здесь, в долине, так что ее упрямство — пардон, твердая воля, — в общем, это свойство ее характера было обусловлено генетически. Для портрета Игнаца Гразеггера годятся почти те же самые краски: массивный корпус, суровый вид, умные глаза, целеустремленный характер, — короче говоря, видный мужчина с определенной харизмой. Он появился на свет там же, где и его будущая супруга, их дальние предки даже были родственниками, что в горной Баварии почти неизбежно.

— Сегодня будет работа, я чувствую, — заметил Игнац.

— Ну, раз ты так считаешь, — улыбнулась Урзель, показывая на молодого золотистого ретривера, который сидел на обочине дороги, часто-часто дыша. — Ты только погляди на него: он наверняка гонялся за зайцем.

У хирурга Бьянки Валлмайер, главного врача и заместителя директора крупной клинической больницы, выдался очень тяжелый день. С утра госпожа Валлмайер провела три сложные операции, но осталась не вполне довольна их результатом. Затем на ее голову одна за другой посыпались личные проблемы. Сначала пришло уведомление от адвокатов о состоявшемся разводе, а это сулило значительное ухудшение ее финансового положения. Новость о том, что старший сын неминуемо сползает в наркотическую пропасть, явилась еще одним жестоким ударом судьбы в спину — причем не последним. Ближе к вечеру стало известно: ее научное открытие, описывающее определенную патологическую реакцию организма на хирургические вмешательства, все-таки не включили в медицинскую энциклопедию «Пширембель» в виде отдельной статьи «Болезнь Валлмайер», или «Валлмайерова болезнь». А теперь, вместо того чтобы хоть немного забыться на концерте фортепианной музыки, она ползает на коленях в луже крови какого-то абсолютно постороннего человека, который скорее всего уже мертв и ему ничем нельзя помочь, и при этом сама чувствует себя хуже некуда.

— Там хоть что-то шевелится или нет? — пробормотала дама, но ее никто не услышал. Тем не менее «там» кое-что все-таки шевелилось. Это Инго Штоффреген, лежа под трупом Евгения Либшера, пустился в финишный забег наперегонки с Танатосом, сыном Никты, богини ночи, и братом Гипноса, бога сна. Особый гормон, вырабатывающийся в предсмертном забытии, заставил его мышцы и глаза судорожно сокращаться — в последний раз. Грудь невысокого спортсмена тоже еще медленно вздымалась и с легким подрагиванием опускалась. Однако никто этого не видел, и хирург Валлмайер тоже, поскольку забыла дома плюсовые очки.

С другой стороны ряда, всего лишь в полуметре от солидной докторши, настойчивый гость из Северной Фризии, доктор Шивельфёрде, делал уже вторую за последние минуты попытку найти пульс у старшего капельдинера Евгения Либшера. Без сомнения: пульс не прощупывался, никаких признаков сердечной деятельности не наблюдалось, значит, этот человек мертв. Воспользоваться другими известными приемами констатации смерти, а именно: проверить реакцию зрачков на свет или поднести зеркало к губам предполагаемого покойника (в старину в крестьянских семьях отсутствие пара на зеркале являлось поводом для вскрытия завещания), было невозможно, ибо у Евгения Либшера не осталось ни глаз, ни рта в собственном смысле слова. По крайней мере их нельзя было различить в том кровавом месиве, в которое превратилась вся лицевая часть его черепа. Доктор Шивельфёрде задумчиво оглядел мертвеца. Похоже, ему разбили лицо каким-то тупым предметом, удар пришелся наискосок — сверху вниз, начисто срезав нос. Из головы трупа, находившейся в приподнятом положении, беспрепятственно стекала кровь, в считанные секунды залившая нагрудную табличку, в результате чего потерявший лицо человек остался еще и без имени. Доктор Шивельфёрде распрямился. Этого несчастного либо кто-то ударил по лицу, либо он расшибся сам, упав на твердую поверхность, скорее всего на жесткий край сиденья. Значит, в том месте должны остаться следы крови. Врач оглядел двенадцатое кресло в соседнем, третьем, ряду. Оно было безукоризненно чистым, без единого пятнышка — правда, в таком состоянии ему пришлось оставаться недолго, ведь прямо на глазах у Шивельфёрде за край сиденья ухватились перепачканные кровью дамские пальчики с зелеными ногтями,

основательно запятнав обивку. Мысленно пожелав успеха тому, кто будет фиксировать следы, заезжий доктор перевел взгляд на женскую голову, вынырнувшую из-за спинки кресла. Обладательница зеленых ногтей спросила:

— Ну как, разобрали что-нибудь? Я забыла дома очки.

— Смерть наступила около десяти минут назад. Множественные травмы, большая потеря крови. Вот только носа почему-то не хватает.

— О, выходит, мы коллеги?

— Выходит, да. Моя фамилия Шивельфёрде, я педиатр из Хузума. Однако для того чтобы констатировать смерть вот этого господина, не обязательно быть педиатром. Это не составило бы ни малейшего труда даже для...

— Очень приятно. Валлмайер, главный врач клинической больницы. Так для кого же это не составило бы труда, по вашему мнению?

— Для ветеринара, например.

«Или для заместителя директора больницы», — мысленно дополнила доктор Валлмайер. Она хотела поприветствовать северофризского коллегу и чуть было не протянула ему испачканную кровью руку, но вовремя остановилась и стала обтирать ладони о свои дизайнерские брюки.

— Сегодня у меня был жутко тяжелый день, — вздохнула доктор Валлмайер. — Операции, развод, наркотики, осечка в карьере.

— Все как обычно, — отозвался педиатр из Хузума, однако его собеседница уже глядела в сторону. Итак, край многострадального сиденья из третьего ряда оказался донельзя перепачканным кровью жертвы. Доктор Шивельфёрде понимал, что при осмотре места происшествия судмедэксперт может сделать неверное заключение. Например, решит, что Евгений Либшер ударился головой именно в этом месте. «Правда, это не мои проблемы, — подумал детский врач. — Ведь я же не из тех, кто любит совать нос в чужие дела, не гшафтлхубер, как говорят в Баварии».

С обеих частей балкона, со стороны партера — одним словом, отовсюду — засверкали вспышки любительских цифровых фотокамер, а репортер местной газеты даже взобрался на сцену со своей профессиональной «лейкой». «В распоряжении следователей окажутся десятки снимков, правдиво отражающих ход событий», — подумал гость из Хузума. А вообще, стоит ему раскрыть рот, и его затаскают в качестве свидетеля, а значит, придется проторчать здесь несколько дней, в то время как его отдыхающее в Бриндизи семейство будет наслаждаться прелестями апулийской кухни без него. Пожалуй, пора уступить место полиции, которая вот-вот появится.

— Есть раненые? Где тут раненые?

Скрипучий мегафон придавал этим фразам особую, сурово-официальную интонацию, отчего многие зрители замирали на месте. Центральный вход в зал распахнулся, вбежали три санитары в кричаще-ярких спецжилетах и пожарных касках, и один из них снова крикнул в усилитель:

— Есть раненые? Где тут раненые?

Он повторил эту фразу по-английски, по-французски, по-сербохорватски, и со всех сторон зала — из партера, с балкона, из проходов — слышались крики: «Здесь, здесь!» Санитары пожарной команды были оснащены весьма неплохо: всевозможные аварийные молотки, дыхательные комплекты для ручной вентиляции легких, переносные дефибрилляторы и даже противогазы висели у них на ремнях, полностью готовые к

применению. Мужчины распределились по залу и начали оказывать первую помощь тем, кто заработал ушибы, ссадины, носовое кровотечение. К сожалению, доктор Шивельфёрде уже отошел от места происшествия, иначе он мог бы дать санитарам несколько действительно ценных указаний.

На пути к выходу педиатр из Хузума еще раз обернулся. Глаз выхватил из хаоса странную картину. В третьем ряду, на восьмом и девятом местах, сидели мужчина и женщина, прислонившись друг к другу. Рты у них были раскрыты, глаза, наоборот, закрыты, и казалось, эта пара вот-вот сползет с кресел на пол. Над ними уже хлопотали добровольцы из медиков, и кто-то прикладывал пострадавшим ароматические компрессы. Недалеко от этого места, а именно в следующем ряду затем, где лежал погибший, тоже сидели мужчина и женщина, однако эта вторая пара была полной противоположностью первой. Казалось, происходящее их почти не трогает, они глядели на доктора Шивельфёрде с интересом и кивали ему — может быть, желая подбодрить, а может, в знак уважения. Поведение этой парочки, сидевшей ближе всех к изуродованному труп, резко выделялось на общем фоне. В том, как держались эти люди, было что-то ненормальное, психопатическое. Чем отдавала их ухмылка? Вероломством? Злобой? Коварством? Кто знает, может, как раз в этот момент они перешептывались о чем-то бесстыдном? Одетые вызывающе ярко, эти господа напоминали гимназических учителей. Доктор Шивельфёрде невольно задумался над тем, какое отношение имеют к погибшему эти двое, и ему стало не по себе. Но что он должен делать? Показывать на них пальцем с криками: «Убийцы! Убийцы!»? Это тоже прерогатива полиции.

Детский врач был рад наконец-то выбраться в фойе. Там уже расхаживали представители исполнительной власти, хотя и в лице всего лишь двоих полицейских, беспомощно озирающихся по сторонам. Они задавали вопросы по рациям и ждали от начальства дальнейших указаний. Перемазанный кровью доктор прошел в непосредственной близости от копов, но те и не подумали его останавливать. Отыскав туалет, Шивельфёрде помыл руки до локтей, волей случая снова оказавшись рядом с высоким должностным лицом, доктором Валлмайер, которая тоже мыла руки до локтей — совсем как в операционной.

— Между прочим, это мужской туалет, — проворчал гость из Хузума.

— У меня был страшно тяжелый день, — услышал он в ответ. — Правда, сейчас я потихоньку прихожу в себя. «Болезнь Валлмайер» — звучит солидно, но, как видно, пока не судьба... Надеюсь, в другой раз получится.

Шивельфёрде вышел в фойе. Там он заметил еще одну примечательную персону — невысокую плотную блондинку со вздернутым носиком, одетую в канареечно-желтую ветровку, из-под которой выглядывало черное вечернее платье до колен. Поймав на себе взгляд доктора, женщина круто развернулась и пошла прочь. Последним, что он успел уловить в ее наружности, были крепкие икры, выдававшие в ней коренную жительницу гористой местности.

Когда детский врач оказался на улице, к нему сразу же подскочил санитар:

— Вам требуется помощь?

— Нет, — устало отозвался тот и показал пальцем туда, откуда пришел: — Однако там, в зале, есть нуждающиеся в помощи. Четвертый ряд, двенадцатое место.

Педиатр из Хузума планировал уехать отсюда на следующий день.

Вокруг тела старшего капельдинера собралась небольшая группа, словно временный

почетный караул. Но никто не знал, что делать без смелого педиатра и заместительницы директора клинической больницы. Один человек все же решил проявить инициативу и громко сказал:

— Пусть никто никуда не уходит! Оставайтесь здесь, полиции понадобятся свидетели.

Окружающие сочли это предложение разумным и снова расселись по местам. Многие реанимировали мобильники, выключенные перед концертом, и начали обзванивать родных и знакомых:

— Ты не поверишь, что тут случилось! Кошмар, дикость какая-то!

Примерно треть мест в зале снова заполнилась, еще примерно треть общего числа зрителей, возбужденно переговариваясь, стояли в фойе или на улице у входа в здание. Три отлично оснащенных санитара пожарной команды по-прежнему блуждали по залу, находясь уже не так далеко от места, где разыгралась трагедия.

— Ничего не трогайте! — верещала с галерки дама с прической а-ля Мардж Симпсон. Тем не менее в публике постоянно находились любители знать все наверняка, пытавшиеся прощупать пульс у жертвы без лица. Над трупом в ливрее нагнулся и старый доктор Коллбек, невропатолог на пенсии. Вскоре он поднялся на ноги и заявил:

— Я чувствую слабый пульс. Этот человек еще жив.

— Не обижайтесь, коллега, — возразил доктор Бадер, — но этот человек мертв. Неужели бы мы не сумели определить у него пульс!

— Попробуйте сами, увидите, — предложил Коллбек.

— Это исключено, — покачал головой Бадер, но все-таки протянул руку к запястью пострадавшего. — О Боже, он жив!

Вот тут-то и была обнаружена вторая жертва — Инго Штоффреген, крепкий, мускулистый, хоть и невысокий молодой человек, и не какой-нибудь там, а «железный», который пришел на концерт против своей воли и оказался в неподходящий момент в неудачном месте. Тучное тело капельдинера не только погребло под собой незадачливого искателя женской ласки, но и задвинуло его так глубоко под сиденье, что даже после того как Либшера оттащили, под кресло пришлось заглядывать дважды, чтобы наконец обнаружить там миниатюрный комочек мускулов.

— Надо поднять труп, чтобы извлечь из-под него второго пострадавшего, — предложил Йозеф Шаррбигель. В виде исключения это был не медик, а член совета общины и одновременно владелец булочной-пекарни «Шаррбигель».

— Нет! Ни в коем случае! Положение трупа менять нельзя! — завизжала с галерки копия Мардж Симпсон.

Однако владелец пекарни настоял на своем. Тело Либшера со всеми предосторожностями переложили в другое место, и Штоффреген оказался в положении лежа на боку. Из ушей несчастного текла кровь.

— Плохой знак, — констатировал доктор Шваммингер.

Известие о том, что обнаружена вторая жертва, молниеносно распространилось среди оставшихся. Началась новая волна паники. Неизбежный эффект испорченного телефона превратил «вторую жертву» в «еще несколько жертв» и даже «в огромное число погибших и тяжелораненых». Каким образом в эти драматичные приукрашивания и спонтанные спекуляции затесалось слово «инфекция», осталось загадкой, но в итоге измученный разум оставшихся в зале вскипел еще раз, и новая волна паники чуть было не переросла в цунами, которое наверняка сделало бы невозможной транспортировку обеих жертв. «Заразно! Очень

заразно! Чрезвычайно заразно!» Слово спонтанно мутировало, приобретая угрожающие формы и распространяясь в публике так стремительно, словно оно и было той самой инфекцией.

Однако в этой суматохе, среди истошных воплей, отчаянных просьб о помощи и беготни, пианистку Пе Файнингер вдруг посетила вполне разумная идея. Артистка села за рояль и продолжила игру с того самого места, на котором остановилась. «Пир-рили-бум... пир-рили-бум», — нерешительно прозвучало со сцены. И как в той легенде, в которой дикие, агрессивные медведи, готовые вот-вот разорвать жертву, успокоились и улеглись на землю, услышав звуки виолончели, льющаяся из-под пальцев скандально известной пианистки мелодия сумела притушить зарождающуюся в публике истерию.

Два патрульных полицейских сделали все от них зависящее. Вообще-то их никто не вызывал — дежурство поначалу шло как обычно, без происшествий, они не спеша расхаживали по улочкам в наушниках, слушая радиотрансляцию футбольного матча. Заметив буйство проблесковых маячков возле концертного зала, патрульные позвонили в участок, вызвали подкрепление и вскоре уже топтались в фойе, пытаясь разобраться в происходящем. Увидев двух окровавленных человек, выходящих из дверей (это были доктор Валлмайер и доктор Шивельфёрде), копы решили, что случилась какая-то крупная катастрофа — террористическая атака или падение самолета в самую середину зрительного зала. Действуя строго по инструкции, они вызвали Службу технической помощи, позвонили в военную полицию американского гарнизона, квартирующего здесь с конца Второй мировой войны, и на всякий случай — в расположение войск бундесвера. Ведь именно армия с недавних пор отвечала за контртеррористические операции, об этом даже писали в какой-то газете.

— Я направляю вам в помощь эскадрилью истребителей из двенадцати боевых самолетов, — сказал дежурный офицер из части имени Иоганна Генриха Люттенгоффера.

— Что-что вы нам посылаете? — изумленно переспросил обермейстер полиции Остлер, коренной житель курортного городка.

— Ничего. Я пошутил. Такие вещи не входят в сферу нашей ответственности. Вы твердо уверены, что это была террористическая атака?

Нет, твердой уверенности в этом у Остлера не было, поэтому они с коллегой, обермейстером полиции Хёлльайзенем, решили позвонить в Мюнхен, в Федеральное ведомство уголовной полиции.

— Кто приедет? — поинтересовался Хёлльайзен.

— Гаупткомиссар Еннервайн, — отозвался Остлер.

— Еннервайн?..

С лукавым видом подтолкнув напарника в бок, Хёлльайзен вполголоса завел первый куплет знаменитой песни о трагической судьбе браконьера^[5] Еннервайна:

— Жил-был охотник, молодой и статный...

— Кто же его отправил на тот свет?! — вполголоса пропели дуэтом полицейские и так же тихонько довели куплет до конца.

К тому моменту, когда на месте происшествия появился тезка воспеваемого в этой песне охотника, гаупткомиссар полиции Губертус Эннервайн, большинство следов оказались растоптаны и утрачены, жертв еще не увезли в судебный морг, самые важные свидетели ушли домой, не оставив никаких координат, и, напротив, в фойе скопилась огромная толпа доброхотов, желающих «непрерывно и срочно» дать свидетельские показания, что нередко оборачивается еще более серьезной проблемой, чем мучительный поиск свидетелей.

Эннервайн энергично выпрыгнул из машины. Это был мужчина среднего роста, со среднеразвитой мускулатурой и усредненно-приятной внешностью, и ни одно кастинговое агентство в мире не взяло бы его на роль комиссара уголовной полиции. Несмотря на живость взгляда и доброжелательное выражение лица, наш герой был из тех, на кого вряд ли обратишь внимание на улице — если только вы специально не ищете человека без особых примет. Неопределенный цвет волос — что-то между темно-русый и светло-каштановым — не позволял судить о возрасте их обладателя. (Между нами: ему было сорок восемь.) Природа наградила Эннервайна таким лицом, что, даже проехав с этим человеком всю Германию в одном купе, вы напрочь забудете, как он выглядит, едва сойдя на платформу. Вместе с тем именно данное обстоятельство и составляло капитал, который Эннервайн всегда имел при себе. Заурядный облик сослужил ему неплохую службу при раскрытии нескольких преступлений, ведь неприметность, как известно, лучшая маскировка. Он не выглядел человеком дела — он был им. Эннервайну ничего не стоило съезжать венский шницель на конгрессе строжайших вегетарианцев — и остаться при этом незамеченным; из-за крайне неброской наружности его вполне могли проглядеть спасатели, вызволяющие людей, скажем, из горящего автомобиля. Но главной гордостью гаупткомиссара была стопроцентная раскрываемость преступлений, которые ему когда-либо поручали расследовать. Привыкший к успеху, избалованный им, Губертус думал, что так будет всегда.

Обойдя вокруг своей машины, Эннервайн сложил боковые зеркала, не раз страдавшие в подобных обстоятельствах, и задумался, видел ли он хоть один детективный фильм, где комиссар заботился бы о зеркалах перед началом расследования. Он не мог припомнить ни одной киноленты. Эннервайн никогда не стремился примчаться на место преступления первым, и сегодняшней случай не был исключением. Опытный сыщик считал, что руки у него связаны до тех пор, пока «воинство небесное» из всевозможных экспертов, дактилоскопистов, криминалистов, специалистов по изъятию улик, по осмотру трупов, по профилированию преступников, а также всяческих компьютерщиков, серологов, баллистиков, физиков, энтомологов и прочих педантов не выполнит своей рутинной, но очень важной работы. С каждым годом, с каждым новым словом в науке и технике эти службы разворачивали свою деятельность все масштабнее, сжимая кольцо не только вокруг преступников, но и вокруг следователей тоже. Давно канули в Лету те времена, когда инспектор полиции с окурком в зубах догадывался о многом при первом же осмотре места происшествия; давно на пенсии те криминологи с феноменальной интуицией, которые зрели в корень с самого начала расследования, наподобие знаменитого Колумбо. Все это вчерашний, позавчерашний, позапозавчерашний день. Теперь в раскрытии преступления

шагу нельзя ступить без результатов анализа ДНК, скрупулезных отчетов о поведении мясных мух и психологических исследований уровня латентной преступности.

Губертус Еннервайн жалел о том, что романтический ореол профессии детектива меркнет с каждым днем. Специальность, которой он овладел ради того, чтобы как можно чаще ездить, все крепче и крепче привязывала его к письменному столу. Корпя над бумагами в своем кабинете, гаупткомиссар становился похож на загнанного зверя. Но сегодня он вырвался на волю и пружинистой походкой пересекал площадь перед концертным залом.

С первого же взгляда ему стало ясно: здесь случилось что-то экстраординарное. Такое невероятное скопление машин экстренных служб, вызываемых в спешке и на всякий случай, он видел впервые в жизни. Пожарных машин было так много, что они мешали друг другу. Подходы к зданию заблокировала добрая дюжина карет «скорой помощи», также здесь стояли: джип с логотипом бундесвера, автомобиль для перевозки трупов, «БМВ» с тонированными стеклами, автокран Службы технической помощи, мини-экскаватор из Центра ликвидации катастроф и автобус «Фольксваген» с какой-то аббревиатурой на табличке, которая могла означать все, что угодно.

— Наконец-то вы приехали, гаупткомиссар! — воскликнул обермейстер Остлер, стоявший у главного входа в культурный центр.

— Гм, значит, вы — Остлер? Что-то знакомое...

Фамилия Остлер была одной из самых распространенных не только в этом курортном городке, но и во всей округе. Иногда в каком-нибудь учреждении насчитывалось до семи Остлеров одновременно, причем до трех человек из них могли зваться Иоганнами.

— Что случилось? — спросил Еннервайн. — Судя по такой прорве спецтехники, можно подумать, что время пошло вспять и тут началась Вторая мировая война.

— Да нет, ничего сверхъестественного не произошло. Правда, мы и сами сначала подумали, что разразилась какая-то катастрофа.

— Ну, если катастрофы нет, уже хорошо. Так в чем же суть происшествия?

— Имеется труп: мужчина, около шестидесяти лет, документов при нем не обнаружено, личность устанавливается, предположительно сотрудник данного культурного учреждения. Также имеется тяжелораненый: мужчина, около двадцати пяти лет, документов также не обнаружено, личность устанавливается. Предположительно — слушатель концерта.

— Дело пахнет разборкой между ними?

— Да нет, ничего подобного не зафиксировано. Внезапно, прямо посреди концерта, эти двое рухнули на пол. Они лежали друг на друге — сверху труп, снизу раненый.

— Внезапно?

— Да-да, именно внезапно! Кое-кого из свидетелей я уже опросил и записал их данные.

— А сколько всего было свидетелей?

— Примерно четыреста или пятьсот.

— Просто блеск!

— Да уж... И главное, никто ничего толком не понял. Кроме того, многие ушли до того, как мы сообразили...

— Ладно, разберемся. Оружие?..

— Не найдено. Первичный осмотр жертв показал, что повреждения у них вызваны ударом. Это подтверждают врачи, а их в зале было великое множество.

Встав у одного из входов в зал, Еннервайн с Остлером проследили, как врачи и санитары эвакуируют на каталке тяжелораненого. В другую дверь внесли черный гроб, куда

вскоре опустили погибшего.

— Нос не забудьте! — крикнул санитар, стоявший в середине одного из рядов, и поднял высоко над головой какой-то предмет, неразличимый с того расстояния, на котором находились Остлер и Еннервайн. Вокруг Инго Штоффрегена сустились врачи «скорой помощи». Один из них обернулся и ответил:

— У этого с носом все в полном порядке.

Таким образом, гроб с телом Либшера пришлось открывать еще раз, чтобы дополнить его содержимое важным компонентом.

Полицейские все еще стояли у входа в зрительный зал. Привстав на цыпочки, гаупткомиссар попытался разглядеть основное место происшествия. Такая кровавая драма прямо посреди концерта фортепианной музыки, и никто ничего не заметил? Еннервайн машинально посмотрел вверх, на балкон, проводя воображаемую пунктирную линию между определенной точкой на парапете и тем местом в зале, где были обнаружены жертвы. Сказав Остлеру, чтобы тот никуда не уходил, Еннервайн вышел в фойе и стал искать лестницу, ведущую на следующий этаж. Между тем в здании культурного центра, помимо санитаров, уже рыскали бойцы военизированной полицейской части и пограничники, так что гаупткомиссару приходилось то и дело предъявлять служебное удостоверение, чтобы его не выгнали отсюда как зеваку. Вскоре к нему подскочила незнакомая пожилая дама:

— Господин унтер-офицер, не могли бы вы мне помочь?

Понижение в должности на восемь званий Еннервайн принял со спокойной усмешкой.

— Да-да, конечно. Ведь я здесь именно для этого.

— Господин унтер-офицер, моя дочка была на концерте! И я слышала, есть убитые!

Еннервайн успокоил ее, однако ответить на вопрос, где сейчас находится дочь этой женщины, он, естественно, не мог. Записав фамилии обеих дам на купюре в пять евро, поскольку ничего более подходящего под рукой не нашлось, гаупткомиссар сунул ее снова в кошелек и тут же забыл об этом. Он увидел, что на место прибыли первые эксперты-криминалисты. Собственно, пока этот дотошный люд с чемоданчиками и всевозможной замысловатой аппаратурой не закончит своей работы, в зале ему делать нечего. Еннервайн пошел вверх по лестнице, на балкон.

Туда вела только одна дверь. Внутри царили пустота и беспорядок, на полу валялись забытые в суматохе сумочки, растоптанные очки и скомканные бумажные платки. Еннервайн подошел к широкому парапету, перегнулся через него, не касаясь руками, и посмотрел вниз, в партер. Балкон довольно значительно выдавался над залом, так что некоторые места находились непосредственно под ним. Несколько сотрудников в униформах выгоняли из зала последних любопытных из числа зрителей, направляя к выходу, где полицейские записывали их личные данные. Требовалось поскорее освободить территорию, чтобы не мешать экспертам.

Зрительный зал и сцена были ярко освещены. На сцене стоял рояль с высоко поднятой крышкой. Инструмент обладал определенным сходством с тем самым гробом, который недавно вынесли отсюда, только блестел поярче. Одно место в середине четвертого ряда было перемазано кровью, в зале почти не осталось зрителей, кроме двух человек, сидевших в следующем ряду, точь-в-точь за тем злополучным креслом. Остлер терпеливо уговаривал их уйти, но граждане явно не торопились слушаться. В боковом проходе о чем-то советовались три санитары из пожарной команды, а в нескольких шагах от них стояла каталка с Инго

Штоффрегенем, вокруг которого суетились медики. Они делали пострадавшему искусственное дыхание и что-то вводили ему из шприца, отрывисто произнося медицинские термины попеременно с данными в миллилитрах и миллиграммах.

Еннервайн стал размышлять над тем, как мог произойти этот инцидент. Действительно ли его можно считать несчастным случаем? Воображаемая линия начиналась вот здесь, на парапете, и заканчивалась на месте обнаружения тел — однако оно находилось не точно под балконом, а в нескольких метрах в сторону. Поэтому несчастный случай исключается. Самоубийство? Еннервайн представил, как один из двоих пострадавших влезает на парапет и отталкивается, дабы спрыгнуть вниз. Но чтобы достичь того места, ему нужно было оттолкнуться со страшной силой. С какой?.. Однако разве самоубийцы прикладывают все силы для того, чтобы прыгнуть как можно дальше? «На первый вопрос должны ответить физики, на второй — психологи», — подумал Еннервайн. В дверь постучали, и вошел Остлер в компании стильно одетой, ухоженной дамы, которая сразу же назвалась директором культурного центра, не представившись при этом по фамилии.

— Кошмар! Просто неслыханно! Это был первый концерт госпожи Файнингер в наших краях...

— Да уж, приятного мало, — кивнул Еннервайн.

— У меня есть один деликатный вопрос. Простите, может быть, в данный момент не слишком-то уместно говорить об этом...

— О чем?

— Завтра у нас матине, то есть утренний спектакль...

— Я знаю, что такое матине. Половина баварских полицейских имеет аттестат зрелости. Я вхожу в их число.

Стильная директриса слотнула слюну.

— Итак, завтра утром у нас представление. Я что, должна его отменить?

— Думаю, вам придется отменить все спектакли на ближайшие дни.

— До какой конкретно даты?

— На этот вопрос мы сможем ответить лишь после того, как закончим работу на месте.

Начальница выслушала это известие в скорбном молчании.

— У меня тоже есть один деликатный вопрос, — сказал Еннервайн. — Мне нужен список всех сотрудников центра, включая рабочих сцены, вспомогательный персонал, гардеробщиков — всех без исключения, задействованных в подобных представлениях. Как минимум тех, у кого сегодня рабочий день.

— Да, конечно, но для чего? Разве этот случай... — Руководительница замялась в поисках подходящего слова.

— Уголовный, вы хотите сказать? Моя работа состоит как раз в том, чтобы выяснить это, госпожа...

— Бреннер. Собственно, фон Бреннер, но...

— Понимаю: в сфере культуры приветствуется скромность. Однако я хочу задать вам еще один вопрос, последний, госпожа... Бреннер.

— Ничего подозрительного я не заметила.

— Я не об этом. У вас есть список сегодняшних посетителей?

— С этим не ко мне. Резервированием занимается госпожа Дойтике, поговорите с ней.

Упомянутая госпожа оказалась на месте и вскоре предстала перед Еннервайном, настроенная гораздо доброжелательнее своей начальницы. Гаупткомиссар сразу же перешел

к делу:

— У вас есть список сегодняшних, посетителей?

— Полного списка, разумеется, нет, но большинство зрителей предварительно резервировали билеты, в обязательном порядке оставляя контактные данные. Треть билетов мы продали через вечернюю кассу — естественно, при этом никто не сообщал нам своих фамилий с телефонами...

— Выходит, у вас зафиксировано около трехсот имен с соответствующими телефонными номерами?

— Да, около того.

— Вы могли бы отсканировать для меня этот список?

— Конечно.

— Тогда будьте так добры, сделайте это прямо сейчас.

— А вы позволите мне задать один вопрос? Что с тем молодым человеком, который лежит внизу, на каталке?

Собеседники посмотрели вниз, в боковой проход. Действия врачей, столпившихся вокруг ложа Инго Штоффрегена, уже не были такими лихорадочными, как раньше. Не слышалось ни отрывистых распоряжений, ни данных в миллилитрах и миллиграммах. Один из санитаров пожарной команды снял шлем и закурил сигарету.

К сожалению, это не означало, что для «железного человека» самое страшное осталось позади. Перевозчик душ Харон уже сопровождал его через реку Стикс в подземное царство мертвых. Возможно, Инго даже сам правил лодкой. Или преодолевал эту дистанцию вплавь, на скорость.

— Какой именно звук вы слышали — треск или щелчок?

— Треск, щелчок — какая разница?!

— Очень большая. Не могли бы вы описать услышанное поточнее?

— Нет, не могу. Я шел слушать концерт, а не анализировать отдельные звуки.

«Хорошенькое начало расследования», — подумал обермейстер полиции Иоганн Остлер. Муть какая-то, а не показания. Свидетель сидел на балконе и не видел ничего, ровным счетом ничего, и даже не может толком сказать, что именно он слышал.

— Но ведь треск и щелчок — это совсем разные вещи, — терпеливо сказал полицейский. — Звук был скорее глухой — или скорее звонкий? Для нас это очень важно. Попробуйте, пожалуйста, вспомнить.

— Я могу сказать только одно: шум был едва ощутимым и длился совсем недолго. Не будьте таким педантом. Слова «треск» и «щелчок» просто пришли мне в голову первыми.

— Вы могли бы воспроизвести этот звук?

— Как это — воспроизвести?

— То, что вы слышали, напоминало «крк»... — Остлер изобразил звук ломающегося стаканчика для йогурта, — или скорее «фумп»?

Последнее очень походило на удар острой мотыгой по мешку, набитому картошкой.

— Скорее «фумп».

— Значит, «фумп». Вы уверены?

— Да, теперь я ни капли не сомневаюсь: прозвучало нечто вроде «фумп».

— Большое спасибо, вы нам очень помогли. Вот номер телефона, позвоните в участок, пожалуйста, если вспомните что-нибудь еще.

Дама в пышном вечернем платье положила в рот жевательную резинку и стала жевать ее под мелодичное позвякивание собственных серег. Ее наряд был безнадежно испорчен, макияж расплылся, но ни одной травмы она, похоже, не получила. Еннервайн глядел как замороженный на грудь женщины, где красовалась громадная брошь в виде паука.

— Меня зовут Эрика Цигенспёкер, я педагог по классу фортепиано. На концертах я всегда сижу с закрытыми глазами, поэтому ничего не видела.

— Но ведь одна из жертв, а именно вторая по счету, пробиралась мимо вас на свое место. Возможно, вам даже пришлось встать, чтобы пропустить опоздавшего. Разве в тот момент вы не обратили на него внимания?

— Я открыла глаза лишь на несколько мгновений и закрыла их снова.

— А потом?

— Потом я услышала: «Р-р-румс!»

— Вы сидели совсем рядом с тем злополучным местом и слышали только «р-р-румс!», больше ничего? Как вы это объясните?

— Чего же тут объяснять? Передо мной уже никого не было, тот опоздавший, слава Богу, протиснулся мимо. И вдруг раздается этот отвратительный звук. Что за неандерталец, подумала я, он даже сиденье не может откинуть как следует!

— И что было дальше?

— Услышав это «р-р-румс!», я инстинктивно отвернулась в сторону.

— Так-так. Значит, инстинктивно.

— Да, именно инстинктивно! Потом началась неразбериха, и я бросилась к выходу. Поскорее бы выбраться отсюда, только и было у меня на уме.

— И вы побежали, даже не поглядев в сторону пострадавшего, не попытавшись понять, что произошло?

— Послушайте, чего вы от меня хотите? Вы считаете, это я сбила с ног того нарушителя спокойствия? Отхлестав его своей программкой, да?

— Нет, конечно, я ничего такого не имел в виду, госпожа Цигенспёкер. Но разве у вас не промелькнула мысль, что человеку может понадобиться медицинская помощь?

— Вы смеетесь надо мной? В зале сидела добрая половина врачебного состава больницы, а первую помощь должна была оказывать я, скромная учительница музыки?!

— Я все понял, госпожа Цигенспёкер. Теперь у вас есть мой телефон, звоните, если все-таки вспомните что-нибудь еще.

Пугливая лань в пышном вечернем платье, скромная учительница музыки, уже не смотрела на гаупткомиссара. Схватив в каждую руку по туфле, дама в позвякивающих серьгах помчалась прочь босиком — наверное, опять под влиянием инстинкта самосохранения. «Смерть взмахнула косой в двух шагах от нее, и это многое извиняет», — подумал Еннервайн, выключая диктофон. Уже опрошены несколько свидетелей, но ничего толкового они не рассказали — кроме того, что слышали удар или грохот, дребезжание или треск, шорох или царапанье. Всякие «р-р-румс!» и «бом!». Некоторые уверяли: звук был, как будто что-то раскалывается или лопается, а один мужчина упрямо твердил, что слышал «тс-са-вонк!». При этом никто ничего не видел.

«Вот дьявольщина», — подумал Еннервайн.

На место прибыли еще два члена следственной бригады, с которой он обычно работал. Это были гаупткомиссар Людвиг Штенгеле и комиссар Николь Шваттке. Еннервайн созвал коллег на короткое совещание.

— Давайте поступим следующим образом, — сказал он. — Хёлльайзен и Шваттке остаются здесь, в фойе, опрашивают зрителей и берут у них адреса и телефоны, то есть самый минимум персональных данных. Пожалуйста, не забудьте о гардеробщиках! Задача Штенгеле — организовать оцепление, а Остлер пусть займется прессой, и прежде всего фотографом, шныряющим здесь до сих пор. Все без исключения фото нужно конфисковать. А я попытаюсь найти пианистку.

В следующий момент полицейским пришлось посторониться — мимо них пронесли гроб с «железным человеком». Шум в фойе постепенно утихал. Еннервайн еще раз вернулся в зал, где работали одетые в белое эксперты-криминалисты, собирающие улики, словно китайцы рис. Их головы то выныривали из-за спинок кресел, то снова исчезали. Специалисты изучали следы от обуви, брызги крови и древесные щепки. Рты этих людей прикрывали защитные маски новейшего поколения, но их глаза были открыты, и по ним читалось, что они довольны результатами своей работы. Еннервайн прошел мимо работающих коллег к сцене, поднялся по лесенке и направился за кулисы. Путь в гримерную был отмечен несколькими табличками. Нужная дверь оказалась открытой, и гаупткомиссар осторожно заглянул внутрь.

— Входите, пожалуйста, я уже давно вас поджидаю! — крикнула пианистка, и Еннервайн не без смущения переступил порог гримерной. Он чувствовал себя солдафоном, грубо вторгающимся в мир трепетной, как бабочка, творческой личности, — да еще и со

служебным оружием, едва ли не болезненно ощущая его под мышкой. Однако, к великому удивлению полицейского, Пе Файнингер предстала перед ним в джинсах, футболке и поношенных туфлях. Черное концертное платье артистки, переливающееся яркими блестками, уже было упаковано в потертый чехол для одежды, а ядовито-зеленая шляпа лежала рядом, на стуле. Их хозяйка жевала булку с печеночным паштетом, роняя на пол коричневые капли горчицы.

— Здравствуйте, госпожа Файнингер. Я всего лишь хотел спросить: не бросилось ли вам в глаза чего-нибудь необычное?

— Я была всецело поглощена игрой, можете мне поверить. И возлагала на этот концерт большие надежды. Ведь в зале сидели несколько заинтересованных во мне продюсеров, в том числе зарубежных. И публика пришла в такой экстаз, какого только может пожелать себе каждый исполнитель. Открою вам секрет: я даже расстроилась, что этот экстаз был вызван не мной.

— И вы не заметили самого происшествия?

— Нет, я абсолютно ничего не заметила. Софиты освещают сцену так ярко, что разглядеть что-то в зрительном зале практически невозможно.

— На тот случай, если вы все-таки что-нибудь вспомните, вот вам моя визитка.

— Скажите, пожалуйста, сколько продлятся все эти расследования?

— Точно не знаю. Наверное, несколько дней. Госпожа Файнингер, я надеюсь, мы встретимся с вами еще раз, в более благоприятной обстановке.

Они обменялись рукопожатиями.

— Возможно, на моем следующем концерте, господин...

— Еннервайн.

— Что? Вы — тезка браконьера Еннервайна? «Пробита голова, раздробленная челюсть, — пропела музыкант. — Пролил он кровь на твердый камень скал...» Это, случайно, не ваш родственник?

— Ну разумеется. Я последний прямой потомок того самого легендарного Еннервайна.

Оба захохотали. Вообще-то гаупткомиссар терпеть не мог, когда ему в сородичи навязывали «исторического тезку», Георга (Гиргла) Еннервайна, пришедшего в этот мир в 1848-м и трагически погибшего в 1877 году, — однако от такой именитой персоны, как Пе Файнингер, он покорно стерпел эту заезженную шутку.

— Придется мне включить «Песню о браконьере Еннервайне» в свой репертуар, — со смехом пообещала пианистка.

— Серьезно? Даже не верится...

— Даю слово: если вы придете на мой концерт, я сыграю ее для вас в качестве бонуса!

— В таком случае я обязательно куплю билет на ближайший ваш концерт.

Ни тот ни другая еще не знали, что Еннервайн действительно окажется на концерте Пе Файнингер, однако ни до каких бонусов дело так и не дойдет.

Дом Гразеггеров находился на южной окраине курорта. Отсюда открывался беспрепятственный вид на горный хребет Веттерштайн, крутые склоны которого блистали в солнечные дни, как скомканная фольга от шоколада. Всюду, куда ни погляди, взгляд упирался в это величественное творение природы. В таком окружении выросло несколько поколений специалистов похоронного дела, начиная с 1848 года, когда плотник Сильвестр Гразеггер построил тут дом и начал собственное дело. Скромное владение служило одновременно и жильем для семьи, и канцелярией для фирмы. Когда-то здесь имелась еще и небольшая мастерская, где сколачивались гробы, но со временем это звено производственной цепочки было передано сторонним исполнителям. Теперь буковые и дубовые гробы заказывали на Украине, а потом доставляли сюда. Дом располагался на косогоре у подножия горы, а за ним сразу же начинался типичный для Баварии густой хвойный лес. Все венчала горная вершина Крамершпиц. Выше были только Бог — и фён.

Когда Игнац и Урзель заходили на свой участок, стряхивая с зонтов капли дождя, они еще ничего не знали о будоражащих событиях, разыгравшихся в центре городка. Правда, в какой-то момент до них донесся вой автомобильной сирены — эдакое сдавленное, приглушенное та-тю-та-та, однако для местного спортивного рая это было делом обычным. Супруги рассчитывали провести воскресный августовский вечер в тишине и спокойствии, вкусно поужинать — и на время забыть о делах, разве что прослушать записи на автоответчике, ведь у смерти не бывает выходных. Первый из звонивших желал заказать гроб с эксклюзивной внутренней отделкой буковыми филенками. У второго имелись индивидуальные пожелания насчет цветочных композиций в зале прощания. Третий звонок был от кузины Франтишека Говорчовицки — клиентка жаловалась на неграмотность траурного объявления в газете, где был два раза пропущен гачек, значок над чешскими буквами «s» и «c». Что правда, то правда, тут не поспоришь. Последнее, четвертое сообщение на автоответчике оставил Карл Свобода, деловой партнер Гразеггеров из Австрии — если, конечно, здесь уместны слова «деловой» и «партнер» и если Свобода было его настоящим именем. Итак, этот господин сообщил, что появится у Гразеггеров завтра вечером — все как всегда, обычным манером. В то же время не исключено, что он прибудет ночью, может быть, даже поздней, но в любом случае у него найдется чем их удивить. Он даст о себе знать привычным способом, конец сообщения.

Урзель сбросила неудобные туфли, сняла лоденовое пальто и повесила его на крючок. Ее супруг уже хлопотал на террасе, накрывая обильную вечернюю трапезу — гремел деревянными разделочными досками и с аппетитным треском вонзал острый нож в хрустящую хлебную корку. Хозяйка включила радио. На «самой баварской» изо всех баварских радиостанций как раз передавали душевную народную музыку, отлично подходящую к ужину и, к счастью, не имеющую ничего общего с китчевым репертуаром программы «Музикантенштадл». Приемник источал ликующее пение женских коллективов «Девчата из Хербратцедердорфа» и «Обермуггингский квартет», и многочисленные поклонники-радиослушатели ежедневно подпевали им в вечерних сумерках. Супруги Гразеггер были истинными ценителями народной музыки — настоящей, старинной, не каких-нибудь там подражаний и перепевов. Из-за этого над ними неустанно подтрунивали

дети. «Почему бы вам не купить новейшую сэраунд-саунд-хай-фай-экстра-ультра-бла-бла-установку, раз уж вы так фанатеете от этих мелодий?» — периодически спрашивал у них сын Филипп. Нет, ехидный отпрыск ничего не смыслил в фольклоре.

— Звонил Свобода, — сказала Урзель мужу. — Он приедет завтра ночью.

— Уже? Так скоро?

Следующим номером радиопрограммы была песня в исполнении женского трио — явно из Нижней Баварии, с грубым гортанным произношением. О чем пели девицы? Да о том, как парень пробрался к дому любимой с лестницей, но приставил ее — хо-лю-йо! — не к цветному окошку, а к соседнему, к той комнате, где жила сестра. Пошло, пошло.

— Он что-нибудь привезет?

— Да, говорит, что приготовил для нас сюрприз.

— Сюрприз, значит!

Супружеская чета приступила к еде. На столе были ржаной хлеб, крестьянское масло, ароматный альпийский сыр и темное пиво. Основательно располневшие за последние годы, Игнац и Урзель недавно решили ограничить себя в животных жирах. Поэтому глава семейства жевал хлеб с толстым пучком дикого шнитт-лука и гомеопатически тонким слоем сливочного масла. Потягивая прямо из бутылок темное пиво с приятной горчинкой, супруги продолжали слушать радиоконцерт — теперь их развлекал песней женский коллективчик из Верхней Баварии. Девушки заливались о том, как мужчина вместо своей любимой обнаружил в постели самую настоящую свинью. Вульгарно, вульгарно.

Сильвестр, прапрадед Игнаца, додумался до весьма нетипичной по тем временам бизнес-идеи: не просто выполнять работу могильщика, а предлагать клиентам целый комплекс погребальных услуг. Таким образом, непритязательный способ зарабатывания себе на хлеб был умело взлелеян до статусного, уважаемого предприятия. В короткое время бизнес Сильвестра расцвел пышным цветом — правда, на фоне полного отсутствия конкуренции. Однако к тому моменту, когда эстафету правления семейной фирмой приняли Игнац с Урзель, в здешних краях появился серьезный соперник — крупная ритуальная компания, имеющая представительства по всей Германии. Ценник у нее был гораздо ниже, ассортимент услуг — разнообразнее. Клиенты из числа коренного населения курорта, то есть семьи, много лет заказывавшие похороны исключительно у Гразеггеров, начали поглядывать в сторону конкурентов. Это еще не означало краха, но тем не менее заставляло задуматься. Сетевой гигант не раз предлагал супругам приобрести их бизнес, гарантируя трудоустройство в качестве наемных работников, но те не соглашались.

Радиоконцерт шел своим чередом. Смешанный квартет пел о том, что девушки по весне самые... гага... Что такое gagatzig^[6], не поняли ни Игнац, ни Урзель.

— Наверное, твой отец знает, — предположила Урзель. — Позвони ему завтра и спроси, хорошо?

— Ты лучше подумай насчет ребрендинга, — отозвался Игнац. — Если мы собираемся заводить интернет-сайт, значит, без хорошего рекламного слогана никуда.

— «Наша фирма свято чтит старинные обычаи и опирается на традиции». Или как там выражается Филипп? «Мы предлагаем очень интересный продукт». Хай интерес продакт.

Их дети находились далеко от дома. Четырнадцатилетняя Лиза жила в престижном интернате на Штарнбергском озере, как будто бы играя роль в фильме «Ханни и Нанни», действие которого перенесли в элитные условия. Филиппу исполнился уже двадцать один

год.

Молодой человек жил в Нью-Хейвене и учился на экономическом факультете Йельского университета.

— Разве Мюнхен тебя не устраивает? — спросил Игнац, когда сын засобирался в Америку.

— Нет, Мюнхен давно уже не катит, — отвечал сын. — И даже Йель уже не тот, каким был когда-то.

И Филипп, и Лиза собирались после окончания учебы вступить в семейный похоронный бизнес, что сулило ожесточенные «битвы диадохов», однако до этого момента, слава Богу, было еще далеко. Гразеггеры могли позволить себе такой интернат — лучший во всей Южной Германии — и такой университет — один из самых дорогих в Штатах. При желании они могли бы дать подобное образование еще двум десяткам своих детей, если бы те у них были. Зачем же владельцам небольшой похоронной фирмы понадобились свежие рекламные ходы? Почему бы им просто не наслаждаться тихим воскресным вечером, любуясь умытой дождем природой с уютной террасы под крышей? Почему бы не продать свой не слишком-то доходный бизнес титану похоронного дела?

На это у супругов имелись веские причины. Они использовали свою легальную фирму как прикрытие для совершенно особой деятельности — с простой, но гениальной бизнес-идеей. Дело чрезвычайно выгодное, но заниматься им в присутствии любопытной девчонки-подростка и амбициозного юноши было бы небезопасно. Поэтому Гразеггеры нарадоваться не могли, что их дети находятся вдали от дома. Ведь Игнац и Урзель прятали трупы.

«Этот человек нервничает, хотя я могу ошибаться», — подумал Еннервайн. Да, по лицу свидетеля градом катился пот, но ведь это могло быть следствием естественного возбуждения.

— Значит, вы занимаете должность рабочего по зданию в культурном центре?

— Да. Моя фамилия Шмидингер, Петер Шмидингер.

Еннервайн снова включил диктофон.

— Допрос Петера Шмидингера, рабочего по зданию. Где проживаете?

— Тут же, в культурном центре. Наверху есть небольшая квартира для обслуживающего персонала. Мы живем там с женой и сыном. А что, собственно, произошло?

— Картина происшествия пока не прояснилась, господин Шмидингер. Самый главный вопрос: вам сегодня ничего не бросилось в глаза? Не заметили чего-нибудь странного, подозрительного?

— Нет, ничего... Самый обыкновенный концерт... Все шло своим чередом. В год у нас бывает более двухсот представлений, так что... Все как всегда.

— Более двухсот? Ну надо же! А в чем конкретно заключается ваша работа во время концерта?

— Я отвечаю за освещение в здании. Сцена, зал — короче говоря, на всех участках. А также мы с женой организуем буфет. Тут, в фойе. Просекко, кофе, бутербродики с семгой, с икрой... Иногда устрицы. Любители классической музыки обожают такие изящные закуски.

— Где вы были в тот момент, когда все случилось?

— За кулисами, у пульта управления светом. Обычно я нахожусь там с начала и до конца концерта.

Еннервайн еще раз обратил внимание на то, как дрожит голос у Шмидингера. Мужчина и вправду нервничал сверх меры. Выглядел он будто ископаемое из давно прошедшей эпохи — длинные, до плеч, волосы, собранные аптечной резинкой в неряшливый лошадиный хвост... Но главное было не в этом: из-под характерной синей спецовки, по которой, собственно, Еннервайн и распознал в этом человеке рабочего по зданию, выглядывала застиранная футболка с надписью: «Остановите Штрауса!» — и от нее веяло чем-то доисторическим. Но может быть, здесь имелся в виду не политик, а король вальса Йоганн Штраус?..

— Вы можете объяснить, что случилось? — снова спросил Шмидингер тихим тревожным голосом. — Труповозка подъезжала целых два раза... Несчастный случай?

Неопределенно махнув рукой, Еннервайн сделал еще более неопределенное выражение лица. Немного поколебавшись, стоит ли разглашать эту информацию, гаупткомиссар все-таки сообщил:

— Одного из погибших звали Евгений Либшер. По крайней мере так было написано на его нагрудной карточке. Вы знали этого человека?

Рабочий по зданию испугался, и его реакция не была наигранной. Еннервайн склонялся к тому, чтобы верить этому свидетелю.

— Конечно же, знал... Он из вспомогательного персонала. Запирал двери после начала концерта. Вот бедняга!..

— Вы назвали его беднягой лишь потому, что он погиб, или по какой-то другой причине?

— И так, и так. Либшер был махровый индивидуалист, с ним никто не мог найти общего языка. Вроде как раньше он служил в Дрездене, в государственном оперном театре, а потом потерял работу и в конце концов устроился к нам на такую скромную должность...

— У него есть родственники?

— Понятия не имею.

— Друзья?

— Представить себе не могу!

— А, понимаю. Значит, у него были трения с кем-нибудь из сослуживцев? Конфликты, разногласия?

— Ну не то чтобы серьезные... однако он был этакий, знаете ли... — Шмидингер запнулся и утих.

— Я прекрасно вас понимаю: о покойниках либо хорошо, либо ничего, но все-таки, пожалуйста, продолжайте.

— Вам знакомо словечко «гшафтлхубер»?

— Да, конечно, ведь я родом отсюда. И что, Либшер был любителем совать нос в чужие дела?

— Ну да. Он вникал абсолютно во все, даже в то, что его совершенно не касалось. Не как же так получилось, что его нашли мертвым в зрительном зале? Он туда почти не заходил, даром что капельдинер, — его место было здесь, в фойе. Что он там забыл?

— Выяснить это — наша работа.

На прощание Еннервайн традиционным жестом вручил свидетелю свою визитку и подошел было к двери, но вдруг обернулся и сказал, будто Коломбо:

— Ох, у меня возник еще один вопрос, господин Шмидингер.

— Пожалуйста, спрашивайте.

— Вы сказали, что занимаетесь освещением. А вы, случайно, не меняли его после того, как случилась вся эта история?

— Да, когда я увидел, что творится, то выключил освещение сцены и включил свет в зале. Я поступил неправильно?

— Нет-нет, господин Шмидингер, вы все сделали верно, даже не сомневайтесь. Но не могли бы вы включить все точно таким же образом, как это было на концерте? Сделайте это прямо сейчас. Можете?

— Конечно.

Рабочий по зданию прошел за кулисы и встал за пульт управления светом, а Еннервайн поднялся на сцену. В зале стало темно, прилежные «сборщики риса» пропали из виду, а через мгновение перед глазами гаупткомиссара вспыхнула добрая дюжина тысячеваттных прожекторов. Его едва не отбросило назад лавиной света. Инстинктивно прикрыв глаза рукой, чтобы не ослепнуть, руководитель следственной бригады вскоре убедился: с этой точки в зрительном зале и в самом деле ничего не разглядеть. Что и требовалось доказать. Однако выход Губертуса Еннервайна из полутьмы на яркий свет сразу же привлек внимание коллег. Гаупткомиссар стоял посреди сцены в картинной позе, драматически приложив руку к глазам, как будто бы собирался сказать: «Дайте же народу свободу мысли, господа!» — или как минимум: «Ваше сиятельство, лошади оседланы!» Несколько заядлых шутников, находящихся в зрительном зале, разразились аплодисментами.

— Благодарю вас, господин Шмидингер, достаточно. Можете снова выключать прожекторы.

— Блестящий выход, Еннервайн! Вы с успехом могли бы сыграть гаупткомиссара в детективном телесериале, — ехидно заметил человек с сильно оттопыренными ушами, державший в руках несколько крошечных пакетиков. Это был Ханс-Йохен Беккер, самая чутыистая ищейка из оперативной бригады экспертов-криминалистов.

— Спасибо, Беккер. При случае я обязательно пошлю резюме режиссеру «Места преступления». Может быть, для вас там тоже найдется какая-нибудь работенка. Например, младшим помощником осветителя.

Мужчины сердечно поприветствовали друг друга. Они пересекались по нескольким делам, и каждый из них знал, что может доверять другому.

— Вы закончили работу в партере? — спросил Еннервайн.

— Можно сказать, да. Точные результаты исследований будут через несколько часов.

— А как насчет балкона? Собираетесь его осматривать?

— Разумеется. Мы осмотрим все, в том числе и балкон.

Коллеги дружно задрали головы.

— Судя по вашему виду, Еннервайн, у вас уже есть версия.

— С чего вы так решили?

— Задумчивое выражение лица. Перебираете альтернативы... Исключаете возможности... Вычисляете траекторию падения...

Еннервайн засмеялся:

— Нет уж, вычислением траекторий я не занимаюсь. Не выполнять же мне вашу работу за вас. Но по большому счету вы правы.

Гаупткомиссар еще раз оглядел ту точку балконного парапета, у которой стоял некоторое время назад, мысленно проводя пунктирную линию вниз, до места обнаружения тел.

— Вон оттуда вполне можно спрыгнуть в зал, — задумчиво произнес он, очерчивая указательным пальцем воображаемую дугу.

— На то и балкон. С него всегда можно спрыгнуть.

— Я имею в виду, спрыгнуть так, чтобы приземлиться именно там, где были найдены жертвы.

— Значит, в настоящий момент вас все-таки интересует траектория полета. Игрек в квадрате равняется два пи икс...

— Прекратите, Беккер! Не хочу этого слышать! Вы замедляете ход расследования!

— У вас что, такие нелады с математикой? Хорошо, мы проверим вашу теорию своими силами и не будем грузить вас лишними цифрами. Для этого нам придется поработать в ночную смену. А завтра утром...

— ...вы сообщите мне точные данные, я знаю.

Еннервайн вышел в фойе. Там стояла семейная пара среднего возраста, одетая как попугаи: муж — в бирюзовый вельветовый костюм и алый галстук, жена — в фиолетовый ансамбль из блестящей ткани. В таком одеянии дама чем-то напоминала растоптанную сливу.

— Идите к нам, шеф, — позвала Николь Шваттке. — Эти люди хотят говорить только с вами, и ни с кем больше.

Еннервайн подошел поближе к попугаистой паре.

— Так, в чем дело? Моя коллега могла бы с тем же успехом...

— Мы сидели в пятом ряду, места четырнадцать, пятнадцать, — жизнерадостно затрещала слива, чем-то напоминая Еннервайну его школьную учительницу английского.

— Меня зовут Томас Кюбель, а это Хайке, моя супруга. Мы заместители директора здешней гимназии, — со значением сказал господин. — Курируем немецкий язык, историю и социологию.

— А вы, судя по всему, возглавляете следственную бригаду, — обратилась к Еннервайну Хайке Кюбель.

— Да, это так.

— Оберкомиссар?

— Гаупткомиссар, — буркнул Еннервайн.

— Нет, я, наверное, до конца жизни не сумею запомнить: оберкомиссар — это ниже гаупткомиссара, верно? Как же вы сами не путаетесь в этих бесчисленных званиях?

— Я заглядываю в свое служебное удостоверение, — отозвался Еннервайн, чувствуя, что терпение у него на исходе. Однако госпожа Кюбель бодро щебетала дальше:

— Сколько же человек входит в следственную группу?

— Э-э, вопросы здесь задаю я, если угодно. Времени у нас мало, а работы невпроворот.

— Конечно-конечно.

Муж с женой предъявили Еннервайну свои удостоверения личности, и он переписал их данные.

— А теперь давайте ближе к делу.

Госпожа Кюбель что-то шепнула на ухо мужу, затем заместители директора гимназии прыснули со смеху, словно подростки.

— Может, посмеемся вместе? — прищурился Еннервайн.

— Все это очень, очень занятно, — сквозь смех выдавила госпожа Кюбель. — Но давайте серьезно. Мы наблюдали за происходящим с первого мгновения. Итак, один молодой человек опаздывает к началу концерта...

С этого момента супруги заговорили наперебой.

— Сначала мы не придали значения...

— Ну да, кто же знал, что потом это станет таким важным!

— Момент был выбран очень грамотно...

— Да, в самом начале концерта, когда никто ничего не ожидал!

— И вот представьте, она выходит, садится: пир-ри-ли-пи! И вдруг — крак!

— А потом появляется комиссар, — именно такой, каким его себе представляешь!

— Нет, гаупткомиссар! А какое звание идет следующим? Может быть, генерал-гаупткомиссар?

Еннервайн выключил диктофон. Эти вызывающе ярко одетые люди, похоже, находились в шоке и вели себя так нелепо именно поэтому. Он оглянулся в поисках кого-нибудь из медиков. Шваттке, у которой хватило ума подвести к начальнику эту веселую семейку, выпучила глаза.

— Тут неподалеку стоит машина «скорой помощи», — сказал Еннервайн господам Кюбель. — Может, пройдете туда? Вам обязательно помогут.

— Помогут? Замечательно! Конечно же, мы хотим получить медицинскую помощь! Где это можно сделать?

Мягко, но настойчиво Еннервайн выпроводил господ заместителей директора гимназии на улицу. Бестолково пометавшись по площади перед зданием, все еще заполненной автомобилями всевозможных спасательных служб, супруги Кюбель набрали наконец на передвижной госпиталь, постучались туда, и их впустили.

— Острая шоковая реакция, — проворчал Еннервайн.

— У меня другое предположение, — сказала Николь Шваттке. — Возможно, они решили, что все происходящее — просто инсценировка. Часть дивертисмента, так сказать.

— Чего-чего? — прищурился гаупткомиссар. — Они принимают нас за актеров?

— Да, мне так кажется, — кивнула Шваттке.

— Но ведь только слепой не заметит, что творится на улице! Вся эта кутерьма, суматоха, спецтехника, пожарные, спасатели, подъемные краны... Разве нормальному человеку может прийти в голову мысль об инсценировке? Ну хорошо, допустим, что это на самом деле шоу, но уж точно не трехгрошовая опера. Я хочу сказать, вряд ли такое удовольствие можно получить за входной билет ценой в десятку-другую евро.

— В наше время для подобных затей еще находятся спонсоры.

— Может быть, это и вправду инсценировка, — хмуро заключил Еннервайн. — А мы просто не в курсе.

После того как были записаны показания и адреса всех свидетелей, толпившихся в фойе, Еннервайн созвал свою небольшую команду на летучку. К этому моменту на месте происшествия остались лишь Остлер, Хёлльайзен, Шваттке и Штенгеле.

— Утром к нам присоединится госпожа Шмальфус, специалист из Центральной психологической службы полиции, — сообщил Еннервайн. — Далее. Для нас арендовано жилье, такой славный домик на лоне природы. Кто не хочет возвращаться в Мюнхен, может переночевать там — вот адрес. Здесь нам делать больше нечего, сворачиваемся. Сегодня каждому из нас еще придется покорпеть над отчетами.

— Завтра во сколько начинаем?

— Я жду вас на совещание ровно в восемь утра.

И тут к полицейским снова вышел длинноволосый рабочий по зданию.

— Прошу прощения... Бутербродики, семга, икорный мусс — свежайшие, высшего класса. Иначе мне придется все это выбросить...

На следующее утро особая следственная бригада из двадцати полицейских уничтожила приготовленные на четыреста персон тортильи, рулетики, чабатту и канапе — в сугубо неофициальном порядке.

Вы храните дома крысиный яд? Увлекаетесь стрелковым спортом? Имеете на примете парочку высоких виадуксов, которые плохо просматриваются со стороны? У вас в гараже стоит запасная канистра бензина? Знаете ли вы места, где растут бледные поганки? Посещали смотровые площадки, не огороженные балюстрадой? Умеете схватить человека за горло так, чтобы вызвать у него перелом позвоночника в шейном отделе? Имеете индивидуальный подземный гараж с крепким замком? У вас в хозяйстве отыщется перекись водорода и так называемый сухой спирт? Вы знаете, в какое место на груди нужно ударить ножом, чтобы поразить противника прямо в сердце? Держите в ванной комнате фен? Разбираетесь в устройстве автомобильных тормозов? Найдется в вашем ящике для инструментов кусок проволоки примерно в тридцать сантиметров длиной?

Если вы ответили положительно хотя бы на один из вышеперечисленных вопросов, значит, вас наверняка посещали мысли о неммыслимом. Вы гневно одергивали себя, но тем не менее снова и снова возвращались к запретной теме. В конце концов вы поставили крест на затее с убийством, поскольку здесь неизбежна проблема: куда девать труп?

Игнац и Урзель Гразеггер успешно решали именно эту задачу — ликвидацию проблемных трупов. Бизнес-идея была проста, ее реализация необычна, прибыль огромна. Солидная похоронная фирма «Гразеггер» (основана в 1848 году) работала качественно, сохраняла тайны и не оставляла никаких следов. Предложение действовало уже пятнадцать лет, спрос на услугу был колоссальным.

И это несколько не удивительно — ведь в большинстве случаев именно труп служит решающей уликой против преступника. Даже если с момента убийства прошел не год и не два и все это время тело лежало замурованным в фундаменте или на дне болота, все равно — выбитое киркой из бетона или поднятое из трясины, оно может поведать сыщикам ох как многое!

Именно труп рано или поздно выводит на тех голубчиков, что возомнили, будто совершают «идеальное» убийство с помощью какой-нибудь микстуры или яда, не поддающихся ни одной химической экспертизе, которые легко подмешать в принесенный с собой салатик.

Именно труп всегда — без исключения! — сохраняет признаки того, каким способом, когда и где он сделан, и позволяет сыщикам вычислить тех, кто в век рентгенофлуоресцентного анализа еще трудится что-то замывать, затирать, ополаскивать или сжигать в надежде замести следы.

Именно труп, даже в разложенном, испепеленном и атомизированном состоянии, способен указать на убийцу. Воображаемый перст дотянется до виновного отовсюду — хоть со дна тихого лесного озера, хоть из сарайчика в горной деревушке Канады.

Супруги Гразеггер прекрасно понимали всю ненадежность подобных схронов. В условиях строжайшей секретности они принимали от заказчиков те трупы, которые не смогли бы гладко пройти судебно-медицинскую экспертизу и были решающим звеном в цепочке кропотливо собранных доказательств для прокурора. Затем Игнац и Урзель хоронили их вместе с каким-нибудь новопреставленным на идиллическом кладбище у подножия горы Крамершпиц. Несколько лет назад итальянский «Гуйда ай чимитери»

(между прочим, признанный лучшим путеводителем по некрополям Европы) назвал это кладбище самым красивым среди подобных мест на германской земле, отметив его высокой оценкой — четырьмя звездочками, вернее, крестами (††††) и только знаменитое Пер-Лашез имело пять.

— Пойду-ка принесу еще сыра, — вздохнула Урзель. — С одного лишнего кусочка, думаю, не потолстеем...

— Будь так добра, раздобудь и мне еще чего-нибудь. Тарелочку зельца, пожалуй.

Вечер был таким чудесным, а осознание быстротечности жизни столь щемящим, что благие намерения супругов поужинать лишь символически и сугубо нежирной пищей улетучились без следа. В считанные минуты на столе появилась тарелочка зельца, по чуточке регенсбургского колбасного и домашнего картофельного салатов, толика широкой лапши с творогом, капелька мясного супа с перловкой и маленькая сковородочка панированной свиной грудинки. Но если честно, сковородочка не была такой уж маленькой.

Сто процентов, семьдесят процентов, двадцать пять процентов. Ночь была темная. Дом стоял далеко за окраиной курортного городка, на отшибе, в окружении нетронутой природы — могучего сказочного леса. Роза с Максом всегда мечтали жить именно так. Три тысячи шестьсот, две тысячи пятьсот двадцать, шестьсот тридцать. В одной из комнат еще горел свет. На кровати неподвижно лежал Макс Ленер, кровельщик на пенсии. Роза, его жена, сама закрыла ему глаза. Кроме нее, в доме не было ни души, однако новоиспеченная вдова не испытывала ни малейшего страха. Ее беспокоил только один вопрос — как же теперь жить? Без ежемесячной пенсии Макса, пусть и не слишком шикарной, однако вполне достаточной для погашения ипотеки? Четыре месяца пройдут как один день, а потом ей будут начислять лишь мизерную вдовью долю от пенсии мужа, и этих грошей уж точно не хватит, чтобы сохранить за собой дом. Ах, ну почему Макс не продержался на этом свете еще по меньшей мере два годика! Тогда ей исполнилось бы сорок пять, и вдовья пенсия могла быть куда выше. В принципе Роза стыдилась этих мыслей, однако они безраздельно овладели ею, как только она обнаружила супруга мертвым в постели. И чем больше несчастная женщина запрещала себе подсчитывать размеры своего будущего содержания, тем более рьяно выплясывала в ее голове строптивая цифирь. Впереди подпрыгивали легальные доходы кровельщика, им на пятки наступали несколько жирных «левых» сумм, ведь у мастеровых всегда есть возможность заработать без оформления... Все перечеркивала эта проклятая идея добровольного выхода на пенсию раньше срока. Сделав такой неразумный шаг, Макс прожил всего лишь несколько месяцев, и как же теперь быть? Кто же мог подумать, что так получится? Двадцать пять процентов от семидесяти — это семнадцать с половиной процентов. Роза подошла к окну комнаты, которая столько лет была их совместной спальней, и посмотрела в ночь. Шестьсот тридцать. Вот такие жалкие крохи она будет получать как вдова — даже тысячи не набирается, где там! И больше ничего, ноль. Никаких дополнительных доходов.

Черные мысли блуждали у нее в голове, снова и снова вгрызаясь в один и тот же участок головного мозга, ответственный за меланхолию и думы об упущенных возможностях. Семнадцать с половиной процентов... Роза набрала номер одного старого друга, с которым не общалась уже целую вечность.

— Пойми, мне страшно неловко, — начала она разговор, — созваниваться после двадцатилетнего перерыва. Но... Макс умер. Ты сможешь мне уладить формальности?

— Врач уже приходил?

— Нет, мы давно не обращались к врачам.

— Ты обязана вызвать врача, Роза. Чтобы он зафиксировал естественную смерть. Согласно закону о погребении, лишь со свидетельством о смерти можно...

— Прошу тебя, не говори мне ничего о законах. Когда-то мы с вами дружили семьями — я, ты, Урзель и Макс. Я никогда не просила вас о подобных вещах. Надеюсь, раз в жизни можно? У меня нет знакомого врача. Пожалуйста, приезжай и помоги мне.

И рыцарь отправился на помощь к женщине, оставшейся наедине с бедой. «Ладно, сделаю все так, как она просит, — думал этот человек, подъезжая к одиноко стоящему дому, — ведь когда-то мы были друзьями, и даже лучшими друзьями».

— Двадцать два года, — сказал он хозяйке, когда та открыла ему дверь.

— Что?

— Мы не виделись двадцать два года.

— Да, может, ты и в самом деле прав. Я не подсчитывала.

— А я, как видишь... Однако чем же тебе помочь?

Макс лежал в постели. Его мозг стал бесформенной массой, мертвым меланжем бесполезных нейронов, когда-то рождавших мысли о том о сем... Где они, эти мысли, надежды, желания? Лицо покойника выглядело удовлетворенным.

— Вдовья пенсия такая мизерная, — пожаловалась Роза. — Я не смогу платить ипотеку за этот дом. Предположим, мне сильно повезет и банк оставит меня здесь на несколько лишних недель...

Бывшие друзья долго молчали и наконец, каждый сам по себе, пришли к схожему решению. Это решение противоречило общественным конвенциям, однако мертвый кровельщик на пенсии, тихо лежавший с закрытыми глазами на кровати, как будто бы молчаливо одобрял его.

— Кто-нибудь еще знает? — в конце концов спросил Игнац.

— О чем? О том, что Макс умер? Нет. А ты думаешь, кто-то уже умудрился прознать об этом?

— Да нет. Кому еще об этом знать?

Заговорщики кивнули друг другу. Гразеггер взял худого как спичка приятеля, положил его, окоченевшего, к себе на плечо, будто винтовку, и устроил в своей машине. Головокружение Максиму уже не грозило. А вдова пусть и дальше получает достойную пенсию.

— Думаю, он не обидится, — сказала Роза на прощание. — Он не сказал бы и слова против.

— Только давай договоримся раз и навсегда, — отозвался Игнац. — Я забираю Макса, и на этом между нами все кончено. Никогда больше не звони, слышишь?

— Разумеется, — ответила Роза.

Она так и не узнала, где лежит ее благоверный — это было частью договоренности. Несколько раз местные жители видели Розу на «четырёхзвездочном» кладбище, издали наблюдая, как эта дама, скорее бесцельно, чем целеустремленно, подходит то к одной могиле, то к другой, читает эпитафии на памятниках и оставляет здесь и там по орхидее. Однако так поступали многие, и поэтому никто ничего не заподозрил.

С тех пор прошло пятнадцать лет, и тайная вдова Роза Ленер действительно никогда больше не встречалась с Игнацем Гразеггером. Раньше глава семейной фирмы даже подумать не мог, что прятать трупы так элементарно просто. Макса он похоронил в свежерытой могиле, предназначенной для члена семьи деревенских старожилов — если, конечно, слово «похоронил» уместно для обозначения такого складирования. Однако эпизод с Максимом натолкнул супругов на действительно заманчивую бизнес-идею.

— Положить тебе еще зельца? — спросила Урзель.

— Нет, теперь я и в самом деле сыт по горло, — ответил Игнац.

Фольклорная радиопрограмма подходила к концу. Дуэт из Верхнего Пфальца пел о соловушке, прилетающем от любимой с пустым клювом. Жаль, очень жаль.

Гаупткомиссар Еннервайн планировал появиться в совещательной комнате местного полицейского участка первым, но когда он приехал, уже почти все были в сборе, несмотря на раннее утро. Жизнь кипела, кофе-машина пыхтела, копировальные аппараты жужжали. Иоганн Остлер и Франц Хёлльайзен, неутомимые и незаменимые «вожаки стаи» устанавливали магнитно-маркерные доски и проверяли разноцветные фломастеры на пригодность к работе. Людвиг Штенгеле и Николь Шваттке, члены основной команды Еннервайна, тоже сидели здесь, хотя и смертельно уставшие, ведь допрос свидетелей затянулся за полночь, а потом полицейским еще пришлось сравнивать и анализировать информацию. Перед ними лежали диктофоны и испещренные записями блокноты. Полицейский психолог Мария Шмальфус, которая приехала рано утром, став окончательным штрихом к портрету следственной бригады, сыпала в свой кофе третий пакетик сахара и слушала записи свидетельских показаний, сделанные Штенгеле.

— Значит, вы стали свидетелем драки?

— Да. Двое мужчин вцепились друг другу в глотки.

— Вы уверены, что это были мужчины?

— Нет, однако эти люди точно дрались. Один размахнулся и ударил другого.

— Один раз? Или несколько?

— Может быть, и несколько, но по меньшей мере один раз.

— Однако они стояли буквально нос к носу, эти двое.

— Да, верно.

— И как же в такой позиции можно размахнуться и ударить несколько раз?

— Насчет нескольких раз — это всего лишь предположение. Ведь я же сказала «может быть».

— А может, и вовсе ни разу?

— Нет, по меньшей мере один удар все-таки был, без сомнения.

— Один мужчина ударил другого по меньшей мере один раз?

— По меньшей мере он замахивался.

— Но может быть, все-таки никто никого не бил? Может, тот человек только лишь замахивался? Вот вы сказали, что те двое вцепились друг другу в глотки. Они душили друг друга?

— Нет, это я просто так, для красного словца.

Штенгеле выключил диктофон.

— Типичный случай шумовой свидетельницы, — заключила психолог Мария Шмальфус и высыпала в свой кофе еще один пакетик сахара.

— Почему «шумовой»? — спросил Штенгеле. — Потому что показания у нее такие... слегка прибабахнутые?

— Шумовой свидетель, — наставительно сказала Мария, не переставая помешивать кофе, — это свидетель, который лишь слышал шум, связанный с каким-то происшествием, например, с автомобильной аварией, однако упорно утверждает, что видел само происшествие. Свидетельница номер сорок один дробь ноль три, то есть та дама, чьи слова только что прозвучали, — наглядный пример этого феномена. Она слышала удар одного тела

о другое, и ей показалось, что это драка. Воспоминания — вещь капризная: они подсказывают человеку те зрительные образы, которые кажутся ему подходящими к остальным полученным впечатлениям. Эта гражданка так и останется при мнении, что видела драку.

— А вдруг и правда, была драка? — вопросительно поглядел на нее Остлер.

— Вчера я опросил сорок четыре свидетеля... — начал Штенгеле.

— Ого, да вы герой! — похвалил Еннервайн. — Я осилил только тринадцать.

— Так вот, я опросил сорок четыре свидетеля, и ни один из них не видел драки — или, лучше сказать, никто не утверждал, что видел.

— Значит, на показания свидетельницы сорок один дробь ноль три нельзя полагаться, — подытожила Николь Шваттке.

— Не бывает таких свидетельских показаний, на которые можно было бы полагаться со стопроцентной уверенностью, — заявила Мария Шмальфус. — Однако в данном случае нам повезло. В ближайшее время мы получим тысячи свидетельских показаний и соберем их воедино. Редкая возможность приблизиться к правде на основе статистики! Если какое-либо наблюдение фигурирует только однажды, его не стоит брать в расчет, но если будет многократно повторяться...

— Посмотрим, — перебил Еннервайн, у которого статистические выкладки всегда вызывали смутное омерзение. — Ну что, кто-нибудь из вас нашел еще хоть одного свидетеля, видевшего драку в партере концертного зала?

Присутствующие покачали головами, готовые окончательно отмести версию драки. Однако психолога Шмальфус это только раззадорило, и она сделала у себя в блокноте какую-то пометку. Людвиг Штенгеле, сидевший рядом с Марией, покосился в ее записи и прочитал: «Эффект Козловского — Ламарка». И переписал для себя это словосочетание — только ради куража.

— Сообщаю для того, чтобы все присутствующие были в курсе, — продолжал Еннервайн. — Установлена личность одного из погибших — того, кто лежал сверху. Это Евгений Либшер, капельдинер культурного центра. В его обязанности входило закрывать двери после начала концерта. Отношения с коллегами у него были неважными. Родственников нет. О другой жертве мы пока ничего не знаем. Абсолютно ничего. У погибшего молодого человека не было при себе никаких документов, найдены лишь банкнота в сто евро и один билет на концерт.

— Обратите внимание: только один билет! Именно эту тему я и хотела бы развить, — взяла слово Николь Шваттке. В свои двадцать три года она была самой молодой в следственной группе, и лишь в ее жилах не текло ни капли баварской крови. Николь переехала из Вестфалии в предальпийский регион только в прошлом году, и коллеги немножко дразнили ее происхождением, максимально педалируя «прусское», то есть подчеркнуто нездешнее звучание фамилии.

Шваттке перелистала свои записи.

— Несколько зрителей видели — то есть утверждают, что видели, — будто вторая жертва, то есть мужчина, опоздавший к началу концерта, вошел в зал не один. Его сопровождали капельдинер и какая-то женщина. Опоздавший подошел к своему ряду и стал пробираться на пустующее место, но его спутница за ним не поспешила. По описаниям, данным разными людьми, она весьма невысокого роста. Одета была в черное вечернее платье до колен.

— Гардеробщица должна была заметить ее в тот момент, когда она выходила из зала, — сказал Хёлльайзен.

— Да, так и случилось. — Шваттке снова поворошила бумаги. — Гардеробщица Анна Пробст допускает, что кроссворды могли отвлечь ее внимание, тем не менее выход из зала находился у нее прямо перед глазами. Вот ее рассказ. Концерт начался, Либшер, как всегда, слоняется по фойе, мечтая дать нагоняй опоздавшим. Тут входит некая парочка. У дамы поверх платья надета канареечно-желтая ветровка, «чистая синтетика», по словам госпожи Пробст. Женщина сдает в гардероб верхнюю одежду, а у мужчины ее не оказалось. «Если кто-то пришел без верхней одежды, я вообще не обращаю на него внимания», — говорит госпожа Пробст.

— Профессиональная деформация, — вставила психолог Шмальфус.

— На следующем этапе Либшер заводит опоздавших в зал, затем снова выходит оттуда. Через короткое время хозяйка «чистой синтетики» тоже выходит в фойе и вскоре покидает здание культурного центра.

— Значит, об этом свидетельница помнит?

— Я тоже задала ей такой вопрос. Так вот, Анна Пробст обратила на это внимание лишь потому, что зрительница ушла без своей ветровки. Для театральных гардеробщиков посетители — это не люди, а куртки, ветровки, лоденовые пальто и дождевики. Ходячая верхняя одежда, иными словами.

— А в чем состоит профессиональная деформация личности у нас? — спросил Штенгеле. — Что для нас люди?

— Ходячие преступления, — не моргнув глазом ответил Еннервайн.

— Можно, я вернусь к теме? Далее начинается неразбериха, во время которой гардеробщица не покидала своего рабочего места. А теперь...

Шваттке сделала долгую театральную паузу, срежиссировав ее довольно удачно. Слышно было лишь звяканье ложечки, которой Мария Шмальфус все еще размешивала свой кофе.

— И наконец, Анна Пробст говорит, что вскоре после того как началась суматоха, невысокая женщина вернулась и потребовала свою ветровку. Гардеробщица отдала ее. Вот и все показания. К сожалению, точного описания внешности той загадочной персоны в них нет.

— Мы обязаны найти эту женщину, — заключил Еннервайн. — Прошу иметь это в виду при всех будущих опросах свидетелей.

Мария Шмальфус осторожно положила кофейную ложечку на блюдце и надорвала еще один пакетик сахара.

— Можем ли мы полностью исключить драку со смертельным исходом? — упорствовала она.

— Мария, похоже, вы просто влюбились в эту версию насчет драки? — фыркнул Еннервайн.

— По-моему, — подхватил Штенгеле, — драка в партере полностью исключена. Как вы это себе представляете? Опоздавший мужчина и его спутница в черном вечернем платье входят в зал в сопровождении Евгения Либшера. Лишь один из этих троих, неустановленный гражданин, начинает пробираться на свое место. Тут неизвестная женщина становится невидимкой, старший капельдинер либо проползает под сиденьями, либо подлетает по воздуху к двум незанятым местам, и там, в середине ряда, между ним и опоздавшим

зрителем завязывается драка, в ходе которой опоздавший достает топорик и превращает лицо противника в кровавое месиво. Либшер бросается на врага всем своим упитанным телом и раздавливает его в лепешку, а топорик просто пока не нашли.

Версия драки в зрительном зале рассыпалась на глазах.

— Может, выйдем на улицу, устроим перекур? — предложила Мария, чтобы отвлечь коллег от своего маленького поражения.

Когда все оказались на свежем воздухе, выяснилось, что никто из присутствующих не курит — бросили уже давно, за исключением Николь, завязавшей с курением всего лишь месяц назад.

— Значит, компания у нас подобралась здоровая, — резюмировал Еннервайн. — Но тем не менее давайте постоим тут немного — ровно столько времени, сколько горит сигарета. Ведь летнее утро так прекрасно.

Коллеги вышли наружу через особую дверь, своего рода служебный вход в рай. Сразу же за порогом раскинулся луг, такой упоительно зеленый, словно сошел с рекламы пивоварни. Через несколько сотен метров начинался лес, плавно поднимающийся по горному склону. Вершины деревьев лирически покачивались на ветру, как в стихах Эйхендорфа. За лесом виднелись пики крутых, скалистых гор, вдалеке белели две нитки водопадов. Картина верхнебаварского лета во всей красе, божественный пейзаж, впечатление от которого не портило даже то обстоятельство, что открывался он с задворок полицейского участка. Здесь было все: пряный ветерок, который прилетал неведомо откуда, принося с собой воспоминания о летнем отдыхе и прелестях купания под ярко-голубыми небесами... Вездесущий аромат сена... Фигурки баварских коров, которые паслись тут и там, тихо позвякивая колокольчиками... Жужжание пчелок... Изящная игра кучевых облаков... Глянцевая открытка под названием Бавария! «Вот бы наклеить сюда марку и отправить в родной Реклингхаузен», — со светлой грустью думала Николь Шваттке. У Еннервайна в том участке мозга, который отвечает за ассоциации, всплывали воспоминания из детства — школьные походы, отмена шестых уроков из-за жары... И даже «самая логоцентричная» из присутствующих, госпожа «Мозги» Шмальфус, расслабилась и тихонько вздохнула в мечтах о счастье.

— Жаль, что в такой славный денек нам приходится работать, — посетовал Остлер.

— Ох, это наш крест! — простионала Николь Шваттке из Реклингхаузена.

— Теперь вы попали в точку! — расплылся в улыбке Хёлльайзен. — Только за то, что вы произнесли слово «крест» почти как местная, я приглашаю вас на ближайшую вечеринку за нашим столиком для завсегдаев!

— Все, надышались идиллией? — Еннервайн снова загнал подчиненных в помещение, и те со вздохами расселись за круглым пластиковым столом.

— Итак, о происшествии в концертном зале вот-вот пронюхает пресса, — продолжал гаупткомиссар. — Нам нужно выработать единую позицию. Выдвинуть рабочую гипотезу.

— Сколько мы сумеем продержаться, не давая в прессу никаких сведений? — поинтересовался Хёлльайзен. — Несколько часов?

— Не больше, — вздохнул Еннервайн. — Мое предложение: пусть Хёлльайзен, Остлер и Штенгеле сядут на телефон и опрашивают оставшихся свидетелей. Это ваша задача на сегодня. Вы, Штенгеле, вплотную займитесь сотрудниками культурного центра. Еще раз потрясите рабочего по зданию и, пожалуй, гардеробщицу. Шваттке, вы добываете

информацию о личностях погибших. Я иду к судебным медикам, госпожа Шмальфус — со мной.

Все встали, только Штенгеле продолжал сидеть, притворяясь, будто ищет что-то в своих записях. Оставшись в одиночестве, он подошел к книжной полке, взял словарь Брокгауза — третий том, от «J» до «Neu» — и, полистав его, нашел выражение, которое подглядел в заметках полицейского психолога.

«Эффект Козловского — Ламарка — явление, открытое американскими исследователями поведения преступников М. Козловским и П. Ламарком...»

— А вы прилежный ученик, как я посмотрю? — с ехидцей сказала Николь Шваттке, хлопая коллегу по плечу.

Откуда она взялась? Еще подумает, что он выслуживается! Штенгеле захлопнул словарь.

— Неужели вы все еще пользуетесь бумажной версией Брокгауза? — насмешливо спросила девушка. — Может, быстрее будет погуглить?

Поставив книгу на место, к остальным пяти томам энциклопедии, изданной в 1958 году, Штенгеле задумался: что же такое, черт побери, «погуглить»? Похоже, здесь намечался маленький конфликт поколений.

Коллеги шли по улице. Еннервайн с задумчивым видом шагал позади всех. Что-то трепыхалось в его долговременной памяти, и он мог сказать лишь одно: «Я где-то видел это или даже записал». Однако вспомнить, что именно, гаупткомиссар так и не смог.

В судебном морге лежали двое мужчин — каждый на своем столе высотой до колена. Как многое они могли бы поведать о вчерашнем вечере! О том, что прозвучало после пресловутого пир-рили — удар или «р-р-румс!» — и куда девалась женщина, оставшаяся стоять в проходе. Эти люди, без сомнения, стали бы ценными свидетелями. Однако они были мертвы и уже ничего не могли рассказать.

Гаупткомиссар Еннервайн и полицейский психолог Мария Шмальфус дожидались судебного медика, который где-то пропал. Наверное, они пришли слишком рано. Им оставалось только ждать, глядя на бледные полуголые тела, залитые ярким неоновым светом. Голова Евгения Либшера была накрыта простыней. Психолог отвернулась и прижала ко рту носовой платок.

— Мария, вам нехорошо?

— Нет-нет, ничего, все в порядке.

— Какие-то странные у них секционные столы. Слишком уж низкие.

— А какой высоты они должны быть? Просто я в таком заведении впервые...

— То есть как это? Впервые в судебном морге? Разве у вас не было обязательной практики?

— Мне как-то удавалось отлынивать от подобных экскурсий.

Стол, на которых лежали Штоффреген и Либшер, и в самом деле были не выше журнальных столиков. Но вот наконец пришла судмедэксперт и села на винтовой стул. На груди у дамы висел бейджик, но в нем было пусто. Еннервайн и Шмальфус поздоровались с безымянным специалистом за руку и представились.

— Нас интересуют вот эти, — кивнула Мария в сторону мертвецов.

— Ну естественно, что же еще вас может интересовать? — с легким раздражением отозвалась патологоанатом.

— Тогда давайте сразу же перейдем к делу, — произнес Еннервайн, указывая на труп Либшера. — Снимите с него простыню, пожалуйста.

— Вы и правда хотите увидеть его лицо? — спросила судмедэксперт.

— Да. Мы знаем, что он страшный.

Госпожа доктор Без-Имени подъехала на стуле к телу Либшера и сдернула с его головы простыню. Еннервайн с Марией невольно сделали несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Пожалуйста, составьте заключение так, чтобы его понял даже непрофессионал, — попросил гаупткомиссар.

— Обширная геморрагия лица, что тут еще скажешь. Иными словами, кожные покровы отделены в направлении снизу вверх, сорваны в результате удара острым предметом или пореза. Нос отрезан целиком, так, где он у меня? Сейчас найду... Желаете взглянуть?

Еннервайн энергично отмахнулся.

— Огромная потеря крови, да. Если в нем что-то и осталось, то не больше наперстка.

— Так он умер от кровотечения?

— Нет. И смерть вызвана вовсе не повреждениями лица.

— То есть вы хотите сказать, что с таким... лицом еще живут?

— Недолго, конечно, но тем не менее. Ведь после получения этой травмы он какое-то

время был еще жив. Причина смерти, если выразаться понятным для всех языком, без единого иностранного слова, — это раздробление грудной клетки и повреждение легкого обломком ребра в результате сильного удара тупым предметом.

— Значит, так: травматический пневмоторакс, — сообразил Еннервайн, употребив все те иностранные слова, которых так тщательно избегала судмедэксперт по его же просьбе. — Можете снова прикрыть его.

— У меня есть один сугубо теоретический вопрос, можно? — произнесла Мария, пытаясь сделать проницательное выражение лица. — Представьте себе этого господина живым. Вот он стоит передо мной. Как я должна поступить, чтобы разделать его... вот этак?

Хозяйка морга задумалась.

— Вам нужно держать в руках топор, — ответила она через несколько мгновений. — И сильно ударить им противника в направлении снизу вверх, то есть от его шеи к голове. При попытке расколоть ему череп снизу вы промахиваетесь, оружие соскальзывает и задевает лишь край подбородка. При этом вы скальпируете жертву, ведь кожа лица в этом месте, как и во многих других, не слишком прочно соединена с мышцами.

Схематично изобразив в воздухе описанный удар, судебный медик снова повернулась к Марии:

— Если оценивать на глазок, ваш рост около метра семидесяти. Значит, чтобы поразить мужчину ростом в метр девяносто шесть тем способом, который я только что описала, вы должны для начала влезть на стул. А когда вы раскроите врагу лицо, вам еще придется ударить его тупым концом топорика в грудь, чтобы переломать ребра. Все это выглядит довольно неправдоподобно, но тем не менее такое возможно.

Мария Шмальфус пожала плечами.

Второй труп был значительно меньших габаритов, чем первый. Этакое невысокое, компактное, но весьма мускулистое создание.

— В данном случае, — продолжала эксперт, — все гораздо проще, и причину смерти можно описать в двух словах. Перелом третьего шейного позвонка, и точка. Справедливости ради скажу, что если бы этого парня правильно уложили для транспортировки и вовремя оказали помощь, то он остался бы жив.

Еннервайн пропустил последнее замечание мимо ушей. Ведь стань эта маленькая, но существенная деталь известна прокурору, и работы у людей Еннервайна прибавится. Чего доброго, на них еще навесят расследование неоказания помощи и нанесения телесных повреждений по неосторожности.

— Не могли бы вы пояснить, как он получил такую травму?

— Ему был нанесен сильный удар тупым предметом по затылку.

— А такие повреждения не могут быть следствием того, что эти господа, скажем, жестоко подрались друг с другом? — снова села на своего любимого конька Мария.

— Трудно сказать. Каждый из них перепачкан кровью другого. Окажись я на месте происшествия...

— Там присутствовало как минимум человек двадцать врачей, а то и больше.

— Вот тут-то часто и начинаются проблемы, — покачала головой судмедэксперт. — Хотите узнать, что было у трупов в желудках?

— Почему бы нет? — спокойно сказал Еннервайн.

— Да, почему бы, собственно, и нет?! — взвыла психолог, пулей вылетая из помещения.

Хозяйка положения усмехнулась.

— Покажете ей потом письменное заключение, да и все. И так, вот этот коротышка либо целый день ничего не ел, либо проглотил лишь сущие крохи. Немножко глюкозы на завтрак, стакан чаю, половинка яблока. И он собирался на свидание.

— О, дружище Холмс, как же вы пришли к такому выводу?

— Незадолго до гибели он тщательно вымылся, Ватсон. У него такая кожа, будто он несколько часов принимал ванну. Безукоризненно чистая одежда, вычищенные до блеска ботинки... И пахло от него, будто от сборщика лаванды. Подмышки обработаны дезодорантом, полость рта — спреем для освежения дыхания. Химический анализ, безусловно, подтвердит их присутствие.

— Да, Холмс, но лично я надеваю свежее белье всякий раз, когда собираюсь на совещание, — возразил гаупткомиссар. — Само по себе ухоженное тело еще ни о чем не говорит.

— Однако, Ватсон, разве перед служебными совещаниями вы пользуетесь спреем для интимной гигиены? Марки «Бесаме мучо», например?

— Значит, он пользовался таким парфюмом?

— О чем и речь! И надо сказать, в эту симфонию ароматов вкрался еще один запах — пота. Наш мачо весь взмок. Возможно, нервничал сильнее обычного.

— Ну хорошо. А чем пробавлялся другой? — поинтересовался Еннервайн.

— Этот великан? Содержимое его желудка гораздо интереснее. Я сделала подробнейший анализ. Все, что там было, перечислено в отчете, потом прочитаете. Список длинный, его открывают ноль целых одна сотая миллиграмма гиперицина, а завершают два целых семьдесят пять сотых микрограмма цинка.

— И что это дает в итоге?

— Айершеке.

— Простите, не понял...

— Айершеке — это традиционное блюдо саксонской кухни: снизу дрожжевое тесто, сверху суфле. На мой вкус, в него надо класть поменьше сахара. Сорок граммов — это однозначно много.

Вид у девушки был отталкивающий. Впечатление от ее внешности сильнее всего портил перекосившийся парик. Ее щеки имели желтоватый оттенок, крупная картофелина носа придавала лицу глуповатое выражение, а в близко посаженных глазах стояло тупое безразличие. Из рукавов старомодного платья выглядывали неуклюжие грязные руки. Ее туфли тоже когда-то были модными — до нашей эры. Стоя у парапета балкона, она раскачивалась взад-вперед, как больные аутизмом, и человек со стороны наверняка принял бы ее за сумасшедшую. Платье с нее слегка сползло, обнажая безобразные синюшные пятна на теле.

— Гизела!..

Из-за спины дурочки выглянул какой-то мужчина. Та почти не отреагировала на его появление, однако хотя бы прекратила навязчивые раскачивания из стороны в сторону.

— Гизи-беби!

Мужчина приобнял Гизелу за бедра левой рукой, и тут же откуда-то вынырнул второй, сделав то же самое, но правой рукой.

— Похоже, пора, Гизела.

Руки сообщников были в стерильных резиновых перчатках. Эти люди не хотели оставлять следов. Крепко ухватив несчастную за бедра, они приподняли ее — и сбросили с балкона.

Гизела не кричала. Пролетев весь путь от балкона до пола, она хлопнулась между рядами кресел концертного зала, оказавшись точно в середине четвертого ряда — на том самом месте, где вчера обнаружили столь контрастную пару, гнома и великана. Именно это и нужно было ее мучителям. Гизела лежала, растопырив руки и ноги, и ни один человек из собравшихся вокруг даже не подумал посочувствовать ей.

— Неплохо сработано, Гизи, — похвалил куклу Ханс-Йохен Беккер, руководитель экспертно-криминалистической службы. — Сколько нужно времени на описание результатов?

— Несколько минут, шеф, — отозвался молодой компьютерный маньяк, не отрывая взгляда от экрана. Его коллеги подняли чучело с пола.

— Несите ее снова наверх, — распорядился Беккер. — Для получения достоверных результатов нам нужно сделать три-четыре попытки.

Тем временем в зал вошли Эннервайн с Марией Шмальфус. Дипломированный психолог все еще была очень бледной. Гаупткомиссар поздоровался с Хансом-Йохеном Беккером:

— Ну, как дела?

— Во-первых, теоретически очень даже возможно, что человек спрыгивает с балкона и приземляется на этом месте. Однако сразу скажу: Евгений Либшер не мог этого сделать. Никаких следов его присутствия на балконе не обнаружено.

— Хм, это укладывается в общую картину свидетельских показаний, — кивнул Эннервайн. — Никто из сидевших на балконе не видел, чтобы кто-нибудь прыгал оттуда. При всей увлеченности концертом зрители все равно заметили бы человека, влезającego на ограждение и с воплем: «Прощай, прекрасный мир земной!» — сигающего вниз.

— А теперь во-вторых, — прищурился Беккер. — Сейчас начинается самое интересное. Сегодня судмедэксперт прислала мне по электронной почте заключение. Так вот, телесные повреждения на трупах гораздо обширнее, чем те, которые получила Гизела.

— Что вы имеете в виду?

— Гизела, судя по результатам нашего эксперимента, получила куда меньше ушибов и переломов, чем Либшер. Значит, удар при его падении был гораздо более сильным. Капельдинер слетел явно не с балкона — как я уже пояснил, он оттуда не прыгал и никто его не сталкивал. Либшер упал с большей высоты. Конечно, мы еще раз все просчитаем, тщательно и не спеша, затем предоставим вам данные. С точностью до сантиметра. Впрочем, я уже сейчас могу сказать: высота была не менее шести метров. И он падал прямо, солдатиком, ниоткуда не отталкиваясь.

Гаупткомиссар поглядел вверх, на то место у бортика балкона, где стоял вчера, проводя вниз воображаемую линию. Выходит, ему придется распрощаться с версией полета с галерки, как до того Марии Шмальфус — с версией драки в зрительном зале. Больше ярусое не было, так что оставалось загадкой, откуда тут еще можно упасть. Непосредственно над местом происшествия, то есть над двенадцатым сиденьем в четвертом ряду, тоже не имелось никаких сооружений, с которых можно было бы спрыгнуть. Еннервайн мысленно провел еще одну пунктирную линию — от опоры для размещения осветительных приборов, закрепленной на потолке между первым рядом и рампой, к точке обнаружения тел. Мария и Ханс-Йохен проследили за оценивающими взглядами коллеги.

— Как вы думаете, мог Либшер залезть на эту опору и стремительно, как обезьяна, переместиться в центр зала? — спросил Еннервайн.

— Если он был чемпионом мира по гимнастике и в придачу занимался экстремальным скалолазанием, то да, — ответил Беккер.

Все трое подошли к четвертому ряду и посмотрели наверх.

— В таком случае ему нужно было оттолкнуться и преодолеть семь или восемь метров перед собой, — заметил Беккер. — Между прочим, действующий мировой рекорд по прыжкам в длину — восемь целых девяносто пять сотых метра.

— С разбега, — уточнила Мария Шмальфус. — Чего Либшер точно не делал.

Должно быть, Либшер свалился с потолка. Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Евгений Либшер обнаружил, что он в своей постели превратился в страшное насекомое. Поглотив немереное количество айершеке с генно-модифицированными компонентами, сотрудник культурного учреждения обернулся громадной мухой, которая взлетела к потолку и вскоре сверзилась оттуда, не выдержав трудностей лазания по осветительным приборам при усыпляющей музыке.

Еннервайн с сомнением покачал головой. Затем попросил у коллег фонарик и осветил на потолок, отделанный квадратами, как будто бы деревянными. По его прикидкам, высота помещения составляла от двенадцати до четырнадцати метров. Методично обследуя лучом фонарика поверхность потолка, гаупткомиссар заметил, что один из декоративных квадратов слегка отошел. И не где-нибудь, а как раз над двенадцатым местом четвертого ряда.

Позвали рабочего по зданию. Петер Шмидингер явился незамедлительно.

— Что у вас там, наверху?

— Где именно?

— Ну вон там, где же еще.

— Там, наверху? Ничего...

— В самом деле ничего? Над залом есть еще одно помещение?

— Вы имеете в виду чердак? Да, есть, но он не используется. А этот потолок очень непрочный, он лишь для красоты...

— Значит, по чердаку нельзя ходить?

— Это с какой стороны поглядеть. Передвигаться там можно лишь по балкам перекрытия. На такие подвиги я не способен: у меня запросто закружится голова.

— Хорошо, сейчас мы сами во всем убедимся, — решил Еннервайн.

Вру-у-ум! Вру-у-ум! И снова: вру-у-ум! На обочине автобана, на самом севере Северной Италии, где-то между Випитено и Колле-Изарко, стоял худощавый человек лет тридцати с небольшим. Его взгляд, казалось, бесцельно блуждал от одной точки к другой, в глазах мужчины чувствовалось что-то бродяжнически-ненадежное, и это первое впечатление лишь усиливалось при виде смело выпиравшего подбородка и странно подергивающейся головы. Жидкие волосы субъекта, наперекор всем модам, были подстрижены в стиле пятидесятых годов прошлого века, лицо покрыто пятнышками, уши оттопырены и слегка заострены. Его массивную нижнюю челюсть украшала жидкая козлиная бородка, выглядевшая наклеенной. Она и в самом деле была наклеена.

Карл Свобода еле слышно выругался — на итальянском, на австрийском немецком и всех прочих языках, которыми владел. Он знал, например, жутко непристойные словенские ругательства, мог побогохульничать на иврите и воспроизвести весьма неаппетитное словцо на суахили. Уже несколько часов полиглот переминался с ноги на ногу, а в его машине томился чувствительный груз, и поскольку он был нелегальный, рассчитывать на помощь Всеобщего германского автомобильного клуба не приходилось: слишком велик риск разоблачения. Поэтому Свобода позвонил Игнацу Гразеггеру и попросил приехать за ним. Собственно, он рассчитывал добраться до известной похоронной фирмы не спеша, к вечеру, а под покровом ночи спокойно извлек бы из машины свой заветный багаж. Но та ни с того ни с сего заглохла, нарушив все его планы. В бешенстве Карл пинал шины, и его проклятия тонули в очередном нарастающем «вру-у-ум!». Всею виной была современная электроника. Раньше водитель, как правило, мог собственноручно подлатать забарахлившего железного коня, купив или в крайнем случае стащив у кого-нибудь нужную запчасть. Но сейчас, с этими современными тачками, донельзя напичканными байтами, битами и прочей электронной запредельщиной, обойтись своими силами было решительно невозможно. Свободе пришлось глотать пыль автобана, дожидаясь, когда его выручит Игнац. Он ненавидел ждать. Потоптавшись еще немного, Карл снова сел в машину и отчасти от скуки, отчасти по старой привычке стал стирать отпечатки пальцев в салоне. Протер руль, приборную доску, вещевого ящик, ручки дверей, внутреннюю сторону лобового стекла. Вру-у-ум! Вру-у-ум! Провел салфеткой по рычагам, кнопкам, тумблерам, дисплею автомобильного радио. Вру-у-ум! Удивительно, что за несколько часов, прошедших с начала рассвета, еще ни один итальянский полицейский патруль не обратил на него внимания. И как раз в тот момент, когда Свобода перестал удивляться этому факту, в поле его зрения появился автомобиль дорожной полиции — «Polizia Stradale». «Сакра», — мысленно ругнулся Свобода и машинально коснулся кобуры на своем бедре, в которой ощущался легкий «Глок-17». Ствол был еще теплым — некоторое время назад Карл застрелил дикого кролика и зажарил его прямо здесь, на обочине, не удовлетворенный качеством еды в придорожных кафе.

Полицейский автомобиль медленно подъехал ближе. Из него вышли два карабинера в кожаных куртках, увешанные множеством наручников и резиновых дубинок, — ни дать ни взять клиенты секс-шопа для садомазохистов.

— Avete una panna, il mio signore? — У вас сломалась машина, синьор?

Ну что за глупый вопрос. Да, сломалась! Свобода заговорил по-итальянски, намеренно коверкая речь, словно держал перед глазами мини-разговорник для туристов. Это, как ему казалось, прекрасно дополняло образ слегка придурковатого, однако законопослушного австрийца. Он притворялся из чистой предосторожности, на всякий случай, ведь установить его личность было так же трудно, как истинную внешность Майкла Джексона. Борода у Свободы была накладной, волосы — искусственными, нос и подбородок — из гримерного латекса, машина — ворованной, паспорт, который он в данный момент протягивал полицейским, — поддельным. Последним штрихом в этом секунд-хэндовском обличье стал чудовищный итальянский, разумеется, тоже наигранный. Недалекий австриец получился очень достоверным. У Свободы имелся солидный опыт исполнения этой роли.

— Мио амичи... субито... венга... пренда... — пытался объяснить он на ломаном итальянском. Однако дуэт карабинеров, несмотря на все его протесты, настаивал на вызове эвакуатора. Возможно, он все-таки переиграл с «императорской и королевской» чудаковатостью... Свобода еще раз выругался и схватился за мобильник.

— Слушайте, вы сейчас где?

Люди в кожаных куртках смотрели на него с каменными лицами — как видно, не понимали ни бельмеса по-немецки. По телефону ответил Игнац, потому что Урзель вела машину.

— Очень плохо слышно! — рявкнул в трубку владелец похоронной фирмы. — Мы находимся южнее Инсбрука, проезжаем где-то между Муттерсом и Пачем...

— И когда же вы будете на границе? Мою машину скоро эвакуируют.

Игнац пообещал подъехать в ближайшие полчаса.

* * *

Большое преимущество предальпийского региона заключается в том, что от него рукой подать до Италии, и это обстоятельство в некоторой степени смягчает пагубные свойства фёна. Точь-в-точь за то самое время, которое требуется жителю Мюнхена или Кёльна, чтобы дойти от центра города до окраины, житель альпийских предгорий достигнет итальянской земли, например, Ломбардии, и вскоре окажется в какой-нибудь крошечной трагатории вблизи бог знает какого городка, где сенсационно вкусно готовят истинно национальные блюда. Игнац и Урзель Гразеггер выехали из дома очень рано, на рассвете, чтобы забрать ценный груз, застрявший на итальянской стороне перевала Бреннер. Они договорились со Свободой, что подождут его на австрийской стороне — Италия была для них табу, по совершенно определенной причине. Опасность того, что катафалк останоят для проверки, сводилась практически к нулю, вот почему они выбрали именно это необычное транспортное средство. Отъезжая от дома, Гразеггеры сразу же поставили компакт-диск с песнями сестер Роттманнридер и потому не слушали новостей, которые передавала региональная радиостанция. Иначе они сразу узнали бы, что на их родном курорте разыгрались нешуточные события, и не уехали бы отсюда с такой спокойной душой. На подъездах к Инсбруку многоголосый хор сестер Роттманнридер стал дружно жаловаться, что девушка во время танца заглядывалась на других парней. Потом пошли песни об охоте на серн, браконьерстве, падениях с обрыва — такое музыкальное сопровождение показалось супругам вполне подходящим для путешествия через перевал Бреннер. До самого Инсбрука

трасса была не слишком загруженной, но потом началась пробка. Урзель выключила голосистых сестриц, чтобы послушать новости. Радиостанция «Оберланд» как раз передавала интервью с неким комиссаром полиции Еннервайном:

— Значит, вы руководите группой по расследованию этого происшествия?

— Да.

— Сколько человек погибло?

— Два.

— Не могли бы вы рассказать чуть подробнее, что случилось?

— Нет.

— Неподалеку от культурного центра базируется гарнизон американской армии. Вы можете исключить террористическую атаку?

— Нет.

— Гаупткомиссар уголовной полиции Еннервайн, благодарим вас за интервью.

Стоять в пробке, находясь в ритуальном автомобиле, весьма сомнительное удовольствие. Пассажиры соседних машин начали глазеть на гразеггеровский катафалк, а некоторые граждане с обостренным чувством юмора даже стали фотографировать и снимать его на видео. Меньше всего на свете Гразеггеры мечтали, чтобы кто-то фиксировал их передвижения. Им абсолютно не хотелось привлекать излишнего внимания.

— Давай съедем с автобана на старое шоссе. До того места, где стоит Свобода, остаются считанные километры.

Оказавшись на дороге местного значения, они первым делом безнадежно заблудились.

— Как бы нам сейчас пригодился навигатор!.. — в сердцах сказала Урзель. — Старый сквалыга!

Трупы, которым фирма Гразеггеров обеспечивала вечный покой, Карл Свобода поставлял главным образом из беспокойных регионов — Неаполя, Барлетты и, несколько не удивительно, из Палермо. Также в числе его клиентов были богатые греческие судовладельцы и испанские строительные миллиардеры. И все-таки большинство «покойников-нелегалов» прибывало с просторов юга Италии. Свобода великолепно владел итальянским, поэтому прекрасно понимал, о чем говорят карабинеры. Эти brave полицейские полны решимости эвакуировать его машину с драгоценным грузом. Он должен во что бы то ни стало отделаться от них, иначе ему придется туго.

— Теперь налево, — сказала Урзель, когда они проезжали между поселками Мютценс и Пфонс. — Помнишь, как мы тогда заблудились в Италии? Городок назывался Колино — или что-то в этом роде.

— Колино?

— Ну может, и не Колино, но очень похоже. Мы ехали в сторону Ареццо, но оказались в Аквапенденте. Населенный пункт назывался как-то на «С».

— Солино?

— Нет, двусложное название, что-то вроде «Мисбах», только итальянское.

Игнац и Урзель познакомились со Свободой на вершине горы. Он предстал перед ними как заправский горный турист — в грубых ботинках с рифлеными подошвами и ярко-красных шерстяных носках. Хорошо экипированный незнакомец сидел на 1600-метровой высоте рядом с крестом, какие обычно водружают на покоренных вершинах, и рассматривал в бинокль громады гор, раскинувшиеся вокруг. Этот клочок земли был действительно свободен от прослушивания, так что Свобода без долгих предисловий перешел к делу.

— Я слышал, — начал он, — что среди услуг, предоставляемых вашей фирмой, имеется одна совершенно особая. Эксклюзив.

— Ты понимаешь, что имеет в виду этот австриец? — тяжело дыша, спросил Игнац у супруги.

— Нет, — ответила Урзель, тоже борясь с одышкой. — Совершенно ничего не понимаю. От кого можно услышать о таких вещах? Это просто невероятно.

— Каналы, каналы, — процедил Свобода, не отводя бинокля от глаз.

Пока два карабинера, совершенно не догадывающихся, что у них на крючке висит крупная рыба, пытались дозвониться в службу эвакуации автомобилей, Свобода вспоминал, как убеждал двух туристов из Баварии в выгодности делового партнерства. Эти люди были легкой добычей. К тому моменту супруги Гразеггер успели заныкать всего лишь пару-тройку трупов, скорее, в виде одолжения тому или иному двоюродному дедушке, и круг их клиентов ограничивался исключительно земляками. Свободе нужно было убедить Игнаца и Урзель, что расширение их бизнеса сулит заманчивые финансовые перспективы. Он быстро перешел в наступление:

— Я знаю все о ваших подвигах.

— Каких еще подвигах?

— Хотите, назову конкретные номера могил? Вот, например, участок четыре дробь тысяча двести девяносто один дробь двадцать восемь. Двойное захоронение, январь прошлого года.

Он назвал еще несколько цифр. Супруги побледнели.

— А ты, что предлагаешь нам ты?

Находясь высоко в горах, принято обращаться друг к другу на ты. Нагорные беседы сплачивают, деловые предложения, сделанные под облаками, сулят успех. Ответы, данные на вершинах, искренни и недвусмысленны. Решения, принятые в поднебесье, весьма перспективны.

— Я предлагаю вам полную безопасность и...

Свобода выразительно потер большим пальцем об указательный, затем элегантно жестом показал на юг. Воображаемый взмах руки протянулся через всю Паданскую равнину и уперся в Сицилию.

— Там у меня отличная клиентура. Вы знать ничего не знаете о них и о том, откуда берутся трупы. Они, в свою очередь, не желают ничего знать ни о вас, ни о вашем идилическом кладбище. Путей транспортировки не разгадает ни один дока. И ваш дом расположен очень удачно. Удачней не придумаешь!

Все это была чистая правда. Свобода подыскивал подобный расклад очень долго. Ко владениям Гразеггеров легко можно было подъехать незамеченным. Их дом, в котором располагалось и жилье, и похоронная фирма, стоял у подножия горы, так что не составляло труда подняться по заброшенной дороге на сто или двести метров в гору и спрятать машину

в лесу — бесхозном, где даже не протоптано ни единой тропинки. Идеальные условия, чтобы возить туда-сюда все, что нужно, не привлекая постороннего внимания!

— О чем вообще речь?

Конечно же, Урзель с Игнацем искренне оскорбились в ответ на предложение участвовать в таком недостойном деле. Однако во время совместного спуска с 1600-метровой горы Свобода озвучил сумму — за каждого мертвеца, и на побледневших было лицах Игнаца и Урзель снова заиграл румянец. Их потянуло присесть, они не могли оставаться на ногах. Вот так и начался совместный бизнес похоронной фирмы «Гразеггер», основанной в 1848 году, и Карла Свободы. И этот бизнес работал как часы.

— Двусложное название? — переспросил Игнац, беспомощно вглядываясь в истрепанную карту Тироля. — Типа «Мисбах», только итальянское?

— Да, — отвечала Урзель. — Это где-то в районе Аквапенденте.

— Аквапенденте! Это же совсем в другой стороне! И это была совсем другая история. Тогда мы с тобой ехали в Орвието, сбились с пути и по ошибке оказались в Монтефьясконе.

Урзель резко свернула направо.

С трудом дозвонившись до службы эвакуации, дорожные полицейские попросили Свободу подождать, сопровождая свои слова активной жестикуляцией. Затем карабинеры снова сели в машину и уехали. Наконец-то! Аферист схватился за телефон:

— Где вы сейчас находитесь?

— Проезжаем Санкт-Йодок.

— О, хорошо, это совсем близко. Езжайте прямо и остановитесь там в ближайшем парковочном кармане на выезде. Я снимаюсь отсюда и скоро буду. Копы уехали, но вот-вот приедет эвакуатор, и того и гляди начнутся проблемы с ворованным авто. Оставаться здесь мне слишком рискованно. Скоро встретимся, думаю, через полчаса.

Окинув напоследок взглядом заглохший автомобиль, Свобода перебросил через плечо рюкзак и зашагал прочь.

— Монтефьясконе? Ты что-то путаешь. Это совсем в другом месте, — произнесла Урзель после паузы. Следуя указаниям Свободы, она остановила машину в небольшом парковочном кармане, и теперь супругам оставалось только ждать.

— Я так и не могу вспомнить названия той местности, — сказала супруга Игнацу после пятнадцатиминутного молчания. — У меня в голове крутится «Канино», но это тоже неверно.

— Канино — это трехсложное слово.

— Если бы сейчас мы стояли на берегу озера Больсены и выезжали из Каподимонте в южном направлении, то я могла бы сказать точнее. Нужно ехать еще полчаса, и...

В следующее мгновение Игнац и Урзель испуганно вздрогнули: задняя дверь катафалка распахнулась, и в салон влез совершенно незнакомый человек с рюкзаком.

— Едем дальше, — сказал тот, захлопывая за собой дверь. — Времени у нас в обрез, — добавил он на австро-баварском диалекте.

Дождь с шумом хлестал по черепичной крыше, спотыкаясь об отдельные черепицы, влага собиралась в медные водосточные трубы и энергично выплескивалась оттуда на бульжную мостовую. Внутри, в душном помещении, кишмя кишели крупные белые личинки, медленно и, казалось, бесцельно двигавшиеся из стороны в сторону. Одна из них выставила вперед свою белесую головку, словно желая повнимательнее рассмотреть какой-то предмет, другая возбужденно размахивала коротенькими лапками, будто хотела показать другим что-то интересное, третья медленно извивалась на пыльном полу и как раз собиралась подползти под толстую балку потолочного перекрытия, когда порог чердака переступил Еннервайн. Он осторожно сделал несколько шагов, стараясь не наступить ни на одну из личинок.

Большинство из копошащихся здесь безликих созданий он все-таки знал. Ту личинку, которая только что собиралась подлезть под балку, он даже знал по имени: Ханс-Йохен Беккер. Руководитель экспертно-криминалистической службы гонял по чердачному помещению своих подчиненных, ответственных за фиксацию следов, сбор всевозможных волокон, волос, образцов грунта и так далее. Поскольку Беккер не заметил гаупткомиссара, он и дальше продолжал болтать ногами в воздухе, как будто бы в знак приветствия. На самом деле он был занят тем, что устанавливал под балкой один из многочисленных измерительных приборов. Появление гаупткомиссара не помешало Беккеру и другим «личинкам» продолжать свой кропотливый труд. Как видно, им совсем не мешала экипировка — белые синтетические халаты с капюшонами, защитные маски и резиновые перчатки. Из-за всего этого их в шутку и прозвали личинками. На Еннервайна долго никто не обращал внимания, и наконец два или три человека бегло кивнули ему на ходу. Криминалисты то и дело что-то негромко говорили в диктофон, оперируя мудреными профессиональными терминами типа «флуоресцентно-микроскопический анализ» или «посмертная дактилоскопия». Затем они снова приступали к своим привычным занятиям: сбору, накоплению, сохранению, документированию.

С особой скрупулезностью работал специалист по акустике, который простукивал молоточком балки, внимательно слушая рождающиеся звуки. Он как будто бы желал развлечь присутствующих подобием ксилофонной музыки — протяжным чердачным блюзом или деревянным чуланным танго. При этом было заметно, что ударника со стетоскопом в ушах не слишком-то удовлетворяют те ноты, которые он извлекает. Иной раз, сделав удар, он горестно вздыхал и качал головой, приговаривая что-то насчет «серьезных строительных просчетов» и «катастрофических нагрузок», и лишь потом заносил результаты своих экзерсисов в маленький блокнот. Еннервайн с беспокойством прислушивался к бормотанию этого эксперта. Услышав про «превышение предела выносливости материала», гаупткомиссар невольно ухватился за одну из несущих опор.

Помещение было вытянуто в длину, при этом множество ничем не прикрытых стоек еще сильнее сужало его зрительно, придавая вид чего-то временного, непостоянного, будто обратная сторона театральной декорации. Впрочем, сооружение не только выглядело временным — оно было таким на самом деле. Петер Шмидингер, рабочий по зданию, заявил под протокол, что раньше стропила вообще не имели внутренней отделки и были видны из

зрительного зала. Лишь после того как музыканты стали жаловаться на плохую акустику, прямо-таки пожирающую звук, свод начерно обшили деревом, снизу к балкам прибили декоративный потолок, а сверху настелили доски — подобие пола, правда, мало приспособленного для того, чтобы по нему ходить. С тех пор прошло два года. Как известно, не бывает ничего более постоянного, чем временное. Что же заставило Либшера подняться сюда? И что, собственно, забыл здесь он, гаупткомиссар Еннервайн?

Постепенно набег экспертов-криминалистов схлынул, мастера читать следы собрали вещи и покинули уютный чердак. Здесь остался лишь Ханс-Йохен Беккер, неподвижно лежавший на досках, и непосвященному даже могло показаться, что именно этот человек и есть жертва преступления. Сквозь небольшие слуховые окошки проникал слабый дневной свет, так что можно было заметить, как Беккер пошевелился, затем выпрямился, восставая из мертвых, и склонился над отверстием в полу.

— Ну, что там интересного внизу? — спросил Еннервайн, направляясь через все помещение к дырке, привлекавшей внимание Беккера.

— Осторожно, Еннервайн! — крикнул ему коллега. — Будьте внимательны, тут кругом дыры.

При каждом шаге половицы трещали, прогибались вниз на ширину ладони и с противным скрипом отпружинивали обратно. Гаупткомиссар старался держаться за стропила и наступать только на несущие перекрытия. Необструганные доски под ногами где-то были прибиты, где-то оторваны и так и лежали незакрепленными. Тут и там торчали ржавые гвозди, и человек с каждым шагом чувствовал себя здесь все уютнее. Поврежденных мест было много, но заглянуть через них напрямую в зрительный зал не удавалось — мешали квадратные панели, прибитые с нижней стороны толстых, в метр, перекрытий. Именно этот декоративный потолок и был виден зрителям. Еннервайн посветил карманным фонариком в широкую щель на месте двух оторванных досок. Внимательно приглядевшись, он увидел, что декоративные квадраты потолка сделаны из пластика, текстурированного под дерево. Страшно было представить даже на мгновение, что ты спускаешься в это темное пространство между полом и потолком и твоя жизнь зависит лишь от хлипких гвоздиков, которыми закреплены снизу пластиковые панели.

— Вам не кажется, Беккер, что тут все сделано с нарушениями? Общественное здание, и такая халтура...

— Да, я тоже не раз подумал об этом. Но на данный момент это не наша головная боль.

— Ну, пока мы сами не провалились, то, конечно, не наша.

— В следующий раз, когда полезу сюда, обязательно привяжусь тросом, можете не сомневаться.

Еннервайн осторожно подошел поближе к Беккеру и взглянул через плечо коллеги. В полу зияла дыра, а в потолке — небольшая щель из-за частично оторванной декоративной пластинки. Сквозь эту щель виднелись ряды кресел в зрительном зале.

— Значит, Либшер сверзился отсюда...

— Верно. Он провалился насквозь именно в этом месте. Отсюда до пола как раз двенадцать метров.

Теперь картина происшествия начала немного проясняться: крупный, упитанный Либшер встал на тонкий, едва ли в сантиметр толщиной, квадрат из материала, близкого к линолеуму, тот, конечно же, не выдержал стадвадцатикилограммового веса, пластинка

прогнулась, гвозди с одного ее края выдернулись... Еннервайн указал на пятно, темневшее на балке вблизи пролома:

— Это что, кровь?

— Да, и кровь тоже. Кроме того, здесь обнаружены фрагменты кожи, волосы и другие органические микрообъекты, явно принадлежащие человеку. Мы уже почти все отскоблили. Наверное, это и есть потерянное лицо Либшера.

Беккер поднялся с колен и шагнул к Еннервайну в безопасное место. Мужчины вместе поглядели сквозь щель на двенадцатое место в четвертом ряду.

— Но какие же черти понесли его сюда? И почему он ходил не по прочным балкам перекрытия, а встал на декоративную панельку? — пробормотал Еннервайн. — Ведь только слепой не увидит, что тут все на соплях...

— Возможно, он и не вставал на пластиковую панель специально, а, скажем, прыгнул.

— С того места, где мы сейчас стоим?

— Возможно. Экспертиза покажет, с какой именно высоты был сделан прыжок. Наши специалисты сейчас как раз заняты обработкой данных.

— Значит, Гизеле снова пришлось помучиться?

— Да, все закончилось полчаса назад.

— Как она себя чувствует?

— Замечательно. И уже выехала на новое задание.

— Такая работающая девушка?!

— В день у нее бывает до пяти сессий.

— Можно немного порассуждать вслух? — проговорил Еннервайн. — Итак, Евгений Либшер, капельдинер культурного центра, или, проще говоря, привратник. Мужчина ростом в метр девяносто шесть, весом в сто двадцать кило. Вот он стоит здесь, на крепкой балке, и вдруг теряет равновесие, спотыкается и все такое. Падает на пол, гнилые доски «кряк!», и он проваливается уровнем ниже, на декоративный потолок, на эти несерьезные пластиковые панельки. Крепление...

— ...несколько тоненьких гвоздиков...

— ...правильно, выдергивается, и человек летит вниз. При этом он весь обдирается обо всякие острые края...

— Да, такое вполне возможно, — подтвердил Беккер, освобождаясь от своего белого кокона, однако не превращаясь при этом в бабочку.

— Главный вопрос: что делал здесь Либшер?

— Это опять же не моя забота. — По голосу Беккера слышалось, что он чрезвычайно доволен собой.

— Я, пожалуй, рискну заглянуть туда, чтобы самому во всем удостовериться, — сказал гаупткомиссар, направляясь к дыре.

— Вы что, серьезно? Без страховочного троса?!

— Страховать будете вы, Беккер. Держите меня за ноги, и покрепче. На всякий случай.

— Классно. Ваша жизнь в моих руках. Видело бы нас сейчас мюнхенское начальство, ох и попало бы нам...

— Надо думать, — ответил Еннервайн и свесился вниз головой. Одной рукой он держался за крепкую металлическую стойку, другой обхватил толстое бревно. Беккер страховал его сверху — конечно, не по классическим правилам альпинизма, но тем не менее усердно держал за ноги. Скоро с лица Беккера побежали ручейки пота. Еннервайн приник

головой к отогнутому концу пластиковой панели и в награду за смелость увидел великолепную панораму концертного зала.

— Надо дать госпоже фон Бреннер, директорше театра, один добрый совет! — крикнул гаупткомиссар Беккеру.

— Какой?

— Продавать билеты на чердачные места! А что, как раз в духе альпийского курорта, который славится чистым воздухом высот.

— Все это так, Еннервайн, — отозвался Беккер, — но мне будет гораздо спокойнее, если вы поскорее закончите свою экскурсию.

Еннервайн стал карабкаться обратно. Потолочные перекрытия скрипнули, как будто бы облегченно вздыхая. Беккер протянул коллеге руку.

— Ну как, помогла вам эта вылазка сделать мощный прорыв в расследовании? — язвительно спросил Беккер, собирая свою аппаратуру.

— Это опять же не ваша забота, — рассеянно ответил Еннервайн. Одна чахлая, слабенькая, призрачная мыслишка уже зарождалась в той точке его мозга, которая отвечала за мысли такого свойства. Заполненный до отказа зрительный зал. От людской массы отделяется человек и поднимается сюда, на чердак. Сквозь щелку в потолке он может наблюдать за происходящим в зале. Действует он из определенных соображений. Из каких? Просто любит подглядывать, вроде вуайериста? Или следит за какой-то определенной персоной? Только лишь следит? Или намеревается совершить нечто посерьезнее?

— Я хочу заглянуть в дыру еще раз, — заявил гаупткомиссар. — И не просто так, а чтобы зал и сцена были освещены в точности, как на том концерте.

— В таком случае воспользуйтесь спецсредствами. Трос и карабины к вашим услугам. Ведь вы — не Гизела.

— Да, вы правы, Беккер. Я не такой страшный, как она.

— Гизела вовсе не страшная. Она потеряла привлекательность на ответственной государственной службе.

Выбравшись на безопасный участок, Еннервайн стал отряхивать пыль с одежды.

— Я еще немного осмотрюсь здесь.

— Ну, раз вы считаете это нужным, пожалуйста.

Еннервайн медленно передвигался по чердаку, на каждом шагу проверяя, как реагирует настил из досок на его семидесятипятикилограммовый вес. После того как он увидел дыру в потолке с близкого расстояния, пол стал казаться ему еще более хлипким и ненадежным, чем раньше. Вдобавок ко всему выпрямиться во весь рост можно было не везде, по большей части приходилось сильно нагибаться. Гаупткомиссар то и дело ложился на пол, чтобы проползти под какой-нибудь пыльной перекладной. Натянув резиновые перчатки, он ощупал верхнюю грань толстой деревянной балки. Затем встал на цыпочки и слегка подпрыгнул, но половая доска тут же с треском расщепилась, и нога Еннервайна провалилась в дыру до щиколотки. Так что с прыжками пришлось покончить.

Дотошные эксперты-криминалисты из оперативной бригады наверняка уже заглянули в каждый уголок, изъяли все образцы следов, какие только можно. Несмотря на это, Еннервайн совершал еще один вояж по чердаку, осторожно передвигаясь в полусогнутом виде по грубо сколоченной временке. Ему не хотелось полагаться лишь на сухие данные измерений — лучше еще раз все хорошенько осмотреть, потрогать и прочувствовать. Он ощупывал всевозможные углы, наклоны и скосы конструкций, прикасался к стенам,

внимательно глядел, нет ли чего на полу. У него в кармане зазвонил мобильник, но он не обратил на это никакого внимания. Еннервайн освещал фонариком выступы крепежных элементов, стучал по дереву. Гаупткомиссар сам не знал толком, что ищет. Какую-то неведомую улику, которую могло скрывать это заброшенное помещение. Наконец он открыл одно из слуховых окошек, чуть подтянулся на руках и выглянул наружу. К этому моменту ливень ослабел, превратился в мелкий, морозящий дождик, и вместе с тем над долиной висела плотная туча смога. Да уж, с такой погодой предальпийские просторы скоро потеряют свой курортный статус, ведь почти то же самое можно увидеть из окна в каком-нибудь промышленном центре вроде Кастроп-Раукселя или в нью-йоркском Бронксе.

Поглядев вниз, на улицу, руководитель следственной бригады увидел широченный американский автомобиль — «шевроле-малибу-кабрио» модели 1964 года, а может, «бьюик-лесабр» 1959-го. Еннервайн не очень хорошо разбирался в этих вещах. Вот какое-то непривычное сочетание цветов... а, понятно, это американский флажок на розовом «шевроле». За рулем автомобиля сидел темнокожий офицер вооруженных сил США, как минимум капитан-лейтенант, насколько можно было судить отсюда. Еннервайн знал, что со времен окончания войны в этих краях находилась не только американская военная база, но и такая спорная организация, как Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа Маршалла. Даже старый Рамсфелд когда-то нанес сюда визит и задал головомойку бургомистру. Нет, конечно, вряд ли американский министр обороны позволил себе такое, однако подобную ситуацию вполне можно себе представить. Яркий автомобиль остановился, к нему подбежала темнокожая женщина в форме, в звании не ниже капитана. Она открыла переднюю пассажирскую дверь и что-то крикнула сидящим в салоне — возбужденно и по-южному темпераментно. Еннервайн еще немного подтянулся, чтобы лучше видеть происходящее, и высунулся из окошка по бедра. А вот и кое-что интересное! Внизу, наискосок от подоконника, рядом с водосточным желобом болталась на ветру какая-то вещь — не то промокший насквозь мешочек, не то пострадавший от непогоды футляр, не то отданная во власть дождя сумочка. Предмет висел на туго натянутой леске, один конец которой был закреплен под этой крышей, а другой — под соседней. Все это выглядело так, будто бы кто-то вывесил из окна свою спортивную обувь для проветривания. Еннервайн снова убрался в окошко, осторожно приземлился на ненадежные доски и направился к выходу с чердака. Там стоял Беккер, в нарушение всех правил куря сигарету. Еннервайн рассказал ему об увиденном за окном.

— Может, этот мешочек и не имеет никакого отношения к делу, но все же проверьте его на всякий случай.

— Мы проверяем все, — отозвался Беккер с нотами превосходства в голосе. Еннервайну был неприятен этот тон, и он решил дать сдачи.

— Однако крышу вы осмотреть забыли!

— Такие осмотры мы проводим только со страховочным снаряжением. Его скоро подвезут.

— Вот как, значит, следующим этапом вы собирались обследовать крышу? Неужели?..

— Ну разумеется, собирались, что за вопрос! Но только мы в отличие от вас оборачиваем рамы и подоконники пленкой, прежде чем на них опираться.

— Да ну вас к дьяволу! Я был в резиновых перчатках.

— А как быть с потовыми выделениями вашего тела, микроскопическими волокнами ткани от вашей одежды, вашими волосами, наконец?

— Прекратите, Беккер! На восемь вечера вчерашнего дня у меня железное алиби. Я точно не спихивал отсюда капельдинера.

— ...Еще вы могли оставить капельки слюны, микроскопические фрагменты кожи, а также царапины от пряжки ремня...

— Но по крайней мере я не оставлял сигаретного пепла на месте происшествия, как вы, Беккер!

«Совместные впечатления на „чистом воздухе высот“ не так уж сплачивают, как принято считать», — подумал Эннервайн. Он хмурился и молчал, Беккер тоже.

— А, так вот где тут, значит, место для курения!

С этими словами на лестнице появилась Мария Шмальфус со стопкой протоколов допросов свидетелей под мышкой. Она протянула бумаги Эннервайну на подпись. Посмотрев сначала на одного коллегу, потом на другого, девушка сразу почувствовала взрывоопасность ситуации. И сказала — лишь чтобы не молчать:

— Шеф, мы слышали ваше интервью по радио.

— Ну и как? Увлекательно?

— Если честно, то оно получилось слишком уж лапидарным. Не могли бы вы в следующий раз отвечать на вопросы немного подробнее, не только «да» и «нет»?

— Для этого у нас есть вы, щедро одаренная красноречием психолог, способная с блеском давать подробные интервью, учитывающие интересы простых граждан, — проворчал Эннервайн. Обстановка слегка разрядилась.

— Но если эта красноречивая психолог зашивается в работе? Что тогда?

— Тогда я запишусь на курсы медиапланеров, потом сделаюсь пресс-секретарем полиции и с утра до ночи только и буду раздавать интервью, я давно об этом мечтаю. Но пока до этого не дошло, я попытаюсь раскрывать преступления. — Эннервайн окинул Беккера взглядом средней суровости. — И при этом оставлять как можно меньше следов. Фрагменты кожи, потовые выделения... Это просто смешно.

Руководитель экспертно-криминалистической службы агрессивно кивнул. Он собирался было отбрить оппонента, однако Мария, слушательница вводного курса по стратегиям разрешения конфликтов, положила Беккеру руку на плечо и повлекла его за собой вниз по лестнице.

Эннервайн закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Вот Евгений Либшер, капельдинер, стоит на чердаке, на прочной балке потолочного перекрытия. Вот он поскользнулся, споткнулся, оступился и тому подобное, или кто-то его толкнул. Мужчина рухнул сначала на пол, но гнилые доски проломились под его солидным весом, и он полетел вниз. Он падает на тонкую панель из пластика, та отрывается... Растопырив большой и указательный пальцы, Эннервайн помассировал виски, стараясь сконцентрироваться на главном. Соответствуют ли описанные свидетелями звуки этой модели ситуации? Большинство опрошенных упоминают два звука, один из которых сменился другим после короткой паузы. Не «тс-с-са-вонк!», а, скорее, «тс-с-а... вонк!». Эти утверждения похожи на правду. Наверное, публика сначала услышала треск отрываемой декоративной пластинки, а потом удар при падении Либшера на этого бедолагу. Однако почему никто из свидетелей не заметил самого происшествия? Обязательно надо еще раз сесть с коллегами в зале, попросить Шмидингера включить точно такое же освещение, какое было на концерте, и, затаив дыхание, глядеть на сцену, попутно проверяя, действительно ли можно не заметить

падения человека с потолка. «Бедная Гизела, никак тебе не удастся отделаться от нас», — подумал Эннервайн. Однако больше всего его занимал вопрос, зачем же Евгению Либшеру понадобилось идти на чердак. Чем он там занимался? Был ли это обычный, рутинный контрольный обход? Вряд ли — на чердаке слишком шаткий пол. Может, капельдинер намеревался немного поспать на верхотуре? Для этого есть более удобные места. А если он хотел поглядеть с «горних высот» на заявленный в рекламе стриптиз Пе Файнингер, клюнув на этот маркетинговый ход? Эннервайн надавил на виски сильнее. Итак, служитель провожает двух опоздавших зрителей в зал, потом по какой-то причине взбирается под самую крышу и случайно оказывается в том месте, где доски совершенно прогнили. Пол проламывается... Первое совпадение. Потом он падает аккурат на одного из тех двух опоздавших, которых недавно ввел в зал. Второе совпадение. Можно ли в таком случае утверждать, что совпадений много? Гаупткомиссар с остервенением массировал виски, уже обеими руками, однако так и не мог выдавить оттуда еще хоть одно совпадение.

Он направился к лестнице и стал спускаться в фойе, чтобы еще раз подняться оттуда на чердак, в точности повторив последний маршрут Либшера. Очутившись внизу, возле занавешенного алым бархатом входа в зрительный зал, Эннервайн бросил взгляд на свои наручные часы, засекая время. Для начала он пересек фойе в обычном темпе ходьбы. Судя по всему, Либшер прошел мимо гардеробщицы, и та подтверждает этот факт. Теперь на очереди была широкая лестница, ведущая на балкон. Эннервайн поднялся на второй этаж, прошел мимо туалетов, затем зашагал по узкой лестнице на третий этаж. Вскоре он достиг тамбура, явно не предназначенного для публичного пользования, откуда вели четыре двери. На первой висела табличка «Реквизиторская», на второй — «Семья Шмидингер». Рядом была кнопка звонка — вот она, служебная квартира рабочего по зданию. Третья дверь относилась к дополнительному дамскому туалету, а четвертая, самая маленькая и неприметная, вела на чердак. Металлическая, покрашенная той же самой краской, что и стены, она начиналась не от уровня пола, а на полметра выше. Сейчас эта дверь, конечно, была открыта, однако Шмидингер уверял, что обычно она заперта — в соответствии с предписаниями пожарной инспекции. Только у рабочего по зданию имелся ключ от нее, как он недавно сказал Остлеру.

— Вот, посмотрите, господин инспектор, ключ так и висит на своем месте, на доске.

— Когда вы пользовались им в последний раз?

— Наверное, несколько лет назад.

— Вы уверены в этом?

— Ах ну да, конечно... Я брал его сегодня, чтобы отпереть ту дверь для вас.

Эннервайн внимательно осмотрел дверной замок — примитивный, квадратный, ключ к которому можно подобрать в любом строительном супермаркете. Наверное, сейчас на дне одного из чистейших горных озер, какими богаты окрестности курорта, и покоится ключик от этого замка. Теперь Эннервайн почти не сомневался, что в смерти Либшера замешан еще кто-то. Без постороннего вмешательства тут не обошлось. Этот случай совсем не из разряда несчастных! Дверь на чердак была лишь притворена, Эннервайн потянул ее на себя, вошел внутрь и приблизился к зияющей дыре. Тут он снова посмотрел на часы: весь путь пройден за две минуты, причем неспешным шагом. Надо еще раз проделать то же самое, но в ускоренном темпе.

В очередной раз Эннервайн стал спускаться по лестнице, но едва сделал несколько шагов, как его вдруг прошибло холодным потом. Гаупткомиссар ухватился за перила,

замедлил шаг и наконец остановился. Совершенно неожиданно он почувствовал себя так плохо, что вынужден был сесть на ступеньку. Все вокруг него кружилось, дергалось... Он закрыл глаза, однако лучше ему не стало, гнетущее чувство головокружения не проходило. Еннервайн потряс головой, будто зверь, стряхивающий с себя надоедливую муху. Затем снова открыл глаза, зафиксировал взгляд в определенной точке пола и попытался выровнять дыхание. Снова эти окаянные приступы! «Надо же, ты ведь так надеялся, что они больше не повторятся! И ты никогда уже не будешь сидеть на полу в полуобморочном состоянии!» Припадки одолевали Еннервайна довольно редко, эпизодически, однако если уж это случалось, то только держись. За последние полгода он пережил четыре мощнейших атаки и... ни разу не обратился к врачу. Еннервайн, страж законности и правопорядка, с виду неприметный, однако могучий борец с преступностью, имел одно слабое место. Об этой ахиллесовой пяте не знал никто, и уж тем более его секрет не должен был вылезти в ходе текущего расследования. С того момента, как с ним случилась беда, прошло уже несколько месяцев, и болезнь проявлялась у гаупткомиссара не слишком-то часто. Однако каждый раз он опасался, что недуг засосет его основательно и будет терзать до конца жизни. И хотя неприятные ощущения были очень сильными, они обычно проходили в считанные минуты — именно этого и дожидался Еннервайн, сидя на лестнице. Никто не должен догадаться, как ему сейчас плохо. Искренне надеясь, что в ближайшее время никому не взбредет в голову обращаться к нему с вопросами, он попытался выдать свою судорожную скрюченность за одну из разновидностей сосредоточенной позы мыслителя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И все-таки Людвиг Штенгеле, стоявший внизу, в фойе, заметил неладное и взбежал по лестнице, перескакивая через несколько ступеней:

— Эй, шеф, все в порядке?

Еннервайн собрал волю в кулак. Это он мог, этому он специально учился. Его сильными сторонами были дисциплина, концентрация на существенном, игнорирование помех. Со стороны должно выглядеть, что он перекачивает в голове тяжелые камни важных решений. Нужно держаться спокойно и естественно, чтобы Штенгеле, решив, будто шеф сосредоточенно думает, отрешенный от всего, исчез как можно скорее. Однако коллега вежливо ждал ответа на свой вопрос.

— Да, все нормально. Я просто немного не выспался.

— Может, принести вам воды, господин гаупткомиссар?

— Нет-нет, спасибо, ничего не нужно. Меня как раз осенила одна занятная идея, Штенгеле.

Действовать на опережение он тоже умел.

— Да, я слушаю.

— Пианистка. Она нам нужна.

— Пе Файнингер? Я ей позвоню.

— Пусть приедет как можно скорее. Также нам нужен свидетель, способный ответить, на какой именно минуте концерта в зал вошла эта тройка — опоздавшие и капельдинер. В идеале из тех, кто сидел в четвертом ряду. Если у вас получится разыскать гардеробщицу, эту госпожу Пробст, тоже будет неплохо. И без рабочего по зданию нам не обойтись — пусть включит свет точно так же, как было в момент происшествия.

Штенгеле скривил лицо в заговорщической мине.

— Мне кажется, шеф, я понимаю, что вы задумали.

Коллега повернулся, чтобы уйти, и Еннервайн слегка возгордился собой. Во-первых, отвлекающий маневр удался. Во-вторых, даже в таком ужасном состоянии он оказался способен придумать нечто стоящее. Он снова владел собой, адекватно воспринимал окружающий мир — недавний приступ был одним из самых коротких. Еннервайн встал и, еще немного покачиваясь, побрел вниз по лестнице. В какой-то момент ему все-таки пришлось ухватиться за перила и остановиться.

— Гаупткомиссар хочет еще раз смоделировать ход событий! — объявил Штенгеле Николь Шваттке, встретившей его в фойе.

Еннервайн наблюдал за ними с лестницы. Никто не должен знать о его болезни. Ни одна живая душа. До тех пор, пока он не поставит точку в расследовании этого дела.

— Канино, Канино! Вы что думаете, я так сразу вспомню это название? — с отчаянием в голосе воскликнула Урзель.

— Канино?.. — рассеянно переспросил Игнац.

— Нет, как-то по-другому. Я в этом абсолютно уверена.

— Слушайте, может быть, хватит, а? — прошипел Свобода, осторожно отлепляя фальшивую бородку. — Просто сил больше нет терпеть. Вам что, фён выдул все мозги? Варитесь годами в этом дурацком котле, я имею в виду вашу долину, и вот результат. Или все люди после стольких лет супружества так откровенно тупеют?

Они ехали по автобану через перевал Бреннер, спускаясь с горы. Урзель все еще сидела за рулем катафалка, Игнац — рядом с ней на пассажирском сиденье. Карл Свобода с удобством расположился в задней части салона — там, где обычно транспортируют едва остывшие трупы. Он устроился возле пустого букового гроба улучшенного класса, с богатой инкрустацией — последнее пристанище тех, кто при жизни уже позволял себе некоторые излишества, однако до истинного нувориша еще недотягивал. Свобода любовался затейливой отделкой и изящной фурнитурой, которая так выгодно поблескивает на полуденном солнце, что присутствующие на похоронах снова и снова убеждаются: здесь хоронят не бедняка. Это лакированное последнее пристанище класса «Тополь с медными ручками» предназначалось усопшему владельцу одной местной строительной фирмы, чьи наследники желали продемонстрировать окружающим, что с самим бизнесом все в порядке.

— Не гроб, а конфетка, — похвалил Свобода, срывая накладную бровь. — Чего только в нем не протацишь! Кому из нормальных полицейских придет в голову заглянуть под крышку?

— Нет, полагаться на это было бы слишком наивным, — покачал головой Игнац. — Наверняка идея с гробом приходила в голову не нам одним.

— В виде исключения, ты прав, — поддержала его супруга. — На месте всяких спецслужб, гонящихся за контрабандистами, наркоторггерями и террористами, я бы первым делом потребовала открыть этот гроб.

— Ну, не знаю, — возразил Игнац. — Думаю, спецслужбы прекрасно понимают, что террористы, контрабандисты и наркоторггеры ничего не прячут в гробах, поскольку такие вещи якобы проверяются в первую очередь. Поэтому и не заглядывают внутрь, ведь там все равно ничего не найдешь. И поскольку наркотеррористические дилеры контрабанды, в свою очередь, прекрасно понимают эту психологию копов, они спокойно могут прятать в гробах самую махровую нелегальщину.

Урзель с улыбкой кивнула.

— И поскольку представители спецслужб опять же прекрасно знают об этом, то...

— ...и так далее, и тому подобное, — перебил Свобода, избавляясь от парика.

С правой стороны промелькнули поселки Оберелльбёген и Иннерелльбёген, и перед сидящими в автомобиле раскинулась Штубайская долина. Свобода был рад снова оказаться в Австрии. Если немцев испокон веков по необъяснимым причинам тянет в Италию, то австрийцы, наоборот, с той же страстью шарахаются от своего южного соседа. Если уж австриец глядит на сторону, то обращает свой взор скорее на восток — с каким-нибудь бравым «-кричиком» или «-тесеком» он снюхается гораздо быстрее, чем с таким, казалось

бы, романтичным «-ини» или «-аджи». В случае с пифке^[7] все как раз наоборот: всякие «-зиковские» вызывают у него ассоциации со сжимающими мозолистыми кулаками шахтерами Рура, «-онола» нашептывают адриатические мотивы.

Свобода протер платком лысину, обнаружившуюся у него под всеми париками, — именно эта глянцева деталь, так сказать, отражала его частную жизнь. Проклятая поломка машины чуть не смешала ему все карты, но, слава Богу, история закончилась не столь уж плохо — собственно, так и бывает, если человек умеет владеть собой. Ему повезло, что сразу же нашелся водитель, согласившийся подвезти его до перевала Бреннер. Садясь в попутку, Свобода успел заметить в зеркале заднего вида, что за «его» машиной приехал эвакуатор. С того момента прошло уже полчаса, и теперь вся итальянская полиция, к вящему удовольствию афериста, наверняка сбилась с ног, разыскивая мужчину с выдающейся нижней челюстью и узкой козлиной бородкой, оставившего на обочине дороги автомобиль, в салоне которого обнаружены отпечатки пальцев министра иностранных дел Италии и трубка для курения гашиша. Эта ориентировка наверняка передана всем постам, в каждый полицейский участок. Умение фальсифицировать следы было предметом особой гордости Свободы. Фокус с отпечатками пальцев политиков, как правило, приводил к тому, что расследование забирала себе служба безопасности соответствующего государства, оттесняя гораздо более квалифицированную во многих отношениях уголовную полицию страны. Всю информацию по делу немедленно засекречивали, и хотя в этом имелся свой минус — меньше можно было узнать о ходе следствия, но при всем при том Свобода мог не сомневаться: оно движется в самом что ни на есть неверном направлении, мимо его персоны, в омуты большой политики, да еще и международной. Отпечатки пальцев министра каких бы то ни было дел в комбинации с трубочкой для гашиша или со стаграммами кокаина гарантировали сход лавины сильного политического возбуждения, что отводило опасность от мошенника и давало ему достаточно времени, дабы замести реальные следы преступления, замаскироваться совершенно по-новому и бесследно скрыться.

— Откуда же у тебя «пальцы» министра иностранных дел Италии? И как ты сумел оставить их в машине? — поинтересовалась Урзель.

— Тебе не терпится узнать это именно сейчас, да? — фыркнул ей в спину Свобода.

В принципе он был не против открыть этот секрет, но только потом, в другой обстановке. За время знакомства со Свободой супруги Гразеггер прочно усвоили, что если их деловой партнер не хочет отвечать, наседать на него с расспросами бесполезно.

* * *

— А как там насчет сюрприза для нас? Что с ним? — спросил Игнац. — Ты его где-то закопал? Наверно, где-нибудь между Сант-Анна-д'Альфаедо и Седжио, где делают бесподобное вино?

— Седжио или Соджио — вполне может быть, что и так, — пробормотала Урзель. — Но скорее все-таки Солино.

Свобода похлопал по рюкзаку, лежавшему рядом с ним:

— Вы имеете в виду это? Нет, я нигде его не зарывал. У меня все с собой.

— Чего-о? — вскрикнул Игнац. — Неужели ты...

— Тихо, господа. Без паники. К трупам это не имеет никакого отношения. Ведь я же

сказал — «сюрприз».

— Не имеет?.. Я заинтригован.

Урзель не любила разговаривать за рулем автомобиля. Она плохо слышала на одно ухо — с тех самых пор, как поддалась на уговоры супруга поупражняться в искусстве стрельбы и взрывания, удалившись для этого в густой лес на горе. Конечно, она научилась стрелять из автоматического оружия и обращаться с самодельными трубчатыми бомбами, однако заработала проблемы со слухом. Чем-то всегда приходится жертвовать. Итак, Урзель снова включила компакт-диск с песнями сестер Роттманнридер. Свобода тяжело вздохнул. Баварский песенный фольклор вызывал у него изжогу. С выражением покорности судьбе Карл отлепил накладной нос, стер косметику, переоделся, и когда Игнац в очередной раз оглянулся, то даже слегка испугался, хотя и должен был предполагать, что их пассажир в любой момент изменит внешность. На заднем сиденье автомобиля сидел совершенно другой человек, и только по глазам, якобы бесцельно бегающим из стороны в сторону, можно было признать в нем прежнего австрийца.

Теперь дорога вилась среди лесов Бибервира и Эрвальда, славящихся лучшими грибными местами во всех Альпах, и сестрицы Роттманнридер философски рассуждали о капризах погоды, столь же переменчивой, как и человеческие желания. Конечно, будучи матерым профессионалом в области похоронного дела, Игнац Гразеггер отлично разбирался в том, как зарывать покойников. Однако в тот момент, когда он принимал предложение Свободы насчет бизнес-партнерства, то даже не подозревал, что это окажется так легко — упрятывать тела в обход всех законов и предписаний, бесследно и навсегда. Схема была накатанной: ничего не подозревающий врач делает заключение о естественной смерти какого-либо гражданина, неосведомленные работники похоронной фирмы выносят тело из дома и кладут его в гроб. Тем временем Свобода окольными путями доставляет Гразеггерам свой жуткий «довесок». О том, что за несколько минут до окончательного закрытия гроба и опускания его в могилу в него подкладывают кого-то еще, родственники покойного совершенно не догадываются. Важную роль здесь играет и современная техника: гроб опускается в могилу автоматически, на специальном лифте, и ни один кладбищенский работяга не замечает удвоенного веса. Настоящая эстафета сквозь неведение! Раньше Игнац даже представить себе не мог, как много людей заинтересованы в бесследном исчезновении трупов, да еще и готовы хорошо платить за это.

— Ай, на сеновале! Ай, на сеновале! — заливались голосистые сестрицы.

— Выключите сейчас же! — заорал Свобода, пытаясь перекрыть гул цимбал и шум автомобильного мотора. — Слышать больше не могу этот кошачий концерт!

— Ай, на сеновале! Ай, на сеновале! — в пику ему подтянули супруги Гразеггер, и сестры Роттманнридер продолжали повествовать о тихой деревеньке, которая, несмотря на свое чисто сельскохозяйственное назначение, отлично годится и для других целей. Например, это идеальное место для свиданий, для того, чтобы «зажечь огонь», а когда он прогорит, одеться потеплее. На народном языке все это звучит так трогательно.

Однако нельзя сказать, что все протекало столь уж безоблачно. Однажды Гразеггеры были невероятно близки к провалу. Чарли Кеметер, известный прожигатель жизни и сердцеед, оставил весомое наследство, и взрослые дети богача сцепились в борьбе за солидный куш. Когда пирог был наконец-то поделен, вдруг объявилась одна совсем зеленая, едва достигшая совершеннолетия особа, промышлявшая консультациями по фэн-шуй, и

заявила, что ждет ребенка от Кеметера. Значит, дитя тоже имеет право на свою долю наследства! Похоронная фирма «Гразеггер» даже получила официальное уведомление о том, что могилу покойного необходимо вскрыть, дабы изъять биоматериал для анализа ДНК. Из-за этой новости Урзель с Игнацем чуть не заработали по инфаркту. Ночь напролет они ломали головы: что же делать? Незаметно прокрасться на кладбище, вскрыть могилу и гроб своими силами и удалить оттуда незаконного «соседа»? Или пусть эксгумация идет своим чередом, и, даст Бог, судебные медики не заметят тела Сергея Васильевича Гаврилова, полковника полиции, который в свое время был костью в горле у русской мафии, а теперь покоился на дне чужого гроба, отделенный от законного его обитателя одной лишь тонкой простышкой? А может, разумней собрать чемоданы и на всякий случай зафрахтовать частный самолет?.. Но ни один из этих вариантов, к счастью, не был реализован — эксгумацию Кеметера в последний момент отменили, законные дети ловеласа уступили юной фэн-шуйке и раскошелились. Когда все улеглось, Гразеггеры поставили в церкви целую сотню свечей.

— Но ведь сегодня не праздник, — слегка удивился священник.

— Благодарить Бога можно и безо всякого повода, — кротко отвечала Урзель. Она умела врать не краснея, совсем как ее покойная матушка, которая целых пятьдесят лет умудрялась притворяться перед супругом, что не курит.

Катафалк двигался вдоль берега реки Лойзах и вскоре достиг немецкой границы. Урзель припарковала машину в разрешенном месте, и компания стала вылезать, чтобы размяться и все такое. Если бы на вышке, видневшейся вдалеке, стоял наблюдатель, то он мог стать свидетелем примечательной сцены. Вот едет ритуальный автомобиль, вскоре он останавливается, оттуда выходит женщина-водитель, вся в черном, с эмблемой похоронной компании на груди, и, зажав в руке форменную шапочку, устремляется в ближайший лесок. Через некоторое время открывается передняя пассажирская дверь, появляется второй сотрудник погребальной конторы и тоже направляется в лес с известными намерениями. Автомобиль стоит в одиночестве, поджидая своих хозяев. «Ну что ж, — думает старый лесник на своей вышке, — они тоже люди». Но в следующий миг распаивается задняя дверь катафалка... Бедный старик, собиравшийся почитать маленькой внучке какую-нибудь сказку на ночь! Его желанию не суждено было сбыться. Оружие выскальзывает из его рук, он медленно оседает наземь...

— Ну, и в чем заключается твой сюрприз? — спросила Урзель, вернувшись из леса. Свобода оглянулся. Вокруг не было ни души. Далеко отсюда над вершинами деревьев выступала ветхая, полусгнившая смотровая вышка.

— Там никого нет, — сказал Игнац, тоже сделавший известные дела.

Кивнув, Свобода вынул из машины рюкзак. Заметно было, что тот довольно тяжелый, значит, в нем вряд ли лежали деньги, пусть далее пачками, или компрометирующие документы, которые пройдоха пытался навязать Гразеггерам в прошлом году вместо достойной оплаты.

— Что сейчас будет? Какой-нибудь розыгрыш? Лучше тогда вообще не открывай рюкзак, — поджала губы Урзель.

— Зарубите себе на носу: я начисто лишен чувства юмора. Я никогда никого не разыгрываю.

Свобода поставил свою ношу на удачно подвернувшееся бревно и еще раз огляделся по

сторонам. Затем развязал рюкзак и вытащил оттуда какой-то предмет, по форме и размерам напоминающий кекс. Он был завернут в газету «Коррьере делла сера», и в уголке даже виднелась дата ее выхода.

— Они никогда не научатся работать как следует, гастарбайтеры криворукие!

Сердито сорвав газету, Свобода засунул ее в большой пластиковый пакет, где лежал использованный грим, ожидающий уничтожения.

— Нет, ну еще сильнее наследить было просто невозможно!

Тем временем супруги Гразеггер издали несколько изумленных ахов и охов, и в конце концов Игнац спросил:

— Что это такое?

— Пресс-папье, что же еще! Никогда не видели таких вещей?

Приподняв повыше сдержанно поблескивающую чушку металла, Игнац оглядел ее со всех сторон. Внизу виднелись выгравированные слова «Vanca di...». Конец надписи был предусмотрительно спилен.

Урзель сглотнула слюну.

— Это чистое золото?

— Чище не бывает. Двадцать четыре карата.

— И сколько стоит эта прелесть?

Супруги Гразеггер благоговейно касались слитка, взвешивали его на ладонях, прикладывали к щекам, милюясь с ним. Они позабыли обо всем на свете, но бегающие глазки Свободы зорко наблюдали за обстановкой вокруг. Он присматривал за своими деловыми партнерами, был их ангелом-хранителем.

— Сколько стоит? Ну, это зависит от текущего курса золота. За тройскую унцию — это около тридцати одного грамма — можно получить от четырехсот до тысячи двухсот долларов. В этом слитке четыреста унций, то есть двенадцать целых сорок четыре сотых килограмма. Сейчас золото стоит примерно шестьсот долларов за унцию, так что этот слиточек вытягивает на двести сорок тысяч долларов.

Сокровище несколько раз перешло от Игнаца к Урзель и обратно. Неужели в таком кусочке металла, размером даже меньше обувной коробки, таится четверть миллиона долларов?! Оказывается, четверть миллиона долларов весит даже меньше, чем несколько бутылок пива, но опьяняет в тысячу раз сильнее этого любимого напитка баварцев. Четверть миллиона долларов — это соответствует годовому обороту небольшой фирмы. Четверть миллиона долларов — за такую сумму отцу Игнаца пришлось бы вкалывать целую жизнь, его деду — десять жизней, его прадеду — целых сто! Королю Людовику II (привстанем на мгновение) подобный аккуратный слиток помог бы санировать пошатнувшуюся финансовую систему государства, а средневековый курфюрст сумел бы в сто раз увеличить численность своей армии. И Ганнибал, владей он такой драгоценностью, как этот золотой кекс, смог бы столь укрепить свое господство на юге Италии после победоносной битвы при Каннах, что история пошла бы совсем в ином направлении...

— Давайте потихоньку двигаться дальше, — предостерегающим тоном сказал Свобода, прекрасно знавший, что творится на душе у того, кто впервые держит в руках настоящий золотой слиток и даже может назвать его своей собственностью.

— Это аванс, — сообщил он. — Дела идут и так хорошо, а при очередном расширении Евросоюза станут еще лучше. В ближайшее время будут крупные поставки нашего товара, более десятка единиц. И за каждую из них вы получите вот такую игрушечку.

Урзель с Игнацем молча сели в машину. Они были ошеломлены. Свобода хорошо им платил, это верно. Однако планка поднималась все выше и выше, и они боялись не оправдать ожиданий. Проехав пограничный населенный пункт Гризен, Урзель поймала местную радиостанцию, и троица услышала неприятную новость. По радио сказали, что в культурном центре разыгралась трагедия, некий гаупткомиссар Еннервайн начал расследование, но оно продвигается очень медленно. И концертный зал закрыт на неопределенный срок.

— Этого нам еще не хватало! — простонала Урзель. — Теперь на каждом углу будет стоять легавый...

— А по-моему, вас это совершенно не касается. В одну воронку бомба дважды не падает. У полиции наверняка хватает других забот, кроме как беспокоить вас, безобидных владельцев похоронной фирмы.

— А как теперь быть с флешкой, которую мы спрятали там на чердаке?

Голос отважившегося нарушить скорбную паузу звучал робко и подавленно.

Все трое недовольно заворчали. Теперь пробраться на чердак концертного зала было весьма проблематично.

После обеда Мария Шмальфус с удобством расположилась на балконе зрительного зала. Сиденья там были мягкие, комфортные, совсем не то что в партере. Дипломированный психолог закрыла глаза. Ее мысли блуждали туда-сюда, однако неизбежно сводились к происшествию в концертном зале. «Отошедшие элементы декора», «стремительное падение», «постороннее вмешательство»... Мария обожала выстраивать свободные ассоциации, проигрывать разные возможности, исключать одни варианты и ставить над другими жирный восклицательный знак. «Существенные строительные дефекты», «недостающие носы», «пропавшие спутницы»... Факты и предположения переплетались друг с другом, кружась вокруг нее в пестром, безудержном хороводе. Однако что это за грохот? Разве нельзя человеку немного расслабиться в кресле и перевести дух? Наверное, это Беккер со своими подчиненными так шумно работают на чердаке, продолжая свои исследования и эксперименты. Да, это были следопыты Беккера, и если приглядеться повнимательнее, то можно даже увидеть, как потолок прогибается под их ногами. Топот и возгласы становились все громче, и вскоре девушка различила голос самого Беккера. Безапелляционным тоном он призывал своих подчиненных пристегнуться страховочными тросами. Зрители, сидевшие внизу, в партере, уже не обращали внимания на трясущийся и прогибающийся потолок — их напряженные взгляды были прикованы к залитой ярким светом сцене, на которую поднималась Пе Файнингер. Пианистка не стала кланяться, а сразу же подошла к роялю, села за него и начала играть, однако топот и выкрики наверху не прекратились — казалось, обитатели чердака стали пританцовывать в такт музыке. Но синхронными эти звуки не были, громыхание на чердаке опережало музыкальный ритм. Теперь потолок поднимался и опускался очень даже заметно. Осветительные приборы, укрепленные на длинной планке, простиравшейся на всю ширину потолка, подпрыгивали и крутились, одни из них гасли, другие направляли свет в никуда. Пляшущее потолочное перекрытие прогибалось вверх-вниз уже на целый метр. Что они там делают? С ума посходили? И тут случилось непоправимое. Конец одной из массивных стальных балок, на которых держалась вся конструкция потолка, вывалился из стены, винты метровой длины согнулись, их концы угрожающе высунулись, в зал посыпались каскады штукатурки и белой пыли. Лишенный опоры потолок накренился к той стене, из которой металлические крепления выпали в первую очередь, и повалился вслед за штукатуркой, обнажая железобетонные сваи. Вскоре оторванная сторона за что-то зацепилась, но отскочила другая, и весь массив потолка, расщепляясь, как пазл, с оглушительным грохотом устремился вниз.

Кое-кто из зрителей заметил надвигающуюся катастрофу, люди вскочили с мест, однако далеко не каждый мог добраться до выхода. Обнажившийся пол чердака ходил ходуном с угрожающим треском, над рядами кресел клубилась пыль, падали увесистые куски цементного раствора, далеко в стороны отлетали обломки металла и дерева. Мария зашлась в вопле, но почему-то не слышала своего голоса. Такого не может быть! Посмотрев наверх, она увидела полностью оголенные стропила. В местах соединения стропильных ног и их пересечения с обрешеткой висели беккеровские следопыты, пристегнутые страховочными тросами. Слегка провалившись, фигуры болтались в воздухе, выкатив от страха глаза и широко разинув рты в беззвучном крике. Сам Беккер висел в центре, его подчиненные — вокруг него, и все они дрыгались, как марионетки в уродливой пляске смерти, в такт музыке,

гремевшей со сцены. Между тем пианистка так и не решалась оторвать взгляда от клавиатуры рояля. Пальцы Пе Файнингер бегали по клавишам как ни в чем не бывало, она сыграла несколько шлягеров семидесятых годов, несколько — восьмидесятых; она исполнила классические произведения и музыку эпохи романтизма, сочинения Людвиг Бетховена и Фредерика Шопена. Артистка не оглядывалась по сторонам, выколдовывая из рояля энергичные «пир-рили-пи!» и «ра-тонк!», она играла дальше и дальше, чтобы не видеть страшной картины, и сама как будто бы стала марионеткой, конвульсивно вздрагивавшей, но не прекращавшей ни на миг своей иступленной игры.

Под это музыкальное сопровождение плясал и Беккер, и эксперт с молоточком, и Шваттке тоже висела там в вышине, и танцевала, и кричала что-то вдобавок. Откуда там взялась Шваттке, и что такое она кричит? И вообще, разве это ее участок работы — под крышей? Голос Шваттке становился громче, раздаваясь уже прямо над ухом Марии. Николь схватила психолога за руку, крепко сжала ее и потрясла.

— Простите, госпожа Шмальфус, но все уже в сборе!

Мария терпеть не могла засыпать во время аутогенной тренировки.

Николь и Мария стали спускаться с балкона.

— Я храпела? — смущенно спросила Мария по дороге вниз.

— Немножко, — ответила Николь.

Внизу, в фойе, собралась вся следственная бригада. Ждали только Николь с Марией, и те ускорили шаг. Остлер, Хёлльайзен, Штенгеле и Еннервайн смотрели в их сторону, и Марии оставалось лишь надеяться, что коллеги не стояли все это время вот так, слушая ее храп. Первым заговорил Еннервайн:

— Итак, нам нужно еще раз вникнуть в детали внешности той молодой женщины, с которой неизвестный молодой человек пришел на концерт, и постараться установить ее личность. У меня такое чувство, что именно в ней все и дело. Почему дама исчезла? Пожалуйста, поднимите еще раз все свидетельские показания, где фигурирует эта персона. Невысокий мужчина и миниатюрная женщина — как мы будем их называть?

— Может быть, Гензель и Гретель, для краткости? — предложила Мария. В следующую секунду тишину прорезал сигнал мобильного Штенгеле, до крайности банальный — начальные такты «Марша стрелков» Кретнера. С кривой усмешкой коллеги слушали бодрое те-те-ре, казавшееся чем-то чужеродным на фоне задрапированных бархатом дверей и отделанных мрамором стен.

— Эту мелодию мне загрузил племянник, — начал оправдываться Штенгеле, прежде чем ответить на звонок. — Да!

Жестами он дал понять коллегам, что звонок очень важный.

— Да. Да. Да. Да.

Штенгеле был альгойцем с характерным произношением. Звук «а» в этих многочисленных «да», насыщенный и резкий, скорее напоминал крик ворона, чем звук человеческой речи, — так говорят лишь на юго-западе Германии. Это пронзительное «а» можно было даже изучать по многократно повторенному Штенгеле слову, так что Николь Шваттке получила еще один урок фонетики и могла похвастаться очередным успехом в этой области. Наконец Штенгеле убрал мобильный и сделал какую-то пометку в блокноте. Из зрительного зала вышел Беккер в сопровождении нескольких экспертов. В руках у него был лист бумаги. Беккер подошел к Еннервайну и ткнул пальцем в свой листок.

— Результаты эксперимента... — начал было он.

— Пожалуйста, подождите минутку, — перебил его Еннервайн. — Сначала послушаем, какие новости у Штенгеле.

— Да, конечно, прошу прощения, — сказал тот, — но у меня очень важная информация для всех. Звонила судебно-медицинский эксперт. Она говорит, что личность второй жертвы установлена. Кто-то из врачей случайно зашел в морг, увидел погибшего и признал в нем своего спортивного партнера, с которым состоял в одном клубе. Вид спорта называется... э-э-э... каньонинг. Слышал кто-нибудь о таком?

— Кто может объяснить, что такое каньонинг? — обвел взглядом собравшихся Еннервайн.

— Преодоление каньонов, — пояснил невысокий и худой человек, который не так давно с огромным увлечением простукивал молоточком все деревянные конструкции чердака. — Экстремалы спускаются по ущельям пешком или вплавь.

— Заметьте, именно специалист по статике и механике твердого тела лучше всех разбирается в экстремальных видах спорта! — уважительным тоном произнес Беккер.

Человек с молоточком смущенно хихикнул. Еннервайн вспомнил слова, которые подглядел в отчете этого специалиста, — «превышение предела выносливости материала», и ему снова стало немного не по себе.

— Итак, имя и фамилия второй жертвы — Инго Штоффреген, — продолжал Штенгеле. — Двадцать шесть лет, холост, лицо свободной профессии, а именно тренер по фитнесу. Родился и прожил всю свою жизнь здесь, в этом городе.

— Инго Штоффреген... Крошка Гензель, — покачал головой Еннервайн. — Я рад, что мы наконец-то знаем реальное имя второй жертвы.

— А мне имя Гензель кажется более подходящим, — возразила Николь Шваттке. — Я буду и дальше называть его именно так.

Гаупткомиссар повернулся к Штенгеле:

— Я хочу, чтобы вы собрали как можно больше информации об этом человеке. Узнайте всю его подноготную. Думаю, тогда нам удастся прояснить и тайну Гретель.

Ханс-Йохен Беккер еще раз ткнул пальцем в лист бумаги, который держал в руках:

— Ну что, можно теперь я скажу?

— Разумеется, Беккер. Внимательно вас слушаем.

— Мы в точности восстановили все, что происходило вчера вечером в зрительном зале. Несколько раз проиграли события, засекая время по секундомеру, засняли все на видео, просчитали, в отдельных случаях взяли средние показатели, оценили полученные данные. Однако вы наверняка хотите услышать один лишь голый результат.

— Верно!

— Итак, Либшер потратил примерно четыре минуты, чтобы дойти от выхода из зрительного зала до чердака, пройти внутрь, а потом снова оказаться внизу, проделав путь по воздуху.

— Четыре минуты... — задумчиво сказал Еннервайн. — Знаете, я тоже провел небольшой эксперимент. В неспешном темпе этот путь можно преодолеть всего за две минуты.

— Но ведь Либшеру не обязательно было торопиться, — предположил Штенгеле. — Может, он делал обход здания, чтобы проверить, все ли в порядке. В таких случаях люди обычно никуда не спешат и время от времени задерживаются где-нибудь...

— Маловероятно, — перебил его Остлер. — Обход не относится к служебным обязанностям капельдинера, этим должен заниматься рабочий по зданию. Кроме того, гардеробщица свидетельствует, что Либшер не пошел, а помчался наверх. Он пулей вылетел из зрительного зала и побежал по лестнице, перескакивая через несколько ступеней, да еще и чертыхаясь при этом. До этого госпожа Пробст никогда не видела, чтобы он носился по зданию в таком темпе.

— Может быть, он страшно хотел в туалет?

— Нет, конечно, бывает, что человека приперло, но разве кто-то сквернословит в таких ситуациях?

— А вы вообще можете проверить, каков результат его...

— Теоретически можем, — ответил Беккер. — Но только я сразу вам скажу, уважаемые любители жонглировать версиями: затраты сил и средств на подобное мероприятие будут гигантскими. Вы должны тщательно взвесить все «за» и «против» и серьезно оценить необходимость этого шага.

Штенгеле сложил пальцы обеих рук в щепоть и провел в воздухе воображаемую строку:

— Как сейчас вижу кричащие заголовки в газетах: «Полиция рыщет по канализации! Подлый убийца с чердака спокойно гуляет на свободе!»

— Значит, ближе всего к правде предположение, что Либшер поспешно поднялся наверх и стал что-то искать на чердаке, — прервал тираду уроженца Альгоя Хёлльайзен. — Может быть, он заметил снизу повреждение на потолке и решил рассмотреть его поближе.

— По-вашему, он устремляется аккуратно к дефектному месту, нависает над ним и тут же проваливается? Если человек замечает снизу что-то неладное, то он прежде всего будет осторожным.

— А как насчет самоубийства? — подключился к спору Еннервайн. — Можно его полностью исключить или нет? Вопрос к вам, Мария.

Ученый психолог ответила не сразу. После того как коллеги с позором отмели ее версию драки в зале, которую она так рьяно защищала, Мария решила быть осмотрительнее с новыми предположениями.

— Одинокий человек, лишенный любви и ласки... — осторожно начала Шмальфус. — Вряд ли он способен спонтанно решиться на эффектное, зрелищное самоубийство, сделавшись при этом, так сказать, частью перформанса. Вероятно, в чем-то это и согласуется с психологическим портретом Либшера, однако мне такой вариант кажется весьма сомнительным. Кроме того, гардеробщица сказала, что он побежал наверх, громко ругаясь. Это не вписывается в картину суицида. Правда, может быть, они хотели замаскировать убийство под самоубийство...

— Кто «они»?

— Те, кто в этом замешан. Какие-то третьи лица. И потом — высота...

— Что «высота»?

— Двенадцатиметровая высота не гарантирует смертельного исхода при падении. Обиженный на весь белый свет волк-одиночка не пойдет на такое — он будет действовать наверняка. Так что я не верю в самоубийство.

Еннервайн промычал что-то невнятное, однако в целом согласился с доводами Марии и повернулся к Хёлльайзену:

— Вы говорите, правдоподобнее всего такая версия: Либшер побежал на чердак, чтобы найти там какую-то вещь.

— Может быть, у него там даже была назначена встреча.

— Элементарно! — вмешалась Николь Шваттке. — Капельдинер договорился встретиться с кем-то на чердаке вскоре после начала представления. Он не смог прийти точно в назначенное время, поскольку ему пришлось провожать Гензеля и Гретель на их места. Поэтому он выскочил из зала, ругаясь на чем свет стоит, и со всех ног кинулся наверх. Он рассчитывал на какой-то душевный разговор, хорошую новость, приятный сюрприз и так далее. Однако наверху он нос к носу столкнулся со своим убийцей, который уже проделал дыру для страшного падения. Но для полиции, то есть для нас, все должно выглядеть, как будто это было самоубийство.

— Ваша гипотеза звучит довольно стройно, Шваттке, так что можете претендовать на лавры победительницы. — Еннервайн повернулся к Беккеру: — Когда будут готовы результаты анализа последних обнаруженных следов?

— К вечернему совещанию обязательно.

— Хорошо. Мария, составьте, пожалуйста, исчерпывающий психологический портрет Либшера, чтобы окончательно исключить версию самоубийства.

Все остальное Еннервайн предложил обсудить в штабе, то есть в совещательной комнате полицейского участка. Покидая фойе, полицейские издали заметили толпу репортеров, собравшуюся за стеклянными дверями главного входа в здание. Кое-где уже сверкали фотовспышки, здесь была даже съемочная группа с телевидения, и сквозь дверное стекло силится заглянуть огромный глаз видеокамеры.

— Из-за чего такая шумиха? — проворчала Шваттке. — Казалось бы, всего лишь несчастный случай, хоть и при невыясненных обстоятельствах...

— Бад-Райхенхалль, — сказал Остлер. — Помните, не так давно там обрушилась крыша ледового дворца? Это событие еще свежо в памяти, кроме того, Бад-Райхенхалль не так далеко отсюда. А журналисты по привычке ищут аналогий, ведь архитектурно-строительные дефекты в общественных зданиях — топовая тема для репортажей.

— А что, — вступил в разговор искушенный в вопросах каньонинга сотрудник с молоточком, — в том, что касается строительных изъянов, журналисты недалеко от истины! Иски о возмещении убытков, надзорные жалобы, политические последствия... Это действительно очень востребованный материал для телепередач.

— Да, — кивнул Еннервайн, — и как раз поэтому нам нельзя болтать лишнего. Пока не восстановлена абсолютно точная картина случившегося, не надо теоретизировать перед публикой.

— Как же нам себя вести? Мы ведь не сможем молчать вечно!

— А какие сведения уже просочились в прессу?

— Сведения о том, что жертв две. И одна из них — Либшер. И что один мужчина упал на другого. Вот и все.

— Тогда на пресс-конференции мы объявим фамилию второй жертвы, ведь это тоже результат, — предложил Еннервайн. — Мария, вы — самая любезная и предупредительная среди нас. Выйдите, пожалуйста, к журналистам и скажите им, что пресс-конференция будет в семь вечера.

— Где?

— В нашем штабе.

Мария замахала рабочему по зданию, чтобы тот открыл ей одну из дверей главного

входа, а остальные сотрудники следственной бригады заторопились в противоположную сторону, к еще одному выходу — через подземный гараж. Но вскоре перед ними как из-под земли вырос щуплый мужчина и преградил путь. Рядом с шестеркой полицейских, под куртками которых притаились грозные «хеклер-унд-кохи», эта фигура смотрелась явно невыигрышно.

— Когда я получу назад свой фотоаппарат и снимки?

— А вы кто?

— Я фотограф из газеты, вчера вечером работавший в зале. Вот этот господин изъял у меня камеру. — Он показал пальцем на Остлера. — А может быть, этот. — Указательный палец фотографа неуверенно переместился в сторону Хёлльайзена. — Они для меня все на одно лицо. Все равно, не важно, я хочу получить назад мою собственность!

— Снимки нам еще нужны. Их исследование не закончено.

— То есть? Что значит «не закончено»? Ведь это же цифровые фотографии, скопировать их — дело нескольких секунд, после чего можно спокойно вернуть камеру ее законному владельцу! И вы их еще не исследовали?! Провинциальщина какая-то!

— Завтра вы получите свой фотоаппарат.

— Хорошо, значит, завтра я приду в участок. Удачного дня.

Фотограф из прессы исчез так же неожиданно, как и появился. Слово «провинциальщина» как будто бы витало в воздухе, и полицейские слегка приуныли.

— Однако он быстро уступил, — заметил Штенгеле. — Обычно в таких случаях люди пользуются выражениями типа «свобода прессы», «независимое журналистское расследование» и «право общественности на информацию».

— Да он и вчера не особенно сопротивлялся, когда я отбирал у него фотокамеру, — сказал Остлер. — Этот тип держит нас всех за первобытных идиотов. Слушайте, а вдруг он скопировал свои снимки на какой-нибудь миниатюрный носитель информации, который можно элементарно спрятать? Само собой разумеется, карманы я у него не проверял...

— Это вполне возможно. Вот купим завтра местную газету, все сразу и выяснится.

— А вы поняли, что такое каньонинг? — спросила у Николь женщина-полицейский в звании обервахмистра, входившая в команду Беккера. — А то я не расслышала.

— Н-нет... Может быть, что-то вроде пудинга, — рассеянно ответила Шваттке. — Но точно не знаю, я не местная.

— Тут явно замешаны русские!

Столики завсегдатаев в пивных обычно представляют собой «кротовые норы», ведущие в прошлое — по меньшей мере в пятидесятые годы, и столик в пивной «У рыжей кошки» не был исключением из этого правила. Произнеся зловещую фразу про русских, Бальтазар Хакльбергер даже сам немного испугался. Схватив свою здоровенную кружку пива, он выпил ее до дна так поспешно, словно в любую секунду был готов умереть от жажды. Русский человек все еще слыл жупелом в здешних местах, русский с остро наточенным ножиком в кармане, этакое чудовище, для которого в меню ресторанов теперь услужливо вписывали строчки на кириллице. Стойкие антиславянские настроения, которые, наверное, никогда не будут полностью искоренены из сердца Центральной Европы, все-таки кажутся немного странными для Баварии, ведь предки местного населения прибыли сюда около двух тысяч лет назад именно с востока, с берегов Волги и Днепра. Считается, что древние племена двигались оттуда, заселяя заповедные тогда еще местности между Шпессартом и Карвенделем. Толика татарской крови, которая текла и в жилах Бальтазара Хакльбергера, не помешала ему снова повторить ту фразу, на сей раз со зловеще-констатирующей интонацией. И все присутствовавшие в питейном заведении недовольно загудели и заворчали, издавая первобытные звуки, судя по всему, служившие для выражения задумчивого согласия.

Привычное священнодействие, так называемая сумеречная кружка пива, обычно начиналось в пивной «У рыжей кошки» ближе к вечеру, хотя и задолго до настоящих сумерек, однако сегодня в заведении было не протолкнуться еще с раннего послеобеденного времени. Здесь собралось общество румяных бодрячков, одетых в засаленные кожаные штаны и тирольские шляпы с пышными кистями из волос серны, и эти, казалось бы, «вечнозеленые кедры» несли на себе явную печать надвигающейся старости. Надо заметить, что над столиками завсегдатаев в пивнушках всегда как будто бы сгущаются сумерки, несмотря на белый день, но немые и заставленные всяким хламом окна этого заведения создавали еще большую преграду для солнечных лучей. Информация о вчерашних событиях поступала сюда нерегулярно, обрывками, и хотя многие из собутыльников даже были непосредственно на месте происшествия, все равно никто не мог сказать ничего определенного, ведь им хватило забот по спасению пострадавших и предотвращению самого худшего! Пожилые красавцы крепко сжимали свои стаканы, некоторые даже обеими руками. Они пытались согреть пенный напиток теплом своих рук, поскольку у многих уже начались возрастные проблемы с желудком или почками, а теплое пиво, по слухам, гораздо полезней холодного. Казимир Хальбенталер, крепкий девяностолетний мужчина, даже просил официантку нагревать его пиво до легкого кипения. Во время войны он служил в части, стоявшей во Франции, и поэтому постоянно кричал: «Мария! Une bière chaud-froid^[8]!» — за что его прозвали Шофруа. Итак, Кази-Шофруа велел официантке подогреть свое пиво, поскольку желудок у него уже не тот, что в молодости, и почка осталась только одна, но как же не поддержать компанию? Этот мастодонт всегда активнейшим образом участвовал в обсуждениях, и никого не удивило, что и он закивал Хакльбергеру:

— Точно. Без русских тут не обошлось.

В это блистательное созвездие старожилы не мог пробиться ни один чужак, и такое положение вещей сохранялось уже очень долго, несколько столетий. Конечно, за соседними столами можно было заметить и американцев, и японцев, и немцев из других федеральных земель, и — правда, до крайности редко — жителей небольших соседних городков, которые по тем или иным причинам задержались в этих краях и хотели промочить горло. Однако столик завсегдатаев был табуирован для всех пришлых. В пивной «У рыжей кошки» все прекрасно знали друг друга с незапамятных времен. Теплая компания из двадцати — тридцати мужчин, с достоинством носящих свои баварские одежды, внимательно смотрела на Тони Харригля — единственного стоявшего, а не сидевшего за длинным столом. Харригль любил произносить речи стоя. Член совета общины, он время от времени заглядывал сюда на огонек и подсаживался к старожилкам, чтобы проверить на этой особенной публике те или иные аргументы. Итак, Харригль начал рассказывать свою невероятную историю, и вскоре все затопали ногами, забарабанили по столу кулаками и закричали: «Ну надо же!» и «Давай поживей, не отвлекайся!»

О чем же рассказывал местный политик? А вот о чем. Оказывается, тот самый бедолага Инго Штоффреген, заходил в субботу в его обувной магазин за ботинками для горного туризма, тридцать девятого размера. В субботу, именно в субботу, Харригль запомнил дату как раз потому, что на следующий день у него были билеты на концерт, доставшиеся ему бесплатно как члену совета общины. Каждый такой общественный деятель, не говоря уже о бургомистре, получает по два билета на все выставки и представления, поэтому люди иногда встречаются их на культурных мероприятиях и удивляются. Итак, когда коротышка Инго примерял туристические ботинки, Харригль немного поболтал с ним и вдруг вспомнил о билетах, которые непременно хотел сбыть с рук, разумеется, даром. Ведь что люди скажут, если в ряду останутся зиять два пустых места? Люди скажут, что Тони Харригль какой-то хам, не уважающий искусство. Получил-де билеты и не пошел на концерт! Но если он подарит билеты и вместо него пойдет кто-нибудь другой, то осуждение будет не таким резким, он знал это по опыту. И к его великому удивлению, Штоффреген взял эти билеты! Подумать только, ведь все знали, что молодой человек больше интересуется спортом, чем культурой. Удивление Харригля было не просто великим, а величайшим, ибо парень взял не один, а оба билета! Есть на что обратить внимание, поскольку он слыл закоренелым холостяком. Ни жены, ни подруги, только гонка за спортивными достижениями, и думайте что хотите. Ну хорошо, значит, Харригль подарил ему билеты и скоро забыл об этом.

— Однако когда я услышал, что Инго Штоффреген погиб в результате несчастного случая в культурном центре, то сразу понял...

За столиком завсегдатаев воцарилась долгая, многозначительная пауза. Правда, совсем уж беззвучными такие паузы не бывают: кто-нибудь да бормочет, шуршит или кхекает. Старый Луизль Бихльбергер поперхнулся и закашлялся, ведь после диализа почек он уже не мог пить наравне с молодыми. Однако в общем и целом здесь воцарилась тишина, показавшаяся Бальтазару Хакльбергеру невыносимой.

— Что же ты понял?

— Да то, что меня хотели убить!

Остальные тоже начинали склоняться к этой мысли.

— Это была политическая провокация, и уничтожить хотели именно меня! Меня! И мне удалось спастись каким-то чудом...

«Местный политик чудом разминулся с киллером!» Живо вообразив себе подобные

заголовки в газетах, завсегда и сделали по глотку пива из массивных кружек. Тони Харригль решил угостить всех шнапсом, и хотя ни один из присутствующих уже не переносил как следует столь крепкого напитка, однако никто не отказался. «Вечнозеленые кедры» охотно потянулись к рюмкам. Осознание того, что они сидят за одним столом с человеком, счастливо избежавшим трагической участи, наполняло их радостным чувством сопричастности к событию, о котором будут говорить еще долго.

— Это было покушение на всех нас. На нас, коренных баварцев!

— А вы знаете, кто за этим может стоять?

Все закивали. Все прекрасно это понимали. И Бальтазар Хакльбергер лишь озвучил общее мнение. Русские! Вполне возможно, что тут замешан кто-то из русских.

— А теперь распределим задачи на сегодняшний вечер, — сказал гаупткомиссар Эннервайн, когда пестрая команда полицейских наконец-то оказалась на площадке перед концертным залом, только-только освободившейся от фотографов, журналистов и просто зевак. — Вы, Беккер, оцениваете результаты осмотра чердака. Поскорее бы узнать, что там было, в этом мешке для спортивной обуви. Шваттке и Штенгеле, вам я поручаю добыть подробную информацию о погибших. Возьмите с собой Остлера и осмотрите квартиры Штоффрегена и Либшера. А вас, Мария, я бы попросил подготовиться к пресс-конференции. И составьте текст обращения к исчезнувшей даме через газету, может, эта Гретель все-таки откликнется.

Остлеру и Хёлльайзену было также поручено сделать несколько телефонных звонков и вторично опросить пару-тройку свидетелей. Затем все разошлись по своим делам.

Сотрудники, составляющие ядро Четвертой комиссии по расследованию убийств, решили пройти короткое расстояние от культурного центра до полицейского участка пешком. Эннервайн намеренно отстал от коллег и дождался, когда они пропадут из виду. Затем сделал небольшой крюк, дабы окончательно удостовериться, что недавнее обострение болезни больше не повторится. С содроганием гаупткомиссар вспомнил, как с ним однажды случился припадок прямо посреди важного совещания. Ему удалось выйти из сложной ситуации ценой нечеловеческих усилий. Эннервайн остановился, выполнил ряд гимнастических упражнений, пробежался, перешел на переменный шаг, сделал несколько растяжек и замысловатых скачков на псевдоакробатический манер, подпрыгнул на фоне безоблачного неба с пронзительным воплем «Чака!», извиваясь в броске под названием «Семь носорогов нападают на тигра» из арсенала боевого искусства краби-крабонг, — и все это без видимых негативных последствий для организма. Значит, нового приступа не предвидится, а неприятный эпизод на лестнице культурного центра — это всего лишь небольшое испытание на прочность, легкое, преходящее недомогание, из-за которого вовсе не обязательно сломя голову мчаться к врачу и прерывать службу на благо государства.

Гаупткомиссар уголовной полиции Губертус Эннервайн, отмеченный всеми возможными наградами и поощрениями, пользующийся авторитетом у коллег и начальства за стопроцентную раскрываемость преступлений, гроза уголовников, идеал законопослушных граждан, страдал тяжелым заболеванием, перед которым бессилён даже целебный воздух предальпийского курорта. Он страдал агнозией движения. Еще полгода назад, едва придя в себя после первой атаки этой редкой болезни, Эннервайн полез в Интернет и внимательно изучил всю найденную информацию по теме. Точное определение его недуга звучало так: акинетопсия, вызванная повреждением в области V5 экстрастриарной зрительной коры. Это означало неспособность или по крайней мере ограниченную способность воспринимать движущиеся объекты. Мир уже не представал перед Эннервайном в образе динамичного фильма, а виделся ему чередой статичных фотографических кадров, следующих друг за другом. Агнозия движения проявлялась у него не постоянно, а время от времени, с довольно большими перерывами. За последние полгода было четыре сильных приступа акинетопсии, примерно одинаковой интенсивности, без прогрессирования. Еще ни одна живая душа на всем белом свете не знала об этой беде

гаупткомиссара. Замкнутый, скрытный индивидуалист, Эннервайн не видел в своем окружении никого, с кем можно было поделиться подобными проблемами. Начались они полгода назад, после незначительной травмы, или даже не травмы, а так, пустякового ушиба, каким иные люди и счету не знают. Все случилось на занятиях футболом, но, что самое обидное, не на товарищеском матче, не в героической схватке с левым крайним нападающим, не в отчаянной игре головой с каким-нибудь исполином из полицейского главка, вымахавшим под два двадцать, — он всего лишь играл с маленьким сыном соседки на площадке за домом. В какой-то момент резиновый мяч случайно закатился под стол, Эннервайн полез за ним и слегка стукнулся головой о столешницу — казалось бы, почти совсем не больно. Повернувшись к саду, он впервые увидел одну из тех непостижимых сцен, какие отныне будут разворачиваться перед ним при каждом новом припадке. Бесспорный факт: соседский мальчишка носился по газону — туда-сюда-обратно, по диагонали, по кругу, то вперед, то назад. Он визжал и что-то выкрикивал, и Эннервайн слышал, что ребенок бежит. Да-да, двигается, и очень активно. Однако видел он совершенно другую картину: мальчуган возникал то справа, то слева, но выглядел при этом как замершая, статичная картинка, нечеткий шаблон, вписанный кем-то в садовый ландшафт. Вдруг нерезкое изображение исчезло — и так же неожиданно появилось в другом месте. Внезапно ребенок завис в воздухе — наверное, он просто разок подпрыгнул, но Эннервайн видел его тень, неподвижно парящую над зеленью газона! Окружающий мир стал для Эннервайна неким подобием комиксов, не хватало только «облачков» с текстом, пририсованных ко ртам персонажей. Однако эти облачка оченьгодились бы, ведь звуки шли вразрез с изображением. Он стоял под столом на коленях, наверное, слишком долго — перед ним возникла тень мальчика, похожая на какого-то монстра. Эннервайн слышал — ребенок что-то говорит ему, но движений его рта разобрать не мог. Он попытался дотронуться до фигурки, стоявшей прямо перед ним, но рука описала дугу в пустоте.

— Что с тобой, дядя Губси?

Знакомый голос звучал как будто бы со стороны.

— Ничего страшного, я просто немножко устал играть.

— Что-то быстро ты сегодня устал, дядя Губси!

— У меня закружилась голова. Сейчас-сейчас, лишь немного передохну...

Он повернул голову. Вдруг кто-то резко вставил в изображение сада новый шаблон — мать мальчика.

— Здравствуйте, уважаемая соседка, — сказал он шаблону. Но тот не отвечал. Голос соседки звучал словно откуда-то извне.

— Здравствуйте, господин Эннервайн. Как вы себя чувствуете? Все в порядке?

— Мы играем в прятки.

Этой отговоркой он лишил себя последней возможности попросить вызвать «скорую помощь» и предоставить себя в руки опытных врачей.

— У дяди Губси кружится голова, — неведомо откуда донесся голос мальчишки, и с той же стороны послышался ответ его матери:

— Это правда, господин Эннервайн? У вас действительно головокружение?

Он медленно повернул голову в ту сторону, откуда раздавался голос соседки. Женщина и в самом деле стояла именно там. Слава Богу! Тем не менее Губертусу больше всего хотелось вскочить и убежать на край света. Теперь женский силуэт уже двигался, хотя и с легким подергиванием, как бывает при дефектах воспроизведения видеопленки, но ведь

двигался же! Затем в этот нечеткий кадр вдруг вдвинулось изображение любопытного ребенка — словно кинематографический наплыв, только без звука. К Эннервайну снова возвращалось нормальное зрение.

— Принести вам водички?

«Да, с удовольствием: стакан воды с противоположного конца города», — мрачно подумал Эннервайн. Что за катастрофа, печалился он, забраться под какой-то банальный садовый стол и потерять ориентацию в пространстве! Он ощупал затылок и потер ушибленное место, которое даже не болело. То, что с ним произошло, не поддавалось никакому логическому объяснению.

Гаупткомиссар свернул на улицу, обсаженную ровной, ухоженной живой изгородью из туи и самшита. «Надо же, какой я идеальный член общества, — думал он. — Иду на работу пешком, а не еду на машине, подвергая опасности других участников движения; не отягощаю и без того нелегкое бремя налогоплательщиков, не спешу на досрочную пенсию по состоянию здоровья. Несу дальше свою службу, пока есть силы. Жду, когда небольшие проблемы со зрением, беспокоящие меня раз в несколько месяцев, пройдут сами собой».

Эннервайн ускорил шаг и снова сосредоточился на текущем расследовании. Какие результаты достигнуты? Похвастаться, честно признаться, нечем. Что мы имеем? Падение человека с двенадцатиметровой высоты. Чердак — якобы абсолютно заброшенное, но на самом деле довольно популярное место. Мешочек для спортивной обуви. Раздавленный тренер по фитнесу. И разбившийся Либшер. Снова и снова все упирается в этого капельдинера. Кто он? Просто неудачник, рухнувший с высоты по неосторожности? Или обозленный на весь белый свет волк-одиночка, решивший поставить точку в своей нелегкой жизни? А может, Либшер пал жертвой какого-то многоступенчатого заговора, вероломно убитый неизвестным преступником, мелькнувшим в зрительном зале?

Внезапно за спиной у гаупткомиссара послышались шаги, приближавшиеся с угрожающей быстротой. Его обуял страх — чувство, которое в этой суматохе он испытал впервые, — страх встретить нападение безоружным. Он обернулся — улица была совершенно безлюдной. Полицейский остановился. Никого. Может, шаги ему просто почудились? Может быть, злые шутки шутят с ним уже не только глаза, но и уши? Эннервайну казалось, что он вот-вот сойдет с ума. В легкой панике оглядев пройденный путь, он осторожно вернулся на несколько шагов. Тихая заасфальтированная улочка, названная в честь какой-то из здешних горных вершин, — дочиستا выметенная прогулочная тропа, стиснутая с обеих сторон рядами благообразных домиков. Палисадники напоминали зеленую однотонную ткань. Между оградой и газоном, выглядевшим так, словно его подстригают каждый час, протянулась живая изгородь, стандартные туя и самшит. Эннервайн вернулся на то место, где, как ему показалось, он слышал шаги. Оглядев зеленый щит, он обнаружил в нем брешь, сквозь которую можно было заглянуть в сад. Без сомнения: недавно здесь кто-то пролез. Кустарник был не слишком высокорослым, так что Эннервайн изловчился и перемахнул через него, приземлившись на мягкий чернозем. Он опустил на колени, поднял несколько веточек и внимательно осмотрел их. А вот и следы от чьих-то кроссовок на земле. Значит, слух его не обманул. Однако кому это надо — преследовать его, а затем удирать без оглядки? «Скорее всего так развлекается какой-нибудь юнец», — решил Эннервайн, стряхивая землю с ладоней и брюк.

Согласно регламенту, четко прописанному в Баварском законе о государственной службе, статья 56, абзац 1 («Непригодность к службе и выход в отставку»), Еннервайн считался негодным к работе по состоянию здоровья и обязан был доложить об этом руководству. Но разве он из тех людей, которые кладут на стол шефа оружие и служебное удостоверение всего лишь из-за какой-то несчастной «трещинки» в мозгу? Ведь приступы агнозии движения случались с ним достаточно редко и длились не очень долго, именно поэтому гаупткомиссар надеялся, что сумеет справиться со своей бедой самостоятельно. Интернет предоставил ему массу примеров гораздо более тяжелого протекания этой болезни. Многие люди страдали от весьма продолжительных приступов, мучились сутками напролет на протяжении всей жизни, причем шансы на выздоровление у них были ничтожными, прогнозы — неутешительными. Так, одна пациентка даже не могла налить себе воды, поскольку не видела, как повышается ее уровень в стакане: бегущая струйка и уже налитое замирали, словно стоп-кадр, и следующим, что представало перед глазами больной, была огромная лужа на столе и полу. Выходить на улицу в одиночестве этой женщине было опасно: в ее глазах машины появлялись откуда ни возьмись и также неожиданно исчезали. В восприятии и оценке внешних раздражителей этим людям оставалось полагаться только на свой слух. Хорошо еще, что звуки не замирали вместе с изображением, а сохраняли свою ясность, динамичность, последовательность, позволяя страдальцам хоть как-то ориентироваться в наборе фрагментарных «фотоснимков» окружающей действительности.

Еннервайн все еще упирался коленями в жирную, мягкую землю, и чувство опасности, овладевшее им недавно с такой внезапностью и силой, медленно сменилось облегчением. Ему даже стало уютно здесь, в небольшой пещере посреди плотной самшитовой изгороди, вдали от посторонних глаз. Прямо перед носом гаупткомиссара висела сломанная ветка, и он с удовольствием вдохнул запах свежей смолки. Не нужно быть зубром криминалистики, чтобы понять, что в этом месте кто-то пролез сквозь кусты в сторону палисадника. Достаточно вспомнить строки Карла Мая:

Виннету приник носом к ветвям кедра. «Чарли, — сказал он мне, — смола — это та же кровь в жилах деревьев. Ее следы точно остались на одежде бледнолицего, который пробирался тут». Мы поскакали дальше. К вечеру мы добрались до салуна в Оуктауне, и когда вошли внутрь, нам в нос сразу же ударил ни с чем не сравнимый запах. Это была смола. «Чарли, — шепнул мне на ухо Виннету, указывая глазами на стол в самом дальнем углу, — вон там сидит хозяин бара: это тот человек, которого мы ищем».

Еннервайн пригнулся, внимательно поглядел в просветы в своем охотничьем укрытии, затем посмотрел вверх, на фасады домов, стоявших на противоположной стороне улицы. Он хотел убедиться, что остался незамеченным. В разных местах шевельнулись по меньшей мере три занавески. Вторгаться среди бела дня на чужую территорию — идея далеко не из лучших. «Надо действовать на опережение», — решил Еннервайн. Он встал и помахал настороженным жильцам рукой, демонстрируя свое служебное удостоверение. В этот момент ему вспомнилась одна давняя история, герой которой, совсем молодой и неопытный полицейский, тоже вломился в частные владения, но показать удостоверения не мог, поскольку забыл его дома. Чтобы дать понять обывателям, кто он такой, коп решил предъявить свое служебное оружие. И хотя он держал пистолет предельно осторожно,

зацепив двумя пальцами за спусковую скобу так, что тот болтался в воздухе в перевернутом виде, тем не менее его действия были расценены неверно, и один бдительный, но близорукий лесник из дома напротив открыл по нему огонь. Гаупткомиссар продрался сквозь остатки кустарника, вылез на газон, медленно подошел к дому и позвонил в дверь. Мало-помалу ему становилось лучше. Он нажал на кнопку звонка раз, и другой, и третий, но ответа не получил. Обойдя вокруг строения, Еннервайн постучал во все окна первого этажа, потом снова принялся звонить. Мертвая тишина.

— Это все второе жильё! — вдруг раздался чей-то голос с другой стороны улицы. Еннервайн посмотрел туда. На втором этаже дома стоял бородатый дед, выглядывая из-за кованой решетки, какими были забраны окна в том здании.

— Вся улица состоит из таких домов, других нет! Это второе жильё у хозяев. Все пусто. Не тратьте силы зря, господин Еннервайн!

— Откуда вы меня знаете?

— Ну, я же читаю газеты.

Как видно, карьера тайного агента Еннервайну уже не светила.

— Ну раз так, здравствуйте! — крикнул он через улицу. — Добрый день!

— Чего же в нем доброго, я вас спрашиваю? — сварливо отозвался старик и с грохотом захлопнул окно. Похоже, фён окончательно выветрил из этого дедушки все понятия о вежливости. Запомнив номер дома с зарешеченными окнами, Еннервайн покинул чужую территорию, не возобновляя поиска следов, и взял окончательный курс на полицейский участок. Он приободрился и почувствовал себя полным сил. Всякий раз, как только приступы полностью отступали, голова становилась особенно свежей и ясной. Кстати, он до сих пор так и не определил, что именно служит толчком к этим проклятым припадкам. Пытался, строил различные предположения, но все безуспешно. В конце концов гаупткомиссар решил, что его состояние подвержено определенным циклическим колебаниям — как, например, погода.

Итак, Еннервайн отошел от здания культурного центра последним. Его подчиненные, казалось, совсем пропали из виду, но вдруг он заметил вдали Марию Шмальфус, которая стояла на тротуаре, явно поджидая его. «Ей можно довериться как психологу», — промелькнуло у него в голове. Искренне и правдиво рассказать о своем недуге... Но только не сейчас, а потом, при случае. Ведь, кроме всего прочего, своими признаниями он поставил бы девушку в затруднительное положение. Согласно все тому же Баварскому закону о государственной службе, статья 58 («Отправка на пенсию против воли служащего»), коллега имеет полное право донести на него, а он не хочет рисковать своим служебным положением в разгар расследования очередного дела. А собственно, почему бы не сейчас? Он понимал, что будет тянуть с этим до последнего, и, может быть, подходящий момент уже наступил? Еннервайн направился к Марии, перебирая в мыслях варианты своего ответственного заявления. «Можно немного поговорить с вами не по работе, я хотел бы попросить у вас совета как у психолога, знаете ли вы, что такое нарушение восприятия, друг рассказал мне об одном случае, как вы прокомментируете...»

Наблюдая за приближением Еннервайна, Мария Шмальфус сразу заметила, что им владеют мысли, не связанные со служебной деятельностью. «Все мужики такие», — подумала психолог. Ни дерзости, ни отваги, ни куража. Сейчас он наверняка подыскивает

фразочку пооригинальнее, чтобы пригласить ее в ресторан. Думает, как поизящнее обойти условности, касающиеся субординации. Вот потенциальный кавалер подошел еще ближе... Может быть, самой пригласить его куда-нибудь? На прогулку по горам, например? Ей давно хочется побродить по горным тропинкам. С другой стороны, неужто ей и в самом деле это надо — завлекать мужчин не первой молодости?

Еннервайну как раз пришла на ум удачная, совершенно безобидная фраза для начала разговора: «Мария, вы — самая чуткая душа изо всех наших, именно поэтому...» Но может быть, стоит добавить каплю иронии: «Госпожа доктор психологии, вы — самая чуткая...» А может, «чувствительная»? Гаупткомиссар умел находить подходящие слова в любой беседе со свидетелями, на любом допросе подозреваемых — но тут?.. «Госпожа Шмальфус, забудем ненадолго о делах. Вы — самая доступная...» Мария находилась уже буквально в двух шагах от него. Он забыл о своей болезни, о таинственном преследователе и даже о самом происшествии в концертном зале, полностью сосредоточившись на вступительной фразе. «Дорогая коллега...»

Собственно, а почему бы и нет? Перспектива совместной прогулки по горам выглядит заманчивой, но с чего же начать? «Шеф, похоже, мы с вами равнодушны друг к другу. Только не подавляйте ваши чувства! Чем планируете заняться в выходные? Я заметила в вашей машине каталог экскурсий в Альпы, вы уже выбрали компанию для этого? И почему на совещаниях вы всегда смотрите на меня так...»

Еннервайн остановился перед Марией. Для затравки он выбрал фразу: «Мария, мне надо поговорить с вами», — а девушка, в свою очередь, решила спросить, не знает ли он, где здесь можно купить хорошие ботинки для похода в горы. Еннервайн набрал в легкие побольше воздуха...

— Ах, это вы, гаупткомиссар! — опередила его психолог. — Надеюсь, вы заметили того фотографа? Он уже долго бежит за вами по пятам. Наверное, ему кажется чертовски увлекательным тайком снимать полицейских, занятых расследованием. Разве вы его не засекли?

— Вот как... Гм... ну да, конечно, — пробормотал Еннервайн.

— Так, господа, а теперь улыбнемся, и как можно приветливей! — воскликнул Карл Свобода и нажал на спусковую кнопку фотоаппарата. — Отличный семейный портрет!

Игнац и Урзель попрощались с владельцем газетного киоска, и троица снова заняла места в катафалке, наконец-то направляясь домой. Собственно, полиции в курортном городке оказалось не так много, как они предполагали. На подъездах сюда сообщникам чудились наглухо перекрытые улицы, пульсирующая синева проблесковых маячков, проверки документов на каждом шагу, фиксация номеров автомобилей, изнурительные личные досмотры и прижатые к стенам домов подозреваемые в одних подштанниках. Но ничего подобного не наблюдалось, на улицах не было ни одного адвоката, который зачитывал бы задержанному права. Городок мирно дремал в своей уютной ложбине, морозящий дождик хорошо промыл воздух, а солнце, выглядывающее в промежутки между зубцами гор, прогревало долину так усердно, что тепла должно было хватить на всю ночь.

Катафалк въехал во вместительный гараж Гразеггеров, через который можно было пробраться в дом незаметно для посторонних глаз. Игнац собственноручно проделал в стене ход, поскольку лишние свидетели в лице наемных архитекторов и каменщиков ему были не нужны. Оказавшись дома, Урзель положила золотой слиток на комод и воззрилась на него в нескрываемом восхищении. Игнац ухмыльнулся:

— Глаз не оторвать, верно?

Свобода отправился в душ — смывать остатки своего прежнего образа придурковатого австрийца, способного обмануть разве что итальянских карабинеров. Игнац пообещал накормить всех ужином, сытным, но достаточно легким, чтобы не переесть на ночь. Урзель тем временем отправилась в палисадник послушать, о чем говорят любители вечерних прогулок, — они наверняка знают подробности, о которых умалчивает радио. Не прошло и пяти минут, как на фоне гор нарисовалась одна из самых знатных сплетниц округи.

— Урзель, ты слышала? — еще издали закричала болтушка. — Невероятно, правда?

Урзель хорошо знала эту женщину: ее матушка умерла всего лишь два года назад, и фирма Гразеггеров хоронила покойницу. В могиле болтушки-старшей, кстати, лежал один строительный предприниматель с юга Италии, не заплативший дань мафии, а родом он был из Палермо или Мессины. Урзель не помнила всех подробностей — при необходимости она могла посмотреть это в специальном списке. Ведь всего в голове не удержишь.

— Ты о чем? Что тут вообще случилось? Знаешь, мы с Игнацем целый день проехали, только что вернулись. Были в Тироле, но не отдыхали, а работали: надо было перевезти умершего за границу сюда, ну, ты слышала о таких вещах. Возвращаемся — что такое? На улицах все как вымерло, по радио говорят о какой-то полицейской операции...

Болтушка-младшая привязала свою собаку к забору, чтобы было удобнее жестикулировать. Она владела информацией из нескольких источников, как надежных, так и супернадежных, и была лично знакома едва ли не с каждым из четырех или пяти сотен слушателей вчерашнего концерта. С большинством из них она даже состояла в родстве.

— Тем, кто не был в тот день на концерте, остается только благодарить Бога!

— А что, собственно, случилось?

— Один спрыгнул сверху на другого, и началось!

«Так, теперь надо слушать внимательнее», — насторожилась Урзель.

— Тони Харригль — ну, ты знаешь, член совета общины — был главной мишенью нападения. Доигрался со своими ксенофобскими лозунгами: «Бавария — баварцам», — вот такой абсурд. И против мусульман он что-то квакал, нет, ты только представь, в наше-то время! И русские ему тоже не угодили!

— Что-что? Харригль теперь уже против русских?

— Да! Сначала они привозят сюда деньги, эти русские, скупают наше никому не нужное барахло, а потом какой-нибудь недоумок начинает поносить их последними словами! Ты только вообрази: Харригль идет на свое место в зале, концерт начинается, и вдруг ему на голову спрыгивает террорист-смертник из Саксонии!

— Террорист-смертник из Саксонии?..

— Надо думать, перебежчик из ГДР — как Берлинская стена пала, так сразу и сбежал, наверное. Несколько лет работал обычным капельдинером в общественном учреждении, просто уму непостижимо! Он долго дремал, этот саксонский «спящий» — заметь, саксонский! — но все-таки проснулся, чтобы нанести удар. Однако он просчитался: Харригль-то в зале не было! Политик наш не пошел на концерт, а подарил свои билеты, так что какому-то бедолаге крупно не повезло. Знаешь, в нашем городе уже никто не может чувствовать себя в безопасности!

— И откуда же спрыгнул киллер?

— С балкона! Представляешь, сиганул с балкона! Вроде бы некоторые свидетели слышали, как в полете он кричал по-арабски: «Аллах акбар» — или что-то в этом роде. Другие говорят, вопль был на русском. А третьи...

— А полиция что?

— Думаю, ищет тех, кто нанял саксонского камикадзе...

Урзель получила достаточно информации. Наскоро спровадив кумушку, она снова пошла в дом. Вымывшийся Свобода и голодный Игнац смотрели на нее вопросительно.

— Я думаю, нам не о чем беспокоиться, — улыбнулась Урзель.

— До поры до времени.

— Нет, вообще не стоит! Нет проблем, не берите в голову! Это уж точно. Даже если они найдут наш список, то ни одна собака не поймет, что там к чему.

— Кто «они»?

— Полиция, кто же еще.

— Наша, местная?! Обермейстер Остлер?!

Все трое разразились гомерическим хохотом.

— Нет-нет, — поспешила добавить Урзель, — по информации нашей оберсплетницы, в расследовании участвуют еще несколько специалистов из центра. Прямо-таки особая следственная бригада. Руководит ими какой-то комиссар Еннервайн.

— Колоритная фамилия!

Урзель и Свобода принялись напевать знаменитую песню о браконьере Еннервайне, а щелкающий зубами от голода Игнац несколько раз сходил на кухню, возвращаясь с небольшими съедобными натюрмортами в руках.

— Может, все-таки не надо было прятать флешку на чердаке?

— Нет, все сделано правильно, не сомневайся. Даже если полиция обыщет чердак, все равно ни черта не найдет. А когда концертный зал снова откроют для посетителей, мы проникнем туда и заберем нашу красавицу.

С самого начала своей теневой деятельности Игнац и Урзель вели список левых захоронений. В этом документе отражалось все — что за трупы поступали, когда и от кого и в чью могилу они были подхоронены. Первое время Гразеггеры делали записи открыто, без какого-либо шифрования, например, «Роза Ленер — Макс Ленер — G II/3/16/07 — Кресценция Хольцапфель» — эта строчка была первой на маленьком листке бумаги. Сперва список составляли лишь для того, чтобы не превратить двойные захоронения в какие-нибудь тройные и так далее. Хранился он в ужасающе банальном месте — в бельевом шкафу, засунутый в стопку трикотажных маек Игнаца. Однако когда деяния супругов вышли за рамки небольших правонарушений и выросли до бизнеса, обслуживающего интересы крупных игроков криминального мира, супруги решили найти более надежное место для хранения подобной информации.

— Однако куда его девать?

— Здесь, в доме, такие вещи держать нельзя, это слишком опасно.

— Давай закопаем список в саду.

— Это еще опаснее. Ведь нам потребуется периодически обновлять информацию, и что, каждые несколько месяцев раскапывать тайник? Свежие ямки в саду в два счета найдет любая служебная собака, даже не самая умная.

— Увезти за границу?..

— Нет. Надо, чтобы он всегда был под рукой.

— Носить на теле?

— Ну что ты! Слишком часто он тоже не нужен.

Именно Свобода вовремя выглянул из-за кулис, подсказав супругам простое, но эффективное решение проблемы:

— Друзья, то, что вам необходимо спрятать, — это всего лишь информация. Не оружие, не трупы, не наркотики и тому подобное. Данные, и больше ничего! Информация может храниться совершенно открыто, но с единственным условием: никто не должен догадываться о том, что она важная.

Вот так и вышло, что в комнате, где Урзель занималась рукоделием, постепенно скопилось несколько годовых комплектов журнала «Альтбайрише хайматпост», вероятно, самого безобидного из всех иллюстрированных изданий, в ряд выпусков которого супруги Гразеггер дали анонимные частные объявления с мастерски зашифрованной важной информацией:

Ищу деревянную Мадонну итал. мастера Гарибальдо Коминотти, для себя, не дороже 2100 евро, только с экспертизой Л. Пачи. Предложения напр. в редакцию с пометкой: «Для К. Хюльзенбека».

Вот так все было элементарно. Правда, в работающем как часы совместном бизнесе Гразеггеров и Свободы, своего рода международной экспедиторской службе, имелось одно слабое место, таящее в себе определенный риск.

— Что за слабое место?

— А вдруг все эти убийства когда-нибудь решат повесить на нас? На такой случай нам надо иметь особый план.

— Если вдруг поднимется скандал, как с Кеметером?

— Да. Непредвиденная эксгумация тела — и мы пропали. А если во вскрытой могиле

обнаружат какого-нибудь бандита, у которого, так сказать, еще торчит нож в спине, то это уже нельзя будет квалифицировать как мелкое нарушение местных правил захоронения...

— Уже целых десять лет у нас не было ни одной эксгумации.

— Тем не менее такая опасность существует.

Решить эту задачку им тоже помог Свобода. Однажды, удачно провезя очередной груз через все границы, спустив его с горы и спрятав в промежуточном хранилище, он положил на стол перед Гразеггерами конверт.

— Что это? Накладная?

— Да, почти. Страхование жизни.

В конверте лежали три фотографии. На первой был изображен пожилой мужчина, удящий рыбу.

— Это ваш работодатель, Луиджи Цаннантонио. Снято с помощью телеобъектива. Имя и адрес написаны на обороте.

На втором снимке был запечатлен обрывок газеты с фотографией молодого человека, который, судя по заголовку, пропал без вести десять лет назад, и родные отчаянно искали его. «Кто видел его последним», «кто владеет какой-либо информацией о нем» — и так далее, обычные в таких случаях фразы.

— Однако это была, в виде исключения, не мафиозная разборка, — пояснил Свобода. — Просто драма на почве ревности. А вот тут — конец этой драмы.

С этими словами он положил на стол третье фото, сделанное на месте преступления. На нем был изображен мертвый мужчина, в некотором отдалении виднелось море, легко идентифицируемое как Мессинский пролив. В кадре присутствовала и колокольня старинной церкви, на которой отчетливо был виден циферблат. С учетом свежего выпуска ежедневной газеты, который сжимал в руке убитый, фото исчерпывающе отвечало на все вопросы — «как», «когда» и «где».

— Честно говоря, вот такая фотография, как эта, третья, кое-чего стоит. Однако я считаю, дела идут отлично, и поэтому можно немного инвестировать в безопасность. Предлагаю заказывать такие фото при каждом новом эпизоде.

— Ты уверен в надежности этого способа?

— Абсолютно. Максимум, что вам потребуется, — доказать, что вы в тот день не были в Италии. Как именно доказывать? Ну, пошевелите же хоть раз извилинами!

Игнац и Урзель расположились на террасе своего дома, усиленно шевеля извилинами. В конце концов план был придуман, и супруги даже слегка возгордились собой. Каждый вечер они будут фотографироваться (как правило, об этом можно попросить туристов) около киоска у церкви. Пусть на первом плане хорошо просматриваются ежедневные выпуски газет, на заднем — часы храма, а в отдаленной перспективе гордо высятся вершины гор. С помощью этих снимков можно доказать, если потребуется, что уважаемые владельцы похоронной фирмы «Гразеггер» не имеют никакого отношения к насильственной смерти тех, чьи тела они прячут в могилах. Свобода был прав. В этом и заключался запасной план. Если их грязные делишки когда-нибудь всплывут на свет божий, то они легко докажут, что всего лишь прибирали трупы, однако не имели никакого отношения к их бытию, если, конечно, в данном случае уместно говорить о бытии. Маленькая загвоздка состояла в том, что подобные фотографии, естественно, не опубликуешь в «Альтбайрише хайматпост». Но можно хранить их на компактной, удобной флешке и так зашифровать файлы, что для непосвященных они будут выглядеть бессмысленным набором символов. Этот предмет,

естественно, не стоит засовывать в бельевой шкаф к трикотажным майкам. И закапывать на участке тоже. Флешку надо спрятать в каком-нибудь учреждении, открытом для свободного доступа, например, на заброшенном чердаке концертного зала.

— Надеюсь, в концертном зале не случится никакой катастрофы, — сказала Урзель в тот вечер на террасе.

В полицейском участке все были в сборе — ждали только Губертуса Еннервайна и Марию Шмальфус.

— Слушайте, я непременно должен показать вам кое-что интересное, — заявил Хёлльайзен. — Пойдемте-ка во двор.

Он повел коллег на террасу, прилегающую к совещательной комнате. Оттуда открывался вид на живописный луг — тот самый, которым полицейские любовались утром, на перекуре без сигарет. На этот раз Хёлльайзен стал демонстрировать гостям какие-то шероховатости на стене здания.

— Мы тут недавно все покрасили, однако небольшие выбоины все-таки видны. Они от выстрелов! Их специально не стали зашпаклевывать — на память. Ну, что скажете? Наверняка вы и представить себе не могли, что в нашем идиллическом уголке возможно такое.

Все стали ощупывать неровности на стенке.

— Неужели это следы выстрелов? Что же тут произошло? — спросила Шваттке.

— Давно это было. Как-то мы поймали одного разбойника и заперли здесь, в участке. А его дружки шли у нас на хвосте и в конце концов попытались отбить нашего пленника с оружием.

— «Мы»?! Неужели вы тоже были участником той операции, Хёлльайзен?

— Да. На генетическом уровне, так сказать. В операции участвовал мой отец. Он тоже служил в полиции, я пошел по его стопам. В то время, правда, полицейские назывались жандармами. Мне кажется, так было гораздо красивее...

— Из-за чего же случился весь сыр-бор?

— В двух шагах отсюда пролегает граница с Австрией. Вон там, в горах, глядите. — Хёлльайзен показал на восток, на устрашающе вздымающиеся в небеса пики. — Видите тот скалистый гребень? Стоит, будто стена — почти строго вертикально. С одной стороны Бавария, с другой — уже Австрия.

— На него можно взобраться?

— Ну, если вы когда-нибудь работали канатоходцем в цирке, тогда, может быть... Однако на границе имеется несколько участков, преодолеть которые сравнительно легко, не то что этот гребень. В те времена границы не были открыты, и сильную головную боль нам доставляли контрабандисты, действовавшие целыми шайками. Заниматься подобными делишками, как и браконьерством, в шестидесятые было еще выгодно.

— А может быть, Георг Еннервайн, прототип героя той песни, браконьерствовал именно в этих местах? — спросила Николь Шваттке, на сей раз особенно не усердствуя в баварском произношении.

— Вполне возможно, однако маловероятно. Тот исторический браконьер Еннервайн — в родных краях его называли Гиргл — охотился скорее в районах Шлирзе и Тегернзе. Помните — «Лишь на девятый день его останки нашли близ Тегернзе, на Пайсенберг...». Все вы, разумеется, слышали эту песню. А насчет горы Пайсенберг вот что я вам скажу. В песне имеется в виду вовсе не наш холмик, который находится недалеко отсюда, а другой Пайсенберг, что около озера Тегернзе. Однако может быть, Гиргл и бывал в наших местах. Полностью этого исключить нельзя.

— И какая же история произошла с вашим отцом? — спросила Шваттке.

— Где-то там, в горах Карвенделя, мой отец задержал и арестовал контрабандиста из Халля, что под Инсбруком. Этот тип был главарем одной тирольской банды, промышленявшей нелегальным провозом алкоголя. Отцу пришлось запереть задержанного тирольца здесь, в участке, — конечно, временно, до следующего утра, когда за ним должны были приехать коллеги из Мюнхена и забрать в нормальную тюрьму, в Штадельхайм. Однако ночью явились остальные бандиты в надежде вызволить отсюда своего главара. Они обстреливали здание нашего участка вон оттуда...

Хёлльбайзен показал на лесок, плавно поднимавшийся вверх по горному склону. Поглядев туда, все живо представили себе следующую картину: немытые, заросшие многодневной щетиной бандиты, совершенно дикие и осатаневшие, решительно выбегают из леса, потрясая мушкетами и пистолетами с воронкообразными дулами, и вопят во все горло: «Вперед, в атаку, не бойсь!» или: «Свободу Тиролю!», а в промежутках отрывисто выкрикивают: «Андреас Гофер! Робин Гуд! Франц Моор! Че Гевара! Разбойник Хотценплотц!» — и прочие имена бандитствующих свободолюбцев.

— Уже совсем стемнело, мой отец остался в участке один — у него была ночная смена, — продолжал Хёлльбайзен. — Сначала он пытался вызвать подмогу по телефону, но не получилось: телефонная линия вышла из строя после грозы, в шестидесятые это происходило постоянно. И отцу ничего не оставалось, как приковать главара контрабандистов наручниками к батарее, схватить карабин и защищать участок до тех пор, пока не появились коллеги из первой смены. Они отогнали бандитов, те отступили в лес, и больше их никто никогда не видел. Однако тот задержанный и мой отец...

Внезапно на лужайке показались две фигуры — Еннервайн и Шмальфус. Их опоздавших, ждали совсем с другой стороны, но они почему-то обошли вокруг здания, направляясь к запасной двери. Губертус и Мария остановились на траве в нескольких шагах от террасы. Их одежда была вымазана чем-то черным и липким, лица тоже выглядели не лучше, и даже за несколько метров чувствовалось, что от них воняет.

Появление шефа и психолога в столь отталкивающем виде послужило такой красочной иллюстрацией к рассказу о разбойниках, что все поначалу приняли это за розыгрыш и начали хохотать. Однако по хмурым лицам грязнуль было видно, что они вовсе не собирались работать клоунами.

— Ну и видок у вас, — покачала головой Шваттке. — Рассказывайте, не томите: что стряслось?

— Мы преследовали через весь городок одного подозрительного субъекта, — хрюкнул Еннервайн, в этот момент скорее напоминавший участника особого развлечения — битвы в грязи, чем отважного стрелка из песни. Чумахая парочка сняла куртки и попыталась хотя бы частично привести их в порядок.

— До полицейского участка нам оставалось дойти совсем немного, — сказала Мария, выгребая из внутреннего кармана куртки клейкую массу неопределенного цвета, с которой сочилась вода, — как вдруг я вспомнила, что забыла в концертном зале мобильник. Когда я сидела на галерке, то положила его рядом с собой, на соседнее кресло. Пришлось возвращаться.

Еннервайн стянул ботинки и носки, точно так же перемазанные омерзительной жидкой грязью, в которой встречались даже комки. Мало-помалу все начали понимать, в какую

сельскохозяйственную субстанцию угодили коллеги.

— Я предложил Марии проводить ее, и мы повернули назад. Подойдя к парковке за концертным залом, мы заметили, как из слухового окна на крыше вылезает какой-то субъект. Только не спрашивайте меня, как он выглядел. Виден был лишь его силуэт, поскольку солнце светило нам прямо в глаза, садясь за соседние крыши. Пол, возраст, рост, одежда — ничего из этого мы не различили.

— Ох, это моя вина... — смущенно призналась Мария. — Это я спугнула его, крикнув: «Что вы там делаете?» Совершенно спонтанно выскочило... Я не успела подумать о последствиях...

— Ладно, ничего страшного, не переживайте, — попытался утешить ее Еннервайн. Однако он прекрасно понимал: девушка действительно виновата. Она прозевала ситуацию. Они оба ее прозевали.

Все случилось с молниеносной быстротой. Едва с уст Марии сорвался тот неосторожный возглас, как подозрительный субъект, напомилавший вора-форточника, замер на месте. Он как раз спускался к водосточному желобу, передвигаясь на руках в висячем положении, но, услышав крик, оглянулся и посмотрел вниз, на улицу, отчего потерял равновесие и свалился на крутой скат черепичной крыши. Размахивая руками и дрыгая ногами, словно жук, «форточник» поехал вниз на пятой точке, но вскоре коснулся пятками водостока и наконец встал на него. Желоб предательски прогнулся под его весом, одно из креплений даже оторвалось, и наземь грохнулся большой кусок жести. Мария судорожно схватила Еннервайна за руку. Оба понимали, что в данный момент ничего не могут сделать для находившегося в опасности незнакомца. Однако тот, снова оглянувшись, стал проворно карабкаться обратно, к полуоткрытому чердачному окну, через которое, по всей вероятности, и вылез на крышу. Техника передвижения этого типа выказывала недюжинную изобретательность — поскольку держаться на гладком крутом скате было не за что, он выбивал черепицы и отчаянно цеплялся за получившиеся выемки. Таким манером человек добрался до подоконника слухового окна, ухватился за него, ловко подтянулся и юркнул в недра чердака.

— Стойте тут, наблюдайте за черным ходом! — крикнул Еннервайн Марии. В следующую секунду он сиганул на заботливо ухоженную клумбу рядом с парковкой. В мгновение ока домчавшись до крыльца культурного центра, гаупткомиссар потратил некоторое время на то, чтобы толкнуть одну за другой все стеклянные двери — пять из них были заперты, и лишь самая последняя, шестая, оказалась открытой. Закон подлости во всей своей красе! Полицейский ворвался в фойе. Здесь не было ни души, кроме уборщицы, мывшей пол. Надо же, никому не пришло в голову выставить тут пост! «Вот разгильдяйство», — с досадой подумал Еннервайн и помчался дальше. Вдруг он услышал за спиной какое-то не то чавканье, не то чмоканье — за ним что, гонятся бойцовые собаки? Но нет, это просто женщина в цветастом халате выжимала тряпку, а громадные наушники на ее голове свидетельствовали, что она не обращает ни малейшего внимания на происходящее вокруг. Наверное, это уборщица оставила открытой одну из дверей, ведь иначе внутрь было бы не попасть. А тот таинственный лазатель по крышам — как он-то сюда проник? Еннервайн перепрыгнул через мокрый участок пола, пулей пересек фойе и помчался вверх по лестнице.

Собственно, дипломированный психолог Мария Шмальфус не была уполномочена

вмешиваться в оперативные действия полицейских и даже не обладала правом ношения оружия — ее функция сводилась исключительно к консультированию. Тем не менее в такой напряженный момент она не смогла заставить себя стоять без дела. Подбежав к двери черного хода, девушка обнаружила, что та заперта, — значит, большой необходимости охранять ее не было. И даже оставшись стоять здесь на часах, что она сделает, если в следующую секунду с черного хода вырвется какой-нибудь ополоумевший мерзавец, стреляющий налево и направо? Как она поступит? Потребуется у него вести себя прилично? Подставит ему ножку? Кстати, Мария так и не запятнала свою безупречную интеллектуальную форму занятиями на курсах самообороны. Поэтому она побежала за Еннервайном — обогнула здание культурного центра и вошла туда через главный вход.

Тем временем Еннервайн носился по второму этажу, дергая одну за другой все двери. Беглый осмотр балкона — никого. В туалетах, во всевозможных закутках — ничего. Он рванул вверх, на следующий этаж, и вскоре оказался в тамбуре, в полуметре от входа на чердак. Задумался на несколько мгновений: что делать? Включить телефон и вызвать подкрепление? Выхватить служебный пистолет? Просто подождать? Альтернативы мелькали у него в мозгу, все силы уходили на то, чтобы сделать выбор, и поэтому на какие-то доли секунды полицейский потерял бдительность. Внезапно его отшвырнуло в сторону резко распахнувшейся дверью — однако не той, что вела на чердак, а другой, относящейся к реквизиторской. Это было так неожиданно. Не удержавшись на ногах, гаупткомиссар полетел на пол, упал на спину и тут же снова вскочил, краем глаза заметив, что темная личность уже прошмыгнула мимо него и припустила вниз по лестнице. В то же мгновение он бросился в погоню. Несмотря на эту мелкую неприятность с падением, Еннервайн ощущал себя охотником, он был в отличной физической форме, и дыхание совсем почти не подводило его. Оптимизм тоже не покидал: в пешеходной зоне курорта беглец далеко не уйдет.

Мария Шмальфус посчитала самым разумным прежде всего отыскать свой мобильник, лежавший где-то на балконе, и вызвать по нему подкрепление. Она обогнула уборщицу, которая намывала пол в такт музыке из наушников, страстно артикулируя нечто вроде «Ох, беби!». Проходя мимо гардероба, психолог обнаружила там чей-то забытый зонтик, неплохо годящийся для самообороны, и на всякий случай прихватила его с собой. Поднявшись по лестнице на второй этаж, она открыла дверь на балкон — и в следующее мгновение так и обмерла, испуганная телефонным звонком, раздавшимся как гром среди ясного неба. В следующее мгновение госпожа Шмальфус поняла, что трезвонит ее собственный мобильник. На дисплее аппарата высвечивалось «Мама». Тут Мария услышала в фойе шаги: сначала незнакомые, отрывистые, как у бегущего человека, затем знакомые, смелые, решительно-бойцовские — без сомнения, Еннервайна. Обхватив обеими руками свой импровизированный меч, девушка толкнула дверь его концом и выскочила в коридор, словно воинственный горец. Психолог Мария Шмальфус — она такая одна, другой такой не будет.

Она посмотрела вслед обоим участникам погони — знакомому и незнакомцу. Второй, судя по всему, был прекрасно натренирован в беге с препятствиями: он несся вниз по лестнице гигантскими скачками, словно серна по горному склону, и вскоре значительно оторвался от преследователя. Правда, отрыв несколько сократился, когда беглец принялся дергать двери центрального выхода — все шесть, прежде чем обнаружилась открытая. Наконец он стрелой вылетел наружу. Проследив за его действиями, Мария сделала вывод, что этот человек либо проник сюда не через главный вход, либо у него проблемы с памятью.

Выскочив на площадь перед культурным центром, неизвестный и Эннервайн помчались к пешеходной зоне — с отрывом в двадцать или тридцать метров друг от друга.

Эннервайн разогнался все быстрее, и у него появилось немного времени на то, чтобы разглядеть незнакомца. Все, что он раньше заметил лишь бегло, мельком, подтверждалось и при более внимательном рассмотрении: от него удирало какое-то бесполое и безвозрастное существо, одетое в баварский костюм, характерный для Верденфельзского района, — кожаные шорты, толстые вязаные гольфы в бело-зеленую полоску, грубые полуботинки, в которых удобно ходить по горам (судя по всему, и бегать тоже). На голове субъекта сидела тирольская шляпа с козырьком, украшенная пером дикой птицы, причем бегущий натянул шляпу на лицо столь плотно, что та не спадала даже в таких экстремальных обстоятельствах. Этот парень — если, конечно, это был парень — мчался во весь опор, и Эннервайн малопомалу начал задыхаться, ведь ему уже далеко не двадцать лет. Разглядеть лицо покорителя крыш гаупткомиссару так и не удавалось.

Вскоре участники бешеной гонки вырвались на главную улицу города, и у них появились первые зрители. Гуляющие курортники останавливались по краям улицы живой стеной. Некоторые сокрушались по поводу того, что у них, как назло, не оказалось с собой фотоаппарата или видеокамеры. Ну почему о таких увлекательных состязаниях не объявили заранее?! Оглянувшись на бегу, Эннервайн увидел, что сзади, метрах в двадцати от него, бежит Мария Шмальфус. Если он совсем выбьется из сил, то она, пожалуй, сумеет перенять эстафету преследования. Одного он не мог понять, зачем девушка прихватила с собой в погоню такой опасный предмет, как длинный зонтик.

Они летели по пешеходной зоне курортного городка, словно метеоры. Слева и справа мелькали витрины сувенирных лавок и киосков-закусочных, столики кафе, стоявшие прямо на тротуарах. Перед глазами праздных обывателей, неспешно потягивавших капучино, развернулось редчайшее зрелище — городской марафон, где первым номером мчался некто в фольклорном одеянии, наполовину Гайсенпетер^[9], наполовину крестьянин-лжесвидетель, а может быть, даже казначей таких популярных в Баварии конкурсов, как соревнования по перетягиванию пальцами или по художественному шелканью кнутом. Наверное, плутишка удирает с заветной кассой?.. Кто-то даже захолопал в ладоши. Как здорово, что местное туристическое общество придумывает все новые способы заманить сюда гламурных богачей! Bravo, bravo! Великолепная анимация! Значит, курортный сбор взимается не зря! Но когда зрители переводили взгляд с колоритного беглеца на его преследователя, невзрачного государственного служащего, отчаянно пытавшегося преодолеть отрыв в десять метров, то озадаченно поднимали брови и переглядывались. Неужели в подобном возрасте люди еще способны столь быстро бегать? В такие года уже не угнаться за молодыми парнями, хотя — кто его знает? — может, как раз сейчас у этого человека и начинается вторая молодость.

— Постой-ка, я видела его в газете, — сказала одна официантка другой, сжимая в руках поднос с десертами. — Ведь это же тот самый комиссар, кажется, Эннервайн, который так похож на Хью Гранта!

— Не вижу ничего общего! — запротестовала другая. — Ни грамма сходства!

И тут на уличной арене появился третий бегун, вернее, бегунья, заметно уступавшая в проворстве комиссару, — этакая дылда в больших ярких очках, как у Элтона Джона. Вообще-то она довольно неплохо держится на своих тонких паучьих ножках, вот только зачем размахивать зонтиком и лупить им куда ни попадя?

— Может быть, это новая разновидность экстремального спорта для женщин? —

спросила какая-то пенсионерка с аккуратными буклями у своей приятельницы.

Когда Мария пробегала в опасной близости от террасы кафе «Альпенблик», одни клиенты с перепугу засовывали головы под столы в поисках укрытия, другие вскакивали, подзуживая бегунов криками: «Хоп, хоп!» — и даже пытались угостить их напитками. Ни один человек не понял, что этот забег ни в коей мере не относится к спорту. Никто не догадался задержать головную фигуру, ведь сама мысль о том, что человек в баварском костюме может совершить нечто противоправное, казалась абсурдной.

Вскоре этот субъект, явно не привыкший к усиленному вниманию публики, свернул с пешеходной зоны в маленькую боковую улочку. Типичная картина для всех курортных городков: стоит только отойти на квартал от главной улицы, и все становится уже не таким нарядным и комфортным, как в центре. Под ногами теперь ныла булыжная мостовая, и обстановка в целом явно отдавала деревней. Оказавшись на безлюдной улочке, все три участника марафонской гонки слегка сбавили темп, словно без зрителей вовсе не стоило выкладываться по полной. Все трое надсадно пыхтели, и Еннервайн решил, что сейчас самое время сделать убегающему одно разумное предложение, прокричав: «Стойте, остановитесь!» — хотя это звучало несколько беспомощно и заведомо не могло привести к желаемому результату.

— Стойте, остановитесь! Полиция! — уточнила Мария, однако субъект в костюме Верденфельзского района даже не подумал повиноваться. Еще раз свернув, быстроногий негодник перемахнул через забор и оказался на территории сада, который безоговорочно можно было назвать образцовым. Полицейские прыгнули вслед за ним. Беглец поломал пышный куст пионов, с таким трудом выращенный хозяйкой дома, Еннервайн растоптал клумбу герани, сломал две пышные ветки солнцезвета и запутался в композиции из аквилегии и разбитого сердца, а ведь их невероятно трудно сохранять зимой! Все, что осталось, погибло под ногами дипломированного психолога Марии Шмальфус. Свободному государству Баварии грозил внушительный счет, ведь все это безобразие свершилось на глазах свидетельницы, пожилой сельчанки, стоявшей на балконе собственного дома. Осыпая непрошенных визитеров грязной бранью, за которую вообще-то привлекают к ответственности, старуха начала швырять в них посудой, действуя в вековых традициях угнетаемых крестьянок. Была это фарфоровая супница или фаянсовый ночной горшок, неясно — Еннервайн лишь инстинктивно втягивал голову, потому что черепки и осколки сыпались все ближе и ближе от него. Стайер в кожаных шортах перепрыгнул через заборчик на следующий участок, приземлившись в загон с курами, которые с бешеным кудахтаньем метнулись врассыпную.

— Стоять! Полиция! Стой, стрелять буду! — крикнула Мария, понимая, что ее слова звучат не слишком-то убедительно. Еннервайн тоже не мог сделать предупредительного выстрела — он держал свой служебный пистолет незаряженным, это была его единственная уступка болезни. Так что в зелени садов не прогремело никаких оглушительных выстрелов, паршивец в вязаных гольфах не замер на месте с поднятыми руками, а, напротив, разогнался еще сильнее, готовясь преодолеть противопожарную стену трехметровой высоты. Запрыгнув на кучу навоза, высившуюся у подножия брандмауэра, он схватил вилы, ловко оттолкнулся ими и взлетел ввысь. Благополучно приземлившись на кромке стены, преследуемый впервые оглянулся, и в это мгновение преследователи получили прекрасную возможность разглядеть его лицо, определить пол, возраст — словом, все, что в целом позволяло идентифицировать личность. Однако солнце, садящееся за спиной прыткого типа, уже во второй раз за

короткое время помогло ему остаться неузнаваемым, и на брандмауэре крестьянской усадьбы обозначился лишь позолоченный силуэт человека в баварском костюме, безликого дьявола, окруженного ярким сиянием. Громко расхохотавшись, фигура спрыгнула по другую сторону стены с торжествующим воплем: «И-и-й-эх-ха!» Тут ее и след простыл. Губертус и Мария резко остановились.

— Туда, наверх! — выдохнула девушка, и Еннервайн расценил это как вызов, как требование продолжить погоню. Он тяжело дышал, однако собрался из последних сил и запрыгнул на кучу навоза, хватая торчащие в ней вилы. Однако ему не удалось подпрыгнуть так высоко, как победно возопившему беглецу перед ним. Еннервайн плюхнулся обратно, в самую середину вонючей кучи, соскользнул и поехал вниз, становясь самым большим препятствием для Марии Шмальфус, которая тоже разбежалась для прыжка, но споткнулась о начальника и мешком свалилась на него. Сердечные объятия двух донельзя перемазанных навозом полицейских ознаменовали конец погони.

— Дела идут дерьмово, — выдохнул Еннервайн.

— Вы абсолютно правы, шеф, — кротко отвечала Мария.

— А теперь нам надо переодеться, — сказал Еннервайн. — Вот только во что? Если появиться в таком виде на пороге какого-нибудь бутика...

На помощь пришел Остлер:

— Здесь у нас есть душевая, и запасная форма тоже найдется. Размеры-то подберем, правда, звания будут пониже ваших. Если вас это не смущает...

— Я готова надеть любую форму, лишь бы она была чистая, — сказала Мария, исчезая вслед за Еннервайном в недрах полицейского участка.

— Ну конечно, что попало я не надену, — донесся до коллег голос гаупткомиссара. — Однако чересчур привередничать тоже не буду.

В прибрежном кафе «Паоло» подавали лучшее мятное мороженое во всей Центральной Италии. По слухам, истинные ценители преодолевали тысячи километров ради двух шариков холодного лакомства, поэтому наплыв клиентов был огромным, спрос — бешеным, сидячих мест не сыскать. Десерт сервировали на любой вкус — в креманке или стаканчике, в вафельной оболочке или на палочке, а наиболее продвинутые мороженофилы получали свой заказ прямо в голую ладонь, и этот незатейливый способ охладить нутро был самым архаичным, «самым итальянским» и «самым этрусским»: сам Бахус наверняка наслаждался мороженым именно так. В кафе слышался морской прибой и царило веселье, и только одна тощая фигура в футболке с надписью «К.» выглядела какой-то потерянной в пестрой толпе сладкоежек. Этот человек не смеялся и не шутил вслед за остальными, не выбирал вариантов приятного времяпрепровождения вечером и явно кого-то ждал. Судя по тому, как резко К. выделялся своей бледностью из общей массы загорелых граждан, он приехал в Италию совсем недавно.

Путешествие К. было нелегким. Сначала он прибыл поездом в Милан, оттуда самолетом в Вену, затем опять же поездом в Рим, а потом автобусом сюда, причем вышел на одну остановку раньше нужной, проделав остаток пути пешком. Он четко следовал всем разработанным в их организации правилам, которые на внутреннем жаргоне назывались «химчисткой»: многократно ездить вверх-вниз по всем встречающимся на пути эскалаторам, как минимум однажды кардинально сменить одежду, не задерживаться ни в одном населенном пункте дольше необходимого, не вступать в разговоры с посторонними, почаще менять направление движения на оживленных улицах и площадях, периодически заходить в магазины через один вход и покидать их через другой. Здесь, в кафе-мороженом «Паоло», К. назначили важную встречу. Час, выделенный на ожидание, уже почти истек. Контактное лицо должно было заказать себе стакан с пятью шариками мятного мороженого. О других опознавательных знаках они не договаривались.

— *Gelato di menta!* Мятное мороженое! — зазывно выкрикивали молодые официантки. Сегодня этот сорт стал настоящим хитом дня, что вовсе не радовало К. Вдруг его скоро раскупят, как же он тогда узнает связника? Чего доброго, придется возвращаться домой, снова окольными путями, и мучительно ждать очередного звонка.

На последних минутах отмеренного времени в зале появился грубоватый увалень в пурпурных пляжных тапках и наконец-то сделал долгожданный заказ: «Пять шариков мятного!» К. представлял агента совсем другим. Конечно, не в строгом черном костюме и темных очках, но близко к тому. Новый посетитель мало чем выделялся на фоне местной публики — шорты, летняя рубашка навывпуск, мягкая трикотажная шапочка. На груди у него висел огромный фотоаппарат, и это было уже чересчур, как показалось К. Он еще не знал, что именно эта вещь сыграет в ближайшем будущем особенную роль.

— Давайте спустимся на пляж, — сказал мужчина на языке К., причем почти без акцента.

В полном молчании они дошли до узкой песчаной полоски между набегаящими волнами и первой линией загорающих.

— Называйте меня Антонио, — предложил связник, и они побрели вдоль линии прибоя.

— Итак, по какой схеме действуем? — спросил К. через некоторое время.

— Схема такая. Вы оставляете в условленном месте оговоренную сумму. Мы пересчитаем и проверим наличные и после этого устраним необходимого вам человека и сделаем так, что его тело исчезнет.

— Именно это я и хотел уточнить, — сказал К. — Тело исчезнет действительно без следа? Вы гарантируете это на все сто?

— На все сто. Можете мне поверить.

На песочную крепость, встретившуюся у них на пути, накатила мощная волна, полностью разрушив это милое сооружение. Мужчина в пурпурных пляжных тапках взглянул на мокрую грудку песка без тени улыбки. Может быть, он никогда не улыбался, а может, песочные крепости не вызывали у него никаких эмоций.

— Нельзя ли узнать еще хоть какие-нибудь детали? — спросил К.

Молчание. Веселые вопли детей.

— Например, как будет проходить операция? И в чем гарантия ее стопроцентного успеха?

Тишина, нарушаемая лишь музыкой из радиоприем — пика.

— Marina, Marina, Marina! — гремела над пляжем знаменитая песня Рокко Гранаты.

— Хорошо, кое-что я могу вам раскрыть.

— *Ti voglio al piu presto sposar!*^[10] — заливалось радио. Антонио, напротив, продолжал упражняться в искусстве молчания.

— Итак? — не вытерпел К. — Я слушаю.

— В одном живописном уголке Европы имеется кладбище, красивый, идиллический некрополь. Представьте, что оно находится где-то на возвышенности, откуда открывается великолепный вид на норвежский фьорд. Просто так, чисто умозрительно. Или вообразите его в Провансе, в окружении лавандовых полей. Или на окраине швейцарской деревушки, скажем, в горах Тичино, рядом с заливными лугами, где пасутся тучные коровы. Все равно, выбирайте сами, что вам больше нравится.

К. думал, ему скажут еще что-нибудь. Однако ничего больше не говорилось. Антонио педантично выскреб остатки мороженого, оглянулся в поисках урны, нашел одну в нескольких шагах, подошел к ней и точным движением отправил туда пустой стаканчик. Затем вытащил из кармана шорт белоснежный носовой платок и вытер им запачканные пальцы. Все это длилось очень долго, так что у К. было достаточно времени, чтобы перелистать в мозгу все эти глянцевые картинки. Норвежский фьорд, лавандовое поле в Провансе, горная деревушка в Тичино. Избавившись от стаканчика, Антонио вернулся и сказал:

— Это всего лишь примеры.

— Где же находится это ваше идиллическое кладбище — могу я узнать?

Антонио долго молчал и наконец изрек:

— Десять тысяч.

— Что? Еще десятка?! Только за то, чтобы узнать один-единственный адрес?

— Это ваше дело, можете и не узнавать, — пожал плечами Антонио и стал возиться со своей фотокамерой, не снимая ее с шеи.

Они долго шли по берегу в гармоничном молчании, чем-то напоминая двух приятелей, которые в свое время враждовали из-за женщины, но теперь примирились после долгого разговора о бесполезности всех человеческих устремлений.

— Нет, я все-таки хочу знать, — сказал К. в конце концов.

— Хорошо. Как только мы получим деньги, сразу же сообщим вам координаты кладбища. И дадим точное описание захоронения, где лежит объект. Только когда приедете в ту местность, никому не задавайте вопросов насчет этого кладбища, слышите? Оказавшись на территории некрополя, не просите показать вам могилу. Отыскав ее, ведите себя как можно тише и неприметнее. Воздержитесь от любых посещений этого места в церковные праздники. Если у нужной могилы окажутся люди, пройдите мимо. И не надо часто мелькать на том кладбище, один раз сходите — и довольно. А для пушей предосторожности лучше вообще там не появляться.

— Хм, за десять-то штук я могу себе позволить хотя бы раз взглянуть на могилу любимой тетушки!

— Поступайте как знаете, однако не переусердствуйте, — отозвался Антонио и после паузы добавил: — Если вы наделаете глупостей...

Он сделал жест, каких К. еще никогда не видел. Вырванное из контекста, это движение могло быть расценено как ничего не значащее, однако в данной ситуации оно имело совершенно определенный смысл.

— Я приехал сюда не только ради встречи с вами, — сказал Антонио. — Если вы хотите познакомиться поближе с нашими методами работы, то имеете для этого отличную возможность. Видите человека, выходящего из моря? Ему около шестидесяти пяти лет, седые волосы выкрашены в черный цвет, темные очки, синие плавки.

К. присмотрелся. Из морской пены и в самом деле выходил человек, в точности соответствовавший этому описанию. Антонио сделал несколько шагов подальше от моря и почти полностью скрылся под одним из пляжных зонтов. Он поколдовал над фотокамерой, и К. заметил, что человек в синих плавках попал в кадр прежде, чем подошел к лежаку и стал устраиваться на нем.

— Замечательно, — сказал Антонио, вернувшись. — Пойдемте потихоньку дальше. Типичная фотография на тему «Отпуск у моря». Господин в синих плавках искупался и выходит из воды. Это доказывает, что он еще жив, верно? Мертвец на такое не способен.

Эти слова Антонио произнес, как и прежде, даже не думая улыбаться.

— Ну да, не способен, — подтвердил К.

Пройдя небольшое расстояние, мужчины остановились. Антонио показал К. часовенку, высившуюся на небольшом скалистом холме, затем они не спеша побрели назад и вскоре снова приблизились к человеку в синих плавках, отдыхавшему на лежаке в положении полулежа. Его грудь была прикрыта газетой «Стампа». На первый взгляд могло показаться, что мужчина спит, однако в таком случае его груди положено было то вздыматься, то опускаться. Она оставалась неподвижной. Купальщики, шумно резвившиеся вокруг, ничего не замечали. Газета на груди господина оказалась сегодняшней. Подняв фотоаппарат, Антонио притворился, будто снимает часовенку там, наверху, и больше его не интересует ничто в мире, однако К. уже догадался, что в кадр попал и обитатель лежака — мужчина, грудь которого прикрывала газета, слегка порванная в одном месте.

— Высокий класс, — произнес Антонио. — Чисто сработано.

Он слегка приподнял газету, и К. увидел под левым соском жертвы аккуратную алую дырочку, из которой вытекал узкий ручеек крови. К. на мгновение удивился тому, что совсем не испугался, — по его спине не пробежало ни малейшего холодка. Впрочем, окружающая обстановка вовсе не напоминала кадры из фильма ужасов. Погода была божественно

прекрасной, люди смеялись, визжали, плескались, а мужчина в синих плавках принял легкую, безболезненную смерть. К. окончательно удостоверился в надежности фирмы, услугами которой решил воспользоваться.

— И что теперь? — спросил К.

Антонио ничего не ответил, лишь показал глазами вверх, на дорогу, по которой уже катила «скорая», сверкая проблесковыми маячками. Вот автомобиль остановился, оттуда выскочили два санитар, ловко пробежали между лежаками до нужного места, склонились над телом и стали громко переговариваться друг с другом. «Обморок! Нарушение циркуляции крови!» — произносили они по-итальянски так громко и отчетливо, что их слов не мог разобрать только глухой. Санитары переложили человека в синих плавках на носилки и бегом понесли к машине. Это происшествие порядком взбудоражило купальщиков, и они разбились на группки, жарко обсуждая увиденное. «Вот видишь, это не такая уж редкость, — втолковывал один другому. — Береги себя, смотри, чтобы с тобой такого не случилось». Антонио сделал еще один снимок.

— Отлично, просто отлично, — сказал он.

— А ничего, что поднялся такой переполох? Он не повредит?

— Напротив. Все люди испытывают священный трепет перед санитарной машиной. И конечно, сейчас пойдут пересуды, но через час об этом происшествии забудут. Гарантирую.

Наверху, на дороге, носилки с мертвецом в синих плавках задвинули в санитарную машину и повезли в неизвестном направлении, включив, кроме проблесковых маячков, еще и сирену. Их путь лежал наверняка не в больницу... К. вспомнил, что незадолго до встречи с Антонио заметил этот автомобиль стоящим на противоположной стороне улицы.

— Так это те самые, кто...

— Да. Многогранные таланты.

— И теперь они едут на то идиллическое кладбище?

— Они едут к тем, кто едет к тем, кто едет туда.

— Границы?

— Что вы имеете в виду?

— Срок выполнения заказа в моем случае?

— Завтра.

Лежак того человека так и стоял на прежнем месте. Антонио аккуратно сложил его, затем свернул газету «Стампа» и сунул к себе в карман. Песок на том месте, где недавно сидел убитый, был слегка взрыт. Антонио разгладил его ногой. Голенький малыш в памперсе приковывал к нему и стал внимательно наблюдать за тем, что он делает. Впервые за долгое время Антонио улыбнулся, и ребенок бросился прочь с истошным воплем.

— Итак, давайте наконец начнем совещание.

Еннервайн делал все от него зависящее, однако коллеги никак не могли успокоиться, ведь чистенькие и переодетые в форму с чужого плеча шеф и психолог смотрелись едва ли не комичнее, чем в обличье навозных жуков. На плечах Еннервайна красовалась зеленая униформа деревенского копа, а этот персонаж благодаря многочисленным фильмам и сериалам ассоциировался исключительно с наивным остолопом, появившимся лишь для того, чтобы сморозить какую-нибудь глупость. На Марии была форма сотрудницы парковочной полиции, и этот образ рабочей пчелки как нельзя лучше подходил ей, считала Николь Шваттке. Когда незадачливые преследователи «кожаных шорт» переступили порог комнаты в таком «разжалованном» виде, хохот поднялся просто оглушительный.

— Прошу всех быть посерьезнее, — нахмурился Еннервайн. — Через сорок пять минут начнется пресс-конференция, так что долго рассуждать у нас не получится.

— Наверное, наше присутствие здесь не обязательно? — переглянулся с Остлером Хёлльайзен, и местные полицейские засобирались уходить.

— Нет, останьтесь, — попросил Еннервайн. — Вы лучше нашего ориентируетесь на местности и знаете менталитет здешних жителей. Кроме того, вы провернули большую работу. В том, что в культурном центре не разразилось еще чего-нибудь пострашнее, есть и ваша заслуга.

Остлер и Хёлльайзен напыжились от гордости.

— Можете оформить это совещание как переработку, — сказал Еннервайн.

— Вы серьезно?

— Нет, шучу.

Хёлльайзен и Остлер опять сникли.

— Сначала по поводу того типа в баварском костюме, — открыл совещание гаупткомиссар. — Я, конечно, допускаю, что он не имеет никакого отношения к случившемуся и относится всего лишь к подражателям. Однако склоняюсь к тому, что этот человек искал наверху какую-то совершенно определенную вещь. И может быть, даже нашел, на беду всем нам. Но если его опередил Беккер, тогда нам повезло.

Все присутствующие согласно кивнули.

— Сам факт появления на крыше неустановленного лица подкрепляет мое предположение, что на чердаке произошло нечто большее, чем кажется на первый взгляд. По-хорошему надо бы выставить в здании охрану...

— Уже выставили, — перебил Хёлльайзен. — Пока вы переодевались, я организовал усиление. Теперь концертный зал взят в кольцо. Ни одна живая душа не сможет войти или выйти без того, чтобы мы не узнали об этом.

— Отлично, Хёлльайзен. — Еннервайн оглядел лица коллег. — Теперь я готов выслушать ваши отчеты.

— Можно, я первый? — встрепенулся Остлер. — В участок приходил Тони Харригль, владелец...

— Что-что? Я не ослышалась? — ахнула Николь Шваттке. — Здесь был сам хозяин спортивного магазина «Харригль»?

— Да, именно он. А в чем дело?

— Я тоже нашла кое-какую информацию об этом человеке. Ой, я перебила вас, простите, пожалуйста.

— Значит, Тони Харригль, член совета общины...

— И член партии? — спросил кто-то.

— Да, — ответил Остлер, — однако не той, о которой вы подумали. Программа баварской партии-гегемона кажется Харриглю слишком приземленной. На его вкус, в ней недостает истинно баварского духа, и при этом слишком выпирает левизна. И он вступил в другую, более радикальную организацию, действующую под девизом: «Нет засилью иностранцев!»

— Вот как? И такие девизы проходят на курорте, который живет на доходы с этих самых иностранцев?

— По крайней мере сам Харригль заявил под протокол, — продолжал Остлер, — что изначально билеты на двенадцатое и тринадцатое места принадлежали ему. Он подарил их Инго Штоффрегену. И теперь вы можете себе представить, что нафантазировал этот Харригль!

— Он решил, будто на него готовилось покушение?

— Да, об этом он по крайней мере трещит на каждом углу. Считает свою персону настолько важной, что для ее устранения враги готовы даже нанять киллера-камикадзе. Тони Харригль прочерчивает смелые, очень смелые параллели — тут и саксонское происхождение Евгения Либшера, и развал СССР, и суданские базы подготовки террористов-смертников...

— Но ведь это же бред сумасшедшего! — сказал Еннервайн. Затем он повернулся к Николь Шваттке: — Теперь докладывайте вы, какую информацию нашли.

— Вы будете смеяться, но Тони Харригль и Евгений Либшер знали друг друга.

Все с удивлением посмотрели на молодую сотрудницу. Еннервайн присвистнул.

— И что, у Либшера имелись основания прикончить Харригля ценой собственной жизни?

Побарабанив пальцами по своим заметкам, Николь прочитала вслух:

— «Евгений Мария Либшер, пятьдесят девять лет, родился и вырос в Вургвице, недалеко от Дрездена. Школьного аттестата не получил, все попытки продолжить образование прерывал, жил случайными заработками. Родственников не осталось, холост. В Баварию переехал не очень давно, работал в нескольких местах, но нигде долго не задерживался».

— Причина?

— Его выгоняли за ненадежность. Везде он лез в дела, которые его совершенно не касались, запуская при этом свои прямые обязанности. До устройства в культурный центр успел побывать подсобным кухонным рабочим в нескольких отелях, билетером в кинотеатре, проводником на фуникулере и, наконец, кладовщиком в спортивном магазине Харригля.

Остлер недоверчиво покачал головой:

— Либшер решил прыгнуть на голову бывшему хозяину и ужокошить его и себя заодно только лишь в отместку за увольнение? Разве такое бывает?

— В жизни бывает все, что угодно, — высказался Штенгеле. — Но мне кажется, Либшером руководило обычное тщеславие. Его характеристика не соответствует профилю

убийцы.

— Раз и навсегда заданного профиля убийцы не существует, — возразила Мария Шмальфус. — Все прекрасно понимают, что в каждом из нас прячется свой маленький Ганнибал Лектер...

— Напоминаю: мы говорим о Либшере. Давайте дальше.

— А что дальше? Чем-то особенным его биография не отличается. Помыкавшись по разным местам, этот гражданин прибился в конце концов к культурному центру. Открывал и закрывал двери, был билетером, контролером, ну и капельдинером. Сразу же у него начался серьезный конфликт с Петером Шмидингером. Либшер вмешивался в дела рабочего по заданию, все критиковал, все ему было не так, при этом свою работу выполнял неважно. По словам госпожи фон Бреннер, Либшер постоянно получал замечания. Ему вот-вот собирались указать на дверь.

— Теперь что касается его квартиры, — перехватил эстафетную палочку Хёлльайзен. — Визит туда стал кульминацией этого невеселого расследования. Вы знаете, это мало похоже на жилье человека. Солдатская койка и шифоньер — все. Никаких личных вещей, ни одного письма, ни картинка на стене, ни фотографии, ничего. Какое-то жалкое существование.

— Совсем ничего? Но ведь это само по себе подозрительно... Вспомните о главарях террористических группировок, живущих, как аскеты, в ожидании сигнала к атаке, так называемых спящих. В их квартирах тоже не обнаруживалось комфортных мягких уголков и столиков со стопками модных журналов.

Еннервайн обвел взглядом собравшихся.

— Либшер в роли киллера-смертника? Что-то я сомневаюсь. Ведь жертва в таком случае должна сидеть аккуратно под тем местом, откуда может спрыгнуть убийца.

— Ну да, эта версия мне тоже кажется бредовой, — произнесла Мария Шмальфус, — однако сразу отметать ее не стоит. На том чердаке полным-полно дыр в полу и других дефектов. Какое бы место в зале ни выбрала потенциальная жертва, наверху всегда можно отыскать подходящую...

— Логическая ошибка! Логическая ошибка! — задиристо запротестовала Николь Шваттке. — С вас, Мария, десять евро в банк логических ошибок! Когда я служила в полиции Реклингхаузена, мы держали для таких ошибок специальную копилку. Ведь Либшер вскоре после начала представления увидел, что на те места явились вовсе не Харригль с супругой, а Гензель, то есть Штоффреген, со своей Гретель.

— А может, капельдинер не знал Харригля в лицо и просто выполнял заказ убить того, кто сидит на двенадцатом месте в четвертом ряду... — начал было Штенгеле.

— Все, прекратите, это уже просто неприлично! — в непривычном для него отчаянии воскликнул Еннервайн. — Какой угодно полицейский, даже уличный регулировщик, скажет вам, что это не версия, а черт знает что. Может, сразу уж предположить такое: тонкий знаток Библии Евгений Либшер приземляется на двенадцатое место в четвертом ряду, выкрикивая во время падения имя какого-то пророка. И нам нужно всего лишь справиться, о чем идет речь в Книге пророка Исаяи, глава четвертая, стих двенадцатый.

— Но ведь это знает любой ребенок, — ухмыльнулась Шваттке.

— А вдруг там даже есть высказывания насчет иностранных туристов на альпийских курортах? — хитро прищурилась Мария. — Например: «Будь предан анафеме тот, кто вредит иностранному туризму!»

— Все, хватит! — снова призвал коллег к порядку Еннервайн. — Вряд ли Евгений

Либшер намеревался убивать Харриглия, вместо которого в последнюю минуту появился Штоффреген. Самое большое, Либшер готовил наверху неприятный сюрприз для своего бывшего работодателя. Хотел, чтобы в Харриглия угодило нечто достаточно компактное, но гарантирующее смертельный исход... я только не могу сразу сообразить, что именно...

— Зачем уж сразу «смертельный исход», может быть, просто планировалась какая-нибудь гнусная шутка? — предположил Хёлльайзен. — Может, капельдинер спрятал там наверху...

— ...бочонок фекалий, например? Договаривайте, пожалуйста, все, что хотели сказать, я не барышня и в обмороки не падаю. После того, что мне пришлось пережить недавно, тем более. Ну хорошо, предположим следующее. Либшер, узнав, что в зале сидит вовсе не намеченная жертва, а совершенно посторонний человек, решил остановить свою адскую машинку, удержать, образно говоря, дамоклов меч от удара и полез убирать ту бочку с говном, совершенно логично. Мужчина взобрался на чердак, что-то не заладилось, и он случайно провалился в тартарары.

— В таком случае мы непременно обнаружили бы эту адскую машинку, дамоклов меч, бочку фекалий или что там еще, чем можно убить или по крайней мере вымазать человека.

В воздухе повисла пауза. Участники совещания усиленно обдумывали ситуацию. Версия «несчастный случай без участия посторонних лиц» начинала казаться самой правдоподобной. Один из виновников переполоха был налицо, правда, объяснить его действия так и не удавалось. Еннервайн помассировал виски большим и указательным пальцами.

— Похоже, мы зашли в тупик, — сказал он. — Что там с характеристикой Инго Штоффрегена?

Штенгеле энергично зашуршал бумагами.

— Я побывал в его квартире, и ее обстановка говорит об этом человеке все. В его жизни была только одна страсть: спорт, спорт и еще раз спорт. Больше его ничто не интересовало. Все стены увешаны плакатами с эпизодами из марафонов. Постеры чемпионов — Нурми, Затопек и многие другие, которых я даже не знаю. И то и дело повторяется сюжет: изможденные бегуны подбегают к финишу на фоне переполненных зрителями трибун. Судя по всему, это была его мечта. У меня сложилось впечатление, что каждая вещь в квартире Штоффрегена имеет отношение к олимпиадам или кроссам. Книжки, карты с нанесенными маршрутами, кубки и вымпелы с соревнований по легкой атлетике, спортивная одежда, и чего там только еще нет.

— Родственники, друзья имеются?

— Так же как в случае с Либшером — почти никого. Родители молодого человека умерли не так давно. Лишь поверхностные контакты с несколькими приятелями по спорту.

— Типичная жертва?

— Не знаю, бывают ли вообще «типичные жертвы». По словам одного из немногочисленных приятелей Штоффрегена, у него не было постоянной девушки, и с той Гретель они наверняка встречались впервые. Я считаю, надо обязательно разыскать эту даму, и мы многое узнаем.

Мария кивнула.

— Я уже придумала начало обращения через прессу. «Разыскивается дама в желтой ветровке», и так далее.

— Дама эта улизнула и затаилась, до сих пор помалкивает, — начал рассуждать вслух

Штенгеле. — Какие соображения у нашего уважаемого психолога? В каких случаях женщины предпочитают скрываться?

— Отвечу лишь в порядке предположения, — отозвалась Мария. — Итак, Штоффреген назначил ей свидание. Однако эта женщина замужем. Она входит в зал и неожиданно видит там своего супруга, при этом ее любовник уже пробирается к свободным местам, и незаметно сделать ему знак невозможно. Поэтому она делает ноги! Но повторяю, это всего лишь одна из возможных моделей.

— А может быть, — с плохо скрываемой иронией проговорила Шваттке, — она собиралась изменить мужу с этим Штоффрегенем, но для начала воодушевиться живой классической музыкой? Гретель заходит в концертный зал и вдруг получает эсэмэску: «Зайчонок, ужин готов, сегодня у нас лапша со шпинатом. Твой Гуго». Растроганная, она круто разворачивается и уходит домой.

— Не надо лирики, — буркнул Еннервайн. — Высказывайтесь по существу.

— Этим я всего лишь хотела сказать, — как бы оправдываясь, пояснила Николь, — что нам не стоит углубляться в психологические дебри. Женщина увидела падение Либшера с большой высоты, испугалась, сбежала с места происшествия и не находит в себе смелости объявиться.

— Получается, спутница Штоффрегена — единственная, кто видел само происшествие, — заключил Людвиг Штенгеле. — А другие четыреста зрителей не могут этим похвастаться. Нет, не укладывается в голове: многие что-то слышали, но видеть никто ничего не видел!

— Надеюсь, трезвомыслящий человек имеет право вмешаться в ваши рассуждения с небольшой лекцией по психологии восприятия? — Мария Шмальфус подняла повыше карандаш и начала говорить, иллюстрируя слова жестами: — Если некий объект появляется в моем поле зрения медленно, то я сразу замечаю его и начинаю разглядывать внимательнее. Но если он проносится у меня перед глазами молниеносно, да еще и неожиданно, к тому же я не знаю, откуда и куда он будет двигаться, то скорее всего я его не замечу. И даже если все-таки случайно зафиксирую его, что называется, краем глаза, то быстро напрочь забуду об этом, тем более получив вскоре новое яркое впечатление.

— Скажем, начнутся крики и паника.

— Да, хороший пример. Знаете, один ученый описал эксперимент... А, да ладно, расскажу вам эту историю так, как она случилась на самом деле. Студентами мы жили в общежитии на пятом этаже. И ради забавы кидали наполненные водой воздушные шарики на улицу, прямо под ноги проходим. И представьте, ни один человек не посмотрел вверх, чтобы проследить, откуда они падают. Каждый шарахался от внезапно появившегося мокрого пятна на тротуаре, будто бы в нем таилась какая-то опасность. Тогда мы стали ставить опыты на себе. Мы заранее знали, что сейчас сверху шлепнется шар с водой, и тем не менее, когда это происходило, нам казалось, будто предмет вырастает прямо из-под земли.

— Вы хотите сказать, в нашем случае посетители концерта сидели затаив дыхание, ожидая увидеть нечто необычное на сцене, но отнюдь не в зрительном зале и уж тем более не на потолке над собой?

— У меня возражение. Среди четырех сотен слушателей точно было несколько человек, мечтательно глядевших вверх. Как быть с ними?

— Вы видели направленный вниз прожектор, который висит вблизи того места, где провалился Либшер? Он освещает зрительный зал — не направленным светом и не слишком

ярко. Шмидингер сказал мне, что включает этот фонарь только на концертах, чтобы слушатели могли читать программки. А вот во время театральных представлений прожектор не горит, и в зале темным-темно. И хотя этот источник света относительно слабый, все равно смотреть на него — приятно мало. И если я гляжу на фонарь, который светит мне прямо в глаза, то точно не замечу объекта, находящегося на потолке рядом с ним.

— Да, — согласился Еннервайн. — Вот вам и объяснение, почему никто не видел, как человек падает с потолка. Конечно, его полет был совсем коротким...

— А сколько конкретно он длился?

— Ха, это вычисляется элементарно.

— Ускорение свободного падения g умножить на...

Участники совещания стали искать в закромах памяти основательно запрятанные сокровища школьных знаний. Одни взяли карандаши и принялись водить ими по бумаге, другие прикрыли глаза и подсчитывали в уме.

— У меня выходит, что он падал полтора часа, — объявила Шваттке.

— Да-да, вы недалеки от истины, — засмеялся Еннервайн.

Тут появился Беккер с толстой кипой бумаг и приветливо помахал ею в воздухе.

— Что, подсчитываете время падения? Формула такая: квадратный корень из удвоенного расстояния, поделенного на ускорение силы тяжести.

— И какой ответ?

— Немногим больше полутора секунд, — сказал Беккер. — Примерно за то же время мы делаем вдох и выдох.

— Значит, в моем результате — полтора часа — все-таки был верный коэффициент...

— В будущем предоставляйте подобные расчеты мне, — усмехнулся Беккер. — Экономьте деньги налогоплательщиков.

Еннервайн нетерпеливо махнул рукой.

— Мы ждем от вас только фактов, Беккер.

— Реально точные результаты будут лишь завтра, однако кое-что я могу доложить вам и сейчас. Итак, следы, обнаруженные на чердаке, указывают на то, что это помещение использовалось гораздо активнее, чем утверждает рабочий по зданию. Если ему верить, чердак — это такое заброшенное место, какой-то необитаемый остров. Ага, пусть не рассказывает сказки! Еще какой обитаемый! Шмидингер думает, нас так легко обмануть...

— А может, он не нарочно? Может, просто не в курсе?

— Нельзя ли хотя бы в общих чертах обрисовать, что такого необычного вы обнаружили на чердаке?

— Следы обуви и отпечатки пальцев как минимум десятка людей — правда, в полицейских базах данных ни один из образцов не фигурирует. Кроме того, и это было для меня полной неожиданностью, там обнаружены остатки химических веществ!

— Каких именно?

— Молочко для чистки сантехники, мебельная политура, бутылка средства для удаления накипи, флакон отбеливателя и даже пакетик сухого спирта.

Коллеги сразу же о чем-то зашептались, одна только Мария сидела, непонимающе хлопая ресницами.

— Конечно, это может оказаться случайностью, — продолжал Беккер. — Кто-то скажет, подобные средства найдутся в шкафу у каждой второй хозяйки. Но мы будем продолжать их исследование.

— Если вас интересует мое мнение, — сказал Штенгеле, — то я скажу, что этот чердак — идеальное место для встреч, хранения незаконных предметов, обмена ими. Также там можно создавать тайники и устраивать дикие сексуальные оргии.

— Дикие сексуальные оргии сразу вычеркиваем, — возразил Беккер. — Пол для этого слишком шаткий.

— Честно говоря, я не понимаю, при чем тут моющие средства, — пожала плечами Мария. — Кто-нибудь мне объяснит?

— Вбейте в любой поисковик слова «отбеливатель», «удаление накипи», «сухой спирт» и увидите.

Мария открыла свой ноутбук и вошла в «Гугл». Первым же номером в списке результатов поиска выпала ссылка на сайт www.smashy.de/boomboom.html. Девушка зашла на главную страницу и прочитала:

Гексаметилентрипероксиддиамин

Теплота взрыва: 3369 кДж/кг

Испытание в свинцовой бомбе: 250–340 куб. см

Температура вспышки: 200 °С

Скорость детонации: 4500–5500 м/сек

Состав

105 г перекиси водорода (десятипроцентный раствор, продается в аптеках, используется, например, для обесцвечивания волос),

40 г кристаллической лимонной кислоты (средство для удаления известкового налета и ржавчины, а также компонент для выпечки, есть во всех супермаркетах),

20 г порошкового гексамина («сухой спирт», ищите в отделах игрушек или в магазинах для охотников и рыболовов).

Порядок действий

В емкость с кубиками льда поместить стеклянный сосуд. Налить в него перекись водорода и дать ей хорошо охладиться. Добавить гексамин, перемешать до полного растворения. Поставить смесь в морозильную камеру, охладить до 2 градусов тепла, после чего осторожно подсыпать сухую лимонную кислоту и подержать на холоде еще полчаса. Убрать кубики льда, плотно закрыть сосуд крышкой и оставить в таком состоянии на сутки. Отфильтровать образовавшуюся на поверхности пену через бумажный фильтр. Промыть содержимое фильтра чистой водой. Получившиеся кристаллы подсушить и положить в прохладное место.

Внимание! Все действия вы производите на собственный страх и риск! Вещество воспламеняется от малейшей искры! Не допускать соприкосновения с металлическими предметами! Тщательно избегать ударов! Если смесь попадет в резьбу винтовой пробки сосуда, то при его открывании возможен взрыв!

Желаем приятно поразвлечься!

Вы чувствуете себя в безопасности? Доверяете вездесущей государственной власти? Полагаетесь на то, что по номеру «110» непременно ответят? Уверены, будто никогда не станете жертвой убийства при невыясненных обстоятельствах? По-вашему, хорошие и плохие парни имеют совершенно равные возможности, как физические, так и технические? Считаете, первые вооружены даже чуточку лучше вторых? В общем и целом вы правы: в большинстве случаев жандарм обгоняет разбойника на полшага, но, к сожалению, часто отстает от него на целый семимильный шаг. Одна из причин отставания — это отсутствие доступа в Интернет во всех комиссариатах и полицейских участках Германии. Вот такая архаика, допотопное положение вещей, настоящее бескомпьютерное средневековье! Разумеется, полицию надо защищать от потенциальной опасности, ее компьютерная сеть — это лакомый кусок для всевозможных хакеров и злоумышленников, так что пользоваться персональным компьютером с выходом во Всемирную паутину стражам порядка разрешается лишь в исключительных случаях, и об этом мало кто знает среди нас с вами. И хотя на рабочих столах полицейских стоят компьютеры, они подключены не ко всемирной, а всего лишь ко внутренней сети: «Ищу партнера для игры в кегли!», «Хотите петь в смешанном полицейском хоре?», «Потерялся парик!» И если вдруг комиссару понадобится посетить какой-нибудь сайт в служебных целях, он должен аккуратно переписать ссылочку на листок бумаги, вот так:

[http://www.smashy.de/boomboom.html/crime.13/&search&/fortin_bras//~1256/vzry>6746?k_archive.pl?noframes;read=937854"komponenty_dlya_vypechki/?/](http://www.smashy.de/boomboom.html/crime.13/&search&/fortin_bras//~1256/vzry>6746?k_archive.pl?noframes;read=937854),

и отправиться с ней по длинным коридорам служебного здания в помещение, специально оборудованное для подобных случаев. Там сотрудник садится за особый компьютер, вводит в систему свою фамилию и имя, входит в Интернет — и начинает необходимые разыскания, не забывая вносить в протокол те страницы, которые посещает.

Выходит, единственным человеком в команде, способным войти в Интернет без таких сложностей, была Мария, не состоявшая в штате полиции. Теперь психолог задумчиво бродила по сайту взрывников-любителей.

— Неужели компоненты для взрывчатки и правда можно купить где угодно? — спросила она.

— Да, — кивнул Беккер, — наши специалисты-взрывотехники подтверждают: найти их полный набор можно всего лишь за полчаса, и никакого сложного оборудования для обработки этих веществ не требуется — нужна всего-навсего морозильная камера. Элементарно, как дважды два! Я даже удивляюсь, что взрывники учиняют не так много безобразий, как могли бы.

— Может быть, от того, что это занятие слишком опасно для жизни самих хулиганов? — предположил Еннервайн. — Человек должен отлично разбираться во всех тонкостях смешивания веществ, быть настоящим виртуозом в таких делах, чтобы не убить в первую очередь себя. Купить травматический пистолет или нож с выкидным лезвием, скажем, в привокзальном квартале Мюнхена, может каждый дурак. А для того чтобы иметь дело со взрывчаткой, нужно хорошо разбираться в химии.

— Бавария гордится своим специфическим, местным видом взрывчатки — порошком Ваггерля, — сообщил Хёлльайзен. — Его создал Корбиниан Ваггерль из Миттенвальда и тысяча сотом году, то есть задолго до того, как Бертольд Шварц из Констанца изобрел порох. Порошок Ваггерля используют и по сей день, когда нужно ликвидировать снежные завалы после схода горных лавин, а состоит он, как и черный порох, из смеси селитры, древесного угля и серы.

— В вашей местности были когда-нибудь проблемы такого рода? — спросил Еннервайн. — Ведь здесь так легко уединиться в горах, среди густых лесов...

— Ну, горноспасательная служба часто сообщает нам о подозрительных следах подрыва пороха в заснеженных местах. Это отдаленные горные долины, где люди учатся стрелять и обращаться со взрывчаткой — нелегально, конечно. Однако к тому моменту, как мы добираемся по сигналу в эти труднодоступные участки, нарушителей, конечно, уже и след простыл. В семидесятые у нас было несколько случаев, когда удавалось сразу же установить связь с Фракцией Красной Армии. И как это обычно бывает, приезжали спецы из Управления уголовной полиции Баварии, из Федерального ведомства уголовной полиции, из военной контрразведки и забирали у нас эти дела.

— А посвежее примеры можете привести?

— Да, вот, например, в прошлом году в горах нашли трубчатую бомбу, а также зафиксировали стрельбы из автоматического оружия. Кто тут замешан — политические или криминальные круги, неизвестно. А может, это было просто хулиганство.

В дверь постучали, и в комнату заглянул дежурный полицейский:

— Извините за беспокойство, но пришел мужчина, утверждающий, что он свидетель. Он видел того беглеца в баварском костюме и хочет дать важные показания. Не желает ли кто-нибудь из вас допросить...

— Минутку, — встрепнулся Еннервайн. — Беглец в баварском костюме?.. И уже есть свидетель? Ну и ну! Ведь мы никого не объявляли в розыск, да и с того момента, как случился этот инцидент, не прошло и двух часов...

Дежурный усмехнулся:

— Этот инцидент уже стал темой номер один для местных жителей. К нам поступило несколько звонков от очевидцев вашей погони, и многие из них предполагают, что этот тип и есть двойной убийца из концертного зала. Спрашивают заодно, не надо ли забаррикадировать свои жилища и не будет ли послаблений в правилах ношения оружия. Недавно звонил даже сам бургомистр. Он очень беспокоится, как все это отразится на притоке иностранных туристов...

— Отлично, — сказал Еннервайн, глядя на Николь Шваттке. — Пойдите и допросите этого свидетеля. Не хватало нам еще шумихи до небес. Бургомистр! Иностраный туризм!

Комиссар Шваттке вышла из комнаты, Еннервайн продолжал совещание.

— Вернемся к нашему чердаку. Там обнаружены по меньшей мере три вещества, из которых можно сделать взрывоопасную смесь.

— Да, но если бы Либшер собирался прервать концерт взрывом, то мы нашли бы наверху готовую смесь ГМТД, то есть гексаметилентрипероксидциамин.

— Но не нашли, — вздохнул Еннервайн. — Слушайте, я считаю, пора абстрагироваться от Либшера. Эта фигура мешает нам думать. Я не вижу в нем ни закамуфлированного подрывника, ни презирающего смерть камикадзе. По-моему, это просто мелкий неудачник, которому в очередной раз не повезло. Давайте на время забудем о нем. Мне кажется, этот

чердак — идеальная площадка для проведения противозаконных операций. Идеальная по трем причинам: во-первых, культурный центр находится в самом центре городка. Во-вторых, несмотря на выгодное расположение здания, сам чердак заброшен, туда мало кто заглядывает. Поэтому никому из посторонних в голову не придет, что там можно проворачивать грязные делишки. В-третьих, гуда легко пробраться, не привлекая излишнего внимания.

— То есть? — переспросил Остлер.

— Проблема тайных встреч в условленных местах всегда состоит в том, что пройти туда незамеченными почти невозможно...

— Понял, — кивнул Остлер. — Эту проблему можно решить, если найти какое-нибудь общедоступное место, в котором имеется укромный уголок.

— Правильно. Но это так, в порядке предположения, рабочей гипотезы. Итак, доступ в концертный зал открыт для каждого. Непосредственно перед представлением и в антракте в фойе находятся сотни людей — не считая тех, кто бродит по крыльцу и по площади перед зданием. Поэтому никому не бросится в глаза, если какой-нибудь субъект, может быть, даже без билета, смешается с толпой добропорядочных зрителей. Этому субъекту ничто не мешает подняться по обеим лестницам, в сторону дополнительного дамского туалета. Убедившись, что его никто не заметил, он ныряет в дверцу, ведущую на чердак, и совершает свои нелегальные манипуляции.

— Но если шаткий пол не дает проводить там диких сексуальных оргий, то что же еще можно делать на чердаке?

— Да все, что угодно! Можно оставлять там информацию или приходить за ней, можно устроить хранилище наркотиков, потреблять наркотики, смешивать компоненты для взрывчатки, собирать оружие из деталей, рассылать компьютерные вирусы или спам, взламывать внутреннюю компьютерную сеть Минобороны США, вести международную торговлю человеческими органами... Выбор огромный! Пожалуйста, действуй, осуществляя то, о чем иные знают лишь понаслышке, или из Уголовного кодекса, или из романов Джона Гришэма.

Кровожадно переглянувшись, члены следственной бригады подвергли рабочую версию Еннервайна перекрестному огню возражений.

— Первый глупый вопрос, шеф: дверь на чердак всегда заперта, и лишь у Шмидингера имеется ключ. Представим, я злоумышленник, которому время от времени позарез надо проникать в компьютерную систему Пентагона. И что, мне каждый раз бегать за рабочим по зданию и просить его одолжить ключик?

— Я внимательно осмотрел замок на той двери, — фыркнул Еннервайн. — Он совсем примитивный, и раздобыть ключ к нему можно в любом строительном супермаркете. Вероятно, даже в наборе с перекисью водорода. Жду следующего глупого вопроса.

— Рядом со входом на чердак располагается квартира рабочего по зданию, дверь в дверь. Разве для меня, злоумышленника, это не рискованно?

— Во время представлений хозяин этой квартиры находится далеко, за кулисами, он стоит за пультом управления светом. У него, поверьте, масса забот.

— А его жена?

— Хлопочет в фойе, накрывая угощение на четыреста персон. Вкусные были канапе?..

— Но ведь меня может засечь какая-нибудь случайная посетительница дамского туалета...

— Да, риск высок, согласен. Тогда, предположим, я женщина-злодейка, которой ничего не стоит заглянуть в дамский туалет и убедиться, что никто не смотрит.

— Ну а если я не женщина, как тогда? — спросила Мария, смакуя всю невольную двусмысленность своих слов.

— Тогда я мужчина, — продолжал Еннервайн, — и сделаю вид, что поджидаю у верхнего туалета супругу. Но ради маскировки я, вероятно, даже буду держать в руках женскую сумочку, в которой заодно можно пронести бутылочку азотной кислоты.

— Азотной кислоты?..

— Это вещество имеет высокий криминальный потенциал. Самая опасная из всех кислот. Важная составляющая многих взрывчатых веществ. Растворяет органические соединения без остатка. Идеальный катализатор горения. Разъедает даже некоторые благородные металлы.

— Значит, я женщина, несу в сумочке бутылку азотной кислоты или взрыватель для ядерной боеголовки и, может быть, даже почку, добытую у какого-нибудь подневольного донора. Я хочу оставить свой товар на чердаке, чтобы клиент мог прийти и забрать его оттуда. Связь между мной и клиентом всячески скрывается. Однако если у меня нет билета на представление, разве за мной не погонится этот напыщенный Либшер и не выставит меня на улицу?

— Ну вот, снова все упирается в Либшера! Похоже, он был в деле, но давайте все-таки пока это исключим... Лучше я буду самая обычная посетительница концерта, с хорошей репутацией, с массой знакомых в городе. Я купила билет и, следовательно, могу расхаживать по зданию, как мне заблагорассудится. Я пришла на концерт с друзьями, совершенно ничего не подозревающими, в антракте говорю им: «Извините, пожалуйста, я сейчас приду!» — и поднимаюсь под самую крышу культурного центра. Делаю там свое черное, однако весьма прибыльное дело, снова сбегая вниз и продолжаю как ни в чем не бывало слушать опусы Фредерика Шопена.

— Пожалуй, стоит проработать и такой вариант: культурный гражданин с абонементом на все концерты. В перерыве он пробирается на чердак с ноутбуком в руках и рассылает спам по всему миру. Незадолго до начала второго отделения возвращается в зал и использует ноутбук вместо подушки под мягкое место.

— Тогда уж не гражданин, а гражданка. Женщина без проблем заглянет в дамский туалет, а также чисто среднестатистически весит меньше мужчины и, следовательно, может свободнее перемещаться по чердаку.

Наступила многозначительная пауза, во время которой мыслителям и мыслительницам показалось, что они пришли к единому ответу на вопрос, кто же мог быть этой легковесной гражданкой: Гретель!

— Итак, я еще раз обобщу ваши показания, дабы убедиться, что правильно вас поняла. Человек в баварском костюме перепрыгнул через брандмауэр крестьянского двора, беспрепятственно юркнул в рапсовое поле, пересек его, затем напрямик подошел к вам, устроился за тем же самым столиком пивной на открытом воздухе «Риссерзештгюберль», где сидели вы, и стал звонить по телефону — и вы не можете описать его внешность?

— Описать его лицо я не могу, только одежду. На нем был костюм в традициях Верденфельзского района, вот только головной убор совершенно не в тему. К кожаным шортам с пфозенами следует надевать либо плоскую шляпу с орлиным пухом, либо...

— Что такое пфозены?

— Гольфы.

— И как это вы не разглядели его лица?

— Я просто не обратил внимания.

— Но ведь обычно на лицо незнакомца глядят в первую очередь.

— Я — нет.

— На что же вы в таком случае посмотрели в первую очередь?

— На ширинку. Вернее, на пуговицы. Они тоже были не такие, как надо. Медные! На кожаные шорты обычно пришивают пуговицы из оленьего рога, ну, или в крайнем случае из бычьего, а тут что? Медные пуговицы можно представить на вязаном жакете, но ни в коем случае не на шортах...

— Пожалуйста, сосредоточьтесь все-таки на описании внешности этого парня.

— А чем я, по-вашему, занимаюсь? Медные пуговицы на ширинке говорят о нем многое. Даже, можно сказать, все!

— Вот как?

— Этот тип не из местных. Наши, местные, ни в жизнь не наденут кожаных шорт с такими вопиюще неправильными пуговками на ширинке. Даже на карнавал! Нет, это просто немыслимо!

— Значит, это был приезжий из другой федеральной земли?

— Пруссак, что ли? Не-е, исключено. Пруссаки, они еще педантичнее, чем наши, и прежде всего в том, что касается национальной одежды. Если пруссак берется шить кожаные шорты для баварских костюмов, то непременно приглашает в консультанты краеведа, этнографа и фольклориста, и не каких-нибудь, а с учеными регалиями.

— Понятно... С какой же стороны он появился, этот тип с неправильными пуговками?

— Видно, от Якелебауэра, с его участка. Там у него большая навозная куча, вот с нее-то этот шустряк, видать, и умудрился перепрыгнуть стенку.

— С этим мне давно все ясно, я имела в виду другое. Как вы считаете, из какого региона он мог приехать?

— Ну, не знаю. Он ничего про это не говорил.

— Но ведь он разговаривал по телефону?

— Да, когда этот тип плюхнулся рядом со мной, у него затрезвонил мобильник. Он ответил, но произносил лишь «хм?» да «м-м-м!», и больше ничего.

— А в этих «хм?» и «м-м-м!» слышался какой-либо акцент? Может быть, русский? Или, скажем, итальянский?

— Хм, «хм?» и «м-м-м!» невозможно произнести с акцентом. Эти словечки звучат одинаково на всех языках.

— Вы так считаете? Ну хорошо, идем дальше. Что было потом?

— Поговорив по телефону, парень сел рядом со мной за столик. Он пыхтел как паровоз, ну, ясно — после такого прыжка через стену! И Боже мой, до чего он вонял овечьим навозом!

— Почему вы решили, что овечьим?

— Потому что Якелебауэр не держит коров, у него в хозяйстве лишь овцы. Уже много лет старик без коровушек. Значит, навозная куча, с которой она прыгнула, может быть только овечьей...

— Она?

— Чего-чего, простите?

— Вы только что сказали «она».

— Разве? Я даже сам не заметил.

— Секунду назад вы сказали: навозная куча, с которой она прыгнула...

— Да неужели! Наверное, я просто оговорился.

— Оговорки никогда не бывают случайными.

— У меня — бывают.

— Так, может быть, это все-таки была особа женского пола?

— Чего не знаю, того не знаю. Говорю же — лицо я не разглядывал.

— Но ведь женщину легко распознать по фигуре!

— Мне — трудно. А вообще-то женщины не надевают таких кожаных шорт. Как правило. По моим наблюдениям.

— Ну ладно. По-видимому, это все, что вы можете рассказать.

— Верно. Я допил кружку пшеничного и сразу же отправился в участок, чтобы сообщить все как было.

— Какой по счету была та кружка пива?

— Так, погодите... Шестая.

— Как прикажете это понимать? Накачались алкоголем до беспамятства и пришли в участок давать свидетельские показания?!

— Шесть кружек пшеничного — разве это до беспамятства? Нам это нипочем. Пьяный комарик укусил, не больше.

— Все понятно. Комарик. А когда вы будете давать свидетельские показания в суде, тоже предварительно примете на грудь шесть кружек пива?

— А зачем мне в суд? Туда я не пойду, ведь я ничего особенного не видел. Так что скорее всего свидетель из меня никудышный.

— Что верно, то верно. Но тем не менее спасибо вам за показания.

— А денежка?

— Какая еще денежка?

— Компенсация понесенных свидетелем расходов...

— Полиция никому ничего не возмещает. То, о чем вы говорите, возможно только в суде.

— Жалко, жалко.

Это имя крутилось на языке у многих, но Мария произнесла его первой:

— Гретель — именно та, кто нам нужен.

Загоревшись новой теорией, девушка с довольным видом откинулась на спинку стула.

— У этой Гретель явно имелись преступные намерения. Делать гешефты там, где другие наслаждаются отпуском. Итак, Гретель подцепляет молодого человека, который достает ей билеты на концерт. В перерыве она собирается подняться на третий этаж, якобы в туалет, а на самом деле ей нужно на чердак, как мы уже знаем. Но что-то не заладилось с самого начала. Войти в здание дамочка может только в сопровождении Инго Штоффрегена, однако он опаздывает, и в результате ее появление бросается в глаза гораздо сильнее обычного. Гретель пропускает своего кавалера в почти заполненный ряд, а сама задерживается в проходе и вскоре сматывается, потому что операция начинает казаться ей слишком рискованной.

После этого небольшого доклада Мария попала под перекрестный огонь контраргументов. Первым высказался Людвиг Штенгеле.

— Так-так, — с нескрываемой иронией начал он. — Все это, конечно, интересно, однако вовсе не проясняет падения Либшера с потолка, вы не находите?

— Ну ладно. Гретель со Штоффрегенем входят в концертный зал, дама пропускает его вперед, а сама потихоньку пятится к выходу, затем прокрадывается на чердак. При этом она упускает из виду, что за ней следит Либшер, чтобы припереть к стенке там, на чердаке. Завязывается потасовка...

— ...совершенно беззвучная потасовка, которой не слышал ни один из четырех сотен посетителей...

— ...и Либшер срывается вниз. Гретель не может мгновенно покинуть культурный центр из-за возникшей суматохи, поэтому дожидается, когда в холле станет посвободнее, забирает из гардероба свою ветровку и ускользает.

— Зачем ей забирать ветровку?

— Там в карманах лежит нечто важное.

— И она спокойно сдала в гардероб одежду с важным предметом в кармане?

— У меня еще одно возражение, — продолжал Штенгеле. — Наша Гретель не могла заранее знать, что Штоффреген сумеет добыть билеты на концерт. Ведь эти люди познакомились, насколько я понял, совсем недавно, несколько дней назад. Как она могла полагаться на то, что новый знакомый проведет ее в зал? Как вы это себе представляете — Гретель заставляет Инго идти к Тони Харриглю, вдруг тот подарит два пригласительных на концерт, все билеты на который давно разобраны? Крайне маловероятно. Для таких целей гораздо разумнее присоединиться к какому-нибудь страстному меломану, который не пропускает ни одного представления и, может быть, даже имеет абонемент.

— А еще лучше — свести знакомство с каким-нибудь сотрудником культурного центра! — внес свою лепту в обсуждение Остлер. — Может быть, Гретель и Либшер связаны гораздо теснее, чем мы думаем.

Однако Мария не собиралась так просто сдавать позиции.

— Гретель и Либшер? Это невозможно! Скорее, Гретель работала в паре со Штоффрегенем. Последнему отводилась роль обычного посетителя, который не покидает

пределов первого этажа, а она в это время поднимается на третий...

— И при этом они действуют так грубо, так беззастенчиво бросаются в глаза? Приходят слишком поздно, позволяют пустовать дефицитным местам, оставляют великое множество следов? Нет-нет, в моем мозгу альгойца это не укладывается. Слишком нерационально.

— Ладно, сдаюсь. Ой, ну до чего жаль отказываться от этой версии. Гретель и Штоффреген очень устроили бы меня в роли новых Бонни и Клайда...

— В любом случае, — подытожил Еннервайн, — эту женщину необходимо найти: свидетельница она или участница преступления, не важно. Если обращение через газету ничего не даст, то нам придется объявлять ее в розыск.

В совещательную комнату вернулась Николь Шваттке.

— Ну, как поговорили со свидетелем? — спросил Еннервайн. — Есть что-нибудь новенькое о прохвосте, который от нас удрал? Как вы понимаете, у меня личная заинтересованность в этом вопросе...

Шваттке выпучила глаза:

— Я не ручаюсь, что наша беседа была полезной для следствия.

И она кратко пересказала коллегам странный разговор с любителем пива.

— А вообще он — как мне показалось, нарочно — говорил на таком утрированном местном диалекте, что я с трудом его понимала.

— Неужели?

— Ну, если честно, все затруднял не столько диалект, сколько сам ход его мыслей.

Остлер и Хёлльайзен кивнули со знающим видом.

— В следующий раз посылайте на допрос кого-нибудь из местных, хорошо? — попросила Николь.

— Насколько я знаю, ваш муж — баварец, — прищурился Еннервайн. — Разве он не преподавал вам особенностей местной речи?

— Когда ему? — вздохнула Шваттке. — Мы почти не видимся.

— Работаете в разные смены? — спросил Остлер.

— В разных федеральных землях, — ответила Шваттке.

— Как это? Я думал, ваш муж здешний.

— Здешний-то здешний, но... Знаете, мой супруг соответствует всем шаблонным представлениям о баварцах. Он нюхает табак на топленом масле, носит усы едва ли не в метр длиной, может художественно нарезать редьку спиралью, и так далее. Мы познакомились при служебном обмене. Я стажировалась в полиции Реклингхаузена, но очень хотела уехать оттуда куда-нибудь, лучше всего в Баварию. Но вы знаете наши порядки. Если полицейский хочет работать в другой земле, ему нужно подобрать кандидатуру для обмена. Такого человека я нашла. Это был баварец, которому надоело строгать редьку спиралью и он хотел к нам в Вестфалию. Вот мы и поменялись, попутно познакомились поближе, и при этом... «гшна-гглт», как тут говорят.

— Нас бы отлично устроило и выражение «влюбились друг в друга», — с сарказмом заметил Хёлльайзен.

— Ладно, не важно. Вот так и получилось, что мы с мужем — амбициозные комиссары полиции, работаем с утра до ночи, при этом поменялись роинами и встречаемся крайне редко.

— У меня, — подхватил Штенгеле, — все было как раз наоборот...

— Обсуждение этих проблем, — грубовато перебил его Еннервайн, — мы вполне

можем продолжить вечером, за кружкой пива. Сейчас нам некогда травить байки, надо как-то продвигаться в расследовании. Мы до сих пор не установили личность той быстроногой бестии в баварском костюме. Возможно, мы попали на след тяжкого преступления, гораздо более тяжкого, чем мы думаем. Вопрос к вам, Беккер: что показала экспертиза мешка для спортивной обуви, который свисал с крыши на веревочке?

— Мешок, мешок... — Беккер полистал свои бумаги. — Где же он у меня? А вот, нашел.

Руководитель экспертно-криминалистической службы вынул лист бумаги, испещренный цифрами, символами химических элементов и схемами того места, где был обнаружен подозрительный предмет. Молча окинув все это взглядом, Беккер подчеркнул что-то в нескольких местах, качая головой. Затем по очереди посмотрел в глаза каждому из собравшихся с многозначительным киванием. Наконец положил листок на стол, сложил руки на животе и прищелкнул языком.

— Черт побери, Беккер, хватит нагнетать обстановку, — не выдержал Еннервайн. — Выкладывайте, что там с мешком?

Беккер еще немного помедлил, но потом заговорил в резвом темпе:

— Этот мешок провисел под открытым небом очень долго. Как минимум несколько месяцев, может быть, даже год.

— Почему же в таком случае его никто не заметил?

— Если смотреть на крышу снизу, мало что увидишь. И соседние здания не настолько высоки, чтобы можно было взглянуть оттуда сверху. Кроме того, обзор загораживает раскидистый каштан. Но теперь, коллеги, держитесь крепче: как вы думаете, что я нашел внутри?

Докладчик сделал многообещающую паузу. Люди замерли в напряженном ожидании, Марию даже слегка прошиб пот.

— Ну? — встрепелась она.

— Кроссовки! Там лежала лишь пара поношенных кроссовок сорокового размера, — ухмыльнулся Беккер.

— Кроссовки? И больше ничего?!

— Да. Мне очень жаль, но из них не торчало отрубленных ног, внутри не обнаружилось «бисквитов счастья» с посланиями от китайской мафии, и даже банальных носков в них тоже не было.

— Беккер, простите меня, но вы идиот, — заявила Мария, вытирая со лба пот.

— Однако сейчас — внимание! — начинается самое интересное, — продолжал Ханс-Йохен. — Деталь действительно важная. Видите ли, это не какая-нибудь дешевка из супермаркета, а безумно дорогая дизайнерская обувь крупной итальянской фирмы... э-э-э... «Гукки», «Гуши», как там ее? К сожалению, я не силен в итальянском...

Присутствующие захихикали. Судя по всему, глава экспертов-криминалистов разбирался в моде куда хуже, чем в шрамах, рубцах и микроскопических волокнах тканей.

— «Гуччи»!

— Ну да, да. Итак, мои помощники уже позвонили в Милан, в главный офис этой фирмы, и выяснили, что сия обувка стоит больше трехсот евро! Подумать только, на эти деньги я мог бы купить себе целых двадцать пар ботинок... В Германии такие кроссовки продаются лишь в специализированных магазинах. Если следствие сочтет нужным, мы прозвоним эти торговые точки.

— Может, и сочтет, не исключаю, — задумчиво произнес Еннервайн. — Не забывайте,

что мы с вами находимся на курорте, имеющем, можно сказать, статус элитного. Конечно, до Санкт-Морица или Кицбюэля немного недотягивает, но и далеко не захолустье какое-нибудь... Я вполне допускаю, что среди курортников имеются люди, которые носят кроссовки от «Гуччи». Однако кто же держит такие дорогие вещи под открытым небом, вот в чем вопрос.

— Тот, кто вывесил их на крышу, и тот, кому они принадлежат, не обязательно один и тот же человек, — заметил Беккер.

— Почему вы так решили? Потому что шнурок, на котором висел мешок для обуви, совсем дешевый и продается на каждом углу? — расплылся в довольной улыбке Хёлльайзен.

— Нет. Владелец дорогих кроссовок вполне может купить и дешевый шнурок, — возразил Беккер. — Все дело в том, что следы ДНК на содержимом мешочка и на шнуре не сходятся.

— Выходит, здесь та же ситуация, что и с ловкачом в баварском костюме: может быть, мешок с кроссовками имеет отношение к делу, а может, и не имеет. Бесподобно, ничего не скажешь!

— Слушайте, вполне вероятно, что тот прохиндей в баварском костюме имеет отношение к этой вещи. Ведь он лазил по крыше именно в том месте, где обнаружен мешочек. Правда, это может оказаться простым совпадением.

— Что еще вы можете сказать насчет кроссовок?

— Мы проверили обнаруженные на них отпечатки пальцев и следы ДНК. Ни один из сотрудников курзала^[11] не держал в руках этого мешочка.

Еннервайн растопырил большой и указательный пальцы, задумчиво поглядел на них и принялся растирать виски.

У всех служащих культурного центра, начиная с директора и заканчивая гардеробщицей, были взяты отпечатки пальцев и пробы ДНК — в установленном порядке и на добровольной основе. В числе проверяемых оказалась и Пе Файнингер, и еще несколько творческих личностей. По результатам анализов выяснилось, что никто из артистов, администрации, менеджеров и прочего персонала, включая рабочего по зданию Шмидингера, не был на чердаке.

— Туда меня не затащишь ни за что на свете! — сказал Шмидингер на очередном допросе.

— Но ведь это довольно странно, согласитесь? — произнес Еннервайн, впиваясь взглядом в глаза свидетеля, в которых тотчас же промелькнула искорка нервозности. — Именно вы как рабочий по зданию отвечаете за техническое состояние всех помещений — и ни разу не удосужились заглянуть на чердак за всю свою здешнюю карьеру?

Тогда Шмидингер рассказал о печальном происшествии на чердаке, свидетелем которого он стал вскоре после того, как устроился на работу в культурный центр, и Еннервайн счел его объяснения достаточными.

— Не знаю, — покачал головой Штенгеле, — может, все-таки стоит найти владельца этого загадочного мешка с кроссовками. Пожалуй, сначала дадим объявление в газету...

— Бог ты мой! — вдруг вскинулся Еннервайн. — В газету!.. Вы посмотрите на часы! Уже пять минут восьмого! У нас ведь пресс-конференция!

Коллеги дружно вскочили. Эффективность размышлений в последние минуты совещания уже снизилась, в комнате было душно — казалось, воздух ушел на выдувание

бесконечных мыльных пузырях сомнительных версий.

— Значит, все на пресс-конференцию! — объявил Эннервайн. — Поскольку у нас нет никакой определенности, предлагаю обходить молчанием все имеющее отношение к чердаку. На двенадцатиметровой высоте над зрительным залом начинаются чистые разглагольствования, поэтому давайте оставаться на твердой почве фактов. Чутье подсказывает мне: мы еще не знаем каких-то важных деталей. И до тех пор, пока все не выяснится, не стоит давать общественности пищи для лишних пересудов.

— Я тоже так считаю, — кивнул Штенгеле. — Пока нет четкой картины произошедшего там, наверху, будем лучше говорить о... Итак, о чем, собственно, мы будем говорить?

— Главное, не выдвигать никаких версий, — четко сказал Эннервайн, распахивая дверь совещательной комнаты. — Уж лучше в завтрашних газетах увидеть заголовки из серии «Полиция бродит в потемках», чем на следующей неделе прочитать: «Все силы полиции были брошены на отработку ошибочной версии!» Подтверждаем только неоспоримые факты, ясно?

— Но много ли их у нас, этих фактов? Все, что нам известно, — это личности жертв, а также то, что один задавил другого, — возразила Мария. — Согласитесь, негусто!

— В моей практике случались дела, когда фактов на первых порах было еще меньше. То есть, можно сказать, совсем никаких. И тем не менее я как-то сумел продержаться на пресс-конференции целых полчаса.

Не добившись от представителей следствия внятных версий, представители прессы напридумывали кучу своих. Утром следующего дня по палисадникам были разбросаны первые газеты. «В концертном зале чудом предотвращена катастрофа!» — вот такие были заголовки, ну и, конечно же, не обошлось без того самого, коронного: «Полиция бродит в потемках». Эннервайн, который проглядывал местную газету за завтраком, стоя за высоким столиком кафе, не мог удержаться от улыбки, хотя обычно с утра он был хмурый и никогда не улыбался. Он разрезал пополам баварскую булочку. Оказывается, одинокий пожилой человек своим полетом с балкона «положил преждевременный конец не только молодой жизни, но и прекрасному концерту», а «некомпетентные и нудные полицейские», как окрестили команду Эннервайна журналисты, «не могут дать ответа ни на один насущный вопрос». Скорее всего в ближайшее воскресенье пианистка повторит выступление.

На первой полосе газеты красовалось фото, сделанное тем самым фотографом, который вчера требовал назад свой фотоаппарат. Это был поистине эффектный кадр, неудержимо притягивающий взгляд. На первом плане находился мужчина, молодой мужчина с черным прямоугольником на глазах, делавшим его лицо неузнаваемым. Но главным в композиции было не лицо, а окровавленные руки. Герой снимка держал их так высоко, как будто бы благодарил судьбу за спасение. Это подтверждал и заголовок соответствующей статьи, набранный гигантскими буквами: «УЦЕЛЕЛ!» И далее, шрифтом помельче, сообщалось: «Одной из жертв как раз оказывают помощь сотрудники местной санитарной колонны». Никто из завтракающих за многочисленными столиками курортного кафе не знал человека с фотографии, и лишь где-то на неведомой Эннервайну крыше, на плоской крыше виллы, на террасе плоской крыши виллы главного врача, сидела слегка рассеянная дама в дизайнерских брюках, пробормотавшая нечто вроде: «Шивельфёрде». Одно вынужден был признать Эннервайн: это был отличный, высокохудожественный стоп-кадр. Полицейский

вонзил зубы в булочку и закрыл газету. «Все, что можно, я увидел», — подумал он. Но это было не так. Гаупткомиссар не заметил на фото низенькой женщины, стоявшей далеко за спиной «спасенного». Она нетерпеливо протягивала руки через стойку гардероба в ожидании своей одежды. Руководитель следственной бригады не обратил внимания на эту персону лишь потому, что на ней не было канареечно-желтой ветровки.

Карл Свобода появился на кухне Гразеггеров первым. Как и многие другие представители вида «гомо криминалис», он был убежденным жаворонком. Фриц Харманн никогда не вставал позже шести утра, Буч Кэссиди с удовольствием отправлялся на очередной разбой вскоре после полуночи, Рене Кадиллак перерезал глотки своим жертвам преимущественно на рассвете. Свобода наварил полный кофейник кофе, налил себе чашку, сел за кухонный стол и сделал совсем маленький глоток. Затем встал, осторожно надел кухонные перчатки и протер столешницу влажным полотенцем. Потом вымыл кофейную посуду, не забыв ополоснуть саму бутылку с моющим средством, после чего вытер слив раковины тряпкой, почистил ту конфорку плиты, на которую ставил кофейник, и протер все краники и кнопки, к которым прикасался.

— Сакра, сакра! — ругался он.

Встав на колени, оригинал принялся надраивать пол бумажной салфеткой, смоченной в уксусе. Тут появилась хозяйка в халате и остановилась в дверях, с интересом наблюдая за действиями гостя.

— Доброе утро, Свобода. Скажи, пожалуйста, что ты делаешь?

Тот прекратил движения и поднял голову:

— Доброе утро, Урзель. Видишь ли, кухню можно намывать хоть до обеда, но все равно здесь могут остаться следы, которые приведут сыщиков ко мне.

— Зачем же ты в таком случае этим занимаешься?

— Просто так. Упражнение на концентрацию внимания. Нечто вроде тайцзи для объявленных вне закона.

Он аккуратно расстелил перед собой мокрую тряпку, сложил руки лодочкой и нагнул голову.

— Уничтожай все следы твоих деяний, но знай, что всякий раз останется какая-нибудь песчинка, которая выведет на тебя. Сизиф, книга восьмая, стих девятый, — произнес Свобода по-проповеднически нараспев и с австрийским акцентом.

На кухню, зевая, вошел Игнац.

— Сизиф — это тот, которому птицы клевали печень? — осведомился он.

— Вечно ты думаешь только о жратве! Нет, печень здесь ни при чем. Сизиф — это тот, который с камнем. Катил его в гору, а тот снова падал, и так до бесконечности.

— А почему, собственно?

— Кара богов. Сизиф так надежно упрятал в темницу бога Танатоса, то есть смерть, что люди перестали умирать.

— Да, для нашего бизнеса это было бы губительно, — заметила Урзель. — Но слушай, Свобода, может, хватит елозить тряпкой?!

Игнац устроился за кухонным столом.

— Ты уже вернулся с прогулки? — непринужденно поинтересовался он у гостя. — Где же ты был вчера?

Игнац и Урзель даже не рассчитывали получить ответ на этот вопрос. Свобода исчезал и появлялся, когда хотел, у него постоянно находились какие-то дела, а иногда он переодевался просто лишь для того, чтобы «не потерять формы». Похоже, ему доставлял

удовольствие сам процесс переодевания. Но Бог с ним, со Свободой. Наиболее животрепещущим вопросом был совсем другой: о чем пишут в ежедневной газете? Игнац бросил на стол свежий выпуск, и все трое стали по очереди штудировать раздел местных происшествий — с возбуждением оперных див, на следующее утро после премьеры жадно вчитывающихся в новости культуры. Отличие состояло лишь в том, что ни Урзель, ни Игнац, ни Свобода вовсе не желали прочитать о себе в газете. Из-за того, что в концертном зале случилось какое-то неординарное событие, за кухонным столом усиленно работали шесть пар надпочечников, продуцируя самый мощный изо всех наркотиков — адреналин.

— Острые ощущения бесценны, — говаривал Свобода. — Если ты идешь на преступление только ради денег, не стоит даже и начинать.

— Глядите! — воскликнул Игнац, тыча пальцем в одну из статей. — Пишут, что в зале всего лишь кто-то спрыгнул с балкона. Так что зря мы переживаем.

— И все-таки один из нас должен сходить за флешкой. В газете нет ни слова о том, что ее нашли, значит, она так и лежит на прежнем месте. Однако знаю я их, этих ищек. Начнут шарить по всем углам, где надо и где не надо. Они не успокоятся до тех пор, пока у них не останется ни одного чистого формуляра и пока у каждого пункта служебной инструкции не будет стоять галочка.

— Во-первых, наша вещь не обнаружена...

— Ты в этом уверен? Полиция наверняка перевернула там все вверх дном.

— Не думаю. Какого дьявола им обшаривать чердак, если происшествие связано лишь с балконом?

— И даже если они найдут флешку, то не сумеют прочитать ни одного файла.

— Нет, до поры до времени мы все-таки не можем рисковать. Культурный центр оцеплен, туда не войти и не выйти, пока полиция не закончила свою работу. Нам остается только ждать, когда он заработает в обычном режиме.

Игнац несказанно гордился тем, что нашел такое надежное место для тайника. Это случилось несколько лет назад, когда старый Шойрер Зепп повесился на чердаке культурного центра. Раньше из зрительного зала можно было любоваться крышей с ничем не прикрытыми снизу стропильными фермами, и лишь незадолго до визита самоубийцы все обшили деревом, обустроив временный чердак-кладовку. В тамбуре третьего этажа имелось окошко, через которое прежде был виден зал, а после упомянутых строительных работ оно стало глядеть на чердак. Через него-то и пролез старик с веревкой в кармане, чтобы свести счеты с жизнью. Если уж на то пошло, все люди делятся на три категории — «Подвал», «Чердак», «Жить дальше», и Шойрер Зепп относился ко второй из них. Суть дела заключалась в следующем. Один пенсионер, бывший учитель истории, страстно увлеченный краеведением, раскопал однажды, что Шойрер вопреки своим заверениям в обратном все-таки служил в составе Первой горнострелковой дивизии и в 1943 году участвовал в кровавой бойне на греческом острове Кефалония, во время которой были расстреляны тысячи безоружных итальянских солдат и офицеров. Когда этот темный факт его биографии всплыл на свет божий, Шойрер пропал. Именно Петер Шмидингер обнаружил его висящим в петле из страховочного троса, мастерски завязанного простым тройным узлом, который еще называют узлом Каппелини — Лаонта^[12], в честь канадского дуэта альпинистов. Это был первый и последний визит рабочего по зданию на чердак.

Родственники уже потеряли Шойрера и тактично пытались выяснить у земляков, не

встречал ли кто-нибудь из них уставшего от жизни бывшего горного стрелка. Они даже приходили в контору Гразеггеров с намеками, что, возможно, скоро в горах обнаружится изуродованное тело презренного нациста, значит, похоронной фирме предстоит решить сложную задачу, ведь разбившихся в лепешку людей надо так умело подготовить для прощания, чтобы не слишком внимательному гостю с затуманенными слезой глазами даже в голову не пришла мысль о неестественной смерти несчастного. К примеру, подполковника Кашингера, у которого не раскрылся парашют, Игнац и Урзель загримировали так искусно, что со стороны казалось, он просто спит. Более того, на конкурсе, организованном Баварским союзом ритуальных компаний, супруги Гразеггер заняли с этим «экспонатом» второе место.

Старого Шойрера вскоре обнаружили мертвым под крышей концертного зала, в кармане его куртки лежала записка с несколькими ругательствами и некорректными высказываниями о политике. Гразеггеры выполнили свою привычную работу — приняли труп, обработали его особыми бальзамирующими составами, одели, загримировали и выставили в гробу для прощания. Но заброшенный чердак не шел из головы Игнаца, он просто заболел этим местом. И вскоре Урзель с Игнацем впервые в жизни отправились на концерт.

— О, приветствую вас, госпожа Гразеггер, вы тоже здесь?! Восхитительная музыка, не правда ли? Просто кожей чувствуется, что композитор прожил в наших краях очень долго. Цутшпитце прямо-таки незримо присутствует в каждой ноте...

Это был вечер музыки Рихарда Штрауса. Композитор, скончавшийся в 1949 году, и в самом деле провел последние годы жизни здесь, в уютном альпийском городке, и у слушателей возникало ощущение, что каждый из них знал маэстро лично. Средний возраст слушателей концертов Штрауса был значительно выше, чем у посетителей других представлений, кругозор этой публики не простирался дальше всевозможных болезней — возрастной миопии, сенильной тугоухости и старческой гипогликемии. Ничего удачнее не пожелаешь! Озабоченные своими подаграми, дать более или менее ценные свидетельские показания эти люди вряд ли могли.

— Давай поднимемся на третий этаж, сама во всем убедишься, — сказал Игнац супруге, выдернув ее из компании старых дев. Когда Гразеггеры поднялись на самый верх и оказались в тамбуре, Урзель сразу поняла, как тут все устроено. К тому времени вместо ставшего ненужным окошка уже сделали дверь с несложным замком, к которому Игнац оперативно раздобыл дубликат ключа. В этот отдаленный уголок не забредал ни один посетитель с атонией мочевого пузыря — пожилые люди не имели никакого желания преодолевать два лишних лестничных пролета. Урзель на всякий случай заглянула в женский туалет, удостоверившись, что там не притаилось какой-нибудь случайной свидетельницы. Затем Игнац осторожно открыл дверь своим ключом, и супруги устремили любопытные взоры в нутро чердака. Остаточный сумеречный свет освещал лежавшие на полу декорации и старый занавес. На первый взгляд даже казалось, будто здесь ничего нет — все покрывал толстый слой пыли, говоривший, что сюда вряд ли кто-то навещается. Да, место действительно заповедное, маленькая Сьерра-Невада. Просто идеальное для устройства тайника. И вдруг с лестницы послышались чьи-то шаги. Игнац быстро закрыл дверь, и они с Урзель притворились, будто всего лишь что-то ищут в сумке.

— Где же ключи от дома? Ты их, случайно, не потерял?

— Говорил я тебе: положи в свою сумочку.

— Будьте здоровы, господин Гразеггер. Будьте здоровы, госпожа Гразеггер, — вежливо поприветствовал их сын рабочего по зданию.

— Будь здоров, Паули. Ты тоже слушаешь Рихарда Штрауса?

— Ха, извините, конечно, но эта музыка не в моем вкусе.

Паули Шмидингер скорчил противную гримаску и исчез за дверью своей квартиры.

В тот день в лунном календаре среди прочих советов («Идеальное время для ухода за когтями, рогами и копытами. Пить побольше жидкости») встречался и такой: «День удачен для того, чтобы побаловать спутника жизни». Поэтому госпожа Зильбермиллер отправилась покупать свежие булочки для себя и господина Зильбермиллера. Когда заботливая супруга пересекла палисадник и оглянулась на свой дом, то увидела, что с крыши вспорхнули два голубка и улетели прочь. Эти голубки звались Счастье и Довольство. В следующее мгновение крышу оккупировала стая ворон. Их звали: Раздор, Зависть, Ревность, Ненависть, Кроважидность, Гнев, Ярость, Отчаяние, Немилость, Разочарование, Боль, Депрессия, Отвращение, Омерзение, Страх, Печаль, Пустота, Испуг, Ужас, Скорбь, Боязнь, Жадность, Разлука и все в том же духе. На небе не было ни единого облачка, вершины гор поблескивали и искрились в слабом свете только-только нарождавшейся утренней зари, но госпожу Зильбермиллер совершенно не трогали природные красоты. Едва она проснулась поутру, как ее сразу же опутала тревога — прочно, будто резиновыми жгутами. Ее законный супруг еще бормотал в полусне нечто вроде: «Посредственное исполнение! Мы настаиваем, что это было посредственное исполнение преступления!» Немного помедлив, женщина вылезла из теплой постели, быстро натянула спортивную одежду и вышла из дома.

Вскоре она уже бежала трусцой по долине Лойзахталь. Если верить рекламным проспектам местного туристического агентства, здесь проходили слоны Ганнибала — в самом начале его знаменитого перехода через Альпы. В этой долине Ганнибал сделал остановку, чтобы набраться сил, значит, его можно назвать первым курортником здешних мест. «Вся гора Банк была усеяна пасущимися толстокожими животными», — со значением сообщалось в одном из буклетов. Однако когда настала пора двигаться дальше, какая-то часть ганнибалова войска якобы не захотела уходить и осталась здесь навсегда. На основании этой легенды некоторые из местных жителей вообразили, что имеют в своей родословной карфагенскую, нубийскую или абиссинскую кровь. А может быть, и она, озабоченная своими проблемами добытчица свежих булочек, происходит от какой-нибудь пунической принцессы? Мысль об этом заставляла женщину ускорять шаг, и вот она уже покинула булочную и спешит домой, неся в сумке свежую газету и четыре теплых булочки с кунжутом, которые обожает господин Зильбермиллер.

Снова оказавшись возле семейного гнезда, ранняя пташка увидела, что на крышу садится самая жирная ворона по кличке Развод.

— Кыш! Кыш! — отчаянно замахала на нее госпожа Зильбермиллер, и ворона вроде бы улетела. Надолго ли? Когда бегунья вошла на кухню, ее супруг уже сидел за столом в предвкушении трапезы. «День удачен для того, чтобы побаловать спутника жизни», — тоже прочел господин Зильбермиллер в лунном календаре, так что успел сварить яйца к завтраку, по особой технологии, когда их держат в кипящей воде ровно две минуты двадцать секунд. Кроме того, мужчина, которого еще можно было назвать крепким, нарвал в садике цветов и поставил их в вазу. Также он вынул газету из почтового ящика и, бегло пролистав, отложил в подставку для журналов и газет, потому что внимательно читать ему было некогда. Два трупа в концертном зале? Плохо, плохо, ничего не скажешь, однако сейчас у него нет времени на то, чтобы вникать в детали. Прочитает газету потом, вечером, когда разделается

с делами, которые идут у него, надо сказать, весьма неплохо. Сегодня ему предстоит поход в суд первой инстанции, и там он сумеет утереть нос этому судье! Нужно спешить на работу, и пусть в лунном календаре пишут что угодно, свои обязанности он должен исполнять аккуратно. Господин Зильбермиллер имел обширную практику, он был самым популярным адвокатом в этих краях.

— Посредственное исполнение! — воскликнул господин Зильбермиллер, шагая по палисаднику. Он уже репетировал свою защитную речь, его жестикуляция была вдохновенно-размашистой, выступление обещало стать блестящим.

Госпожа Зильбермиллер успела бегло просмотреть свежую газету, купленную рядом с булочной, еще на пути домой. Оставшись в одиночестве, она трясущимися руками открыла раздел местных происшествий. Ее щеки покрылись румянцем, но постепенно, с каждым новым прочтенным абзацем, супруга адвоката чувствовала, что краска отливает от ее лица, а дыхание становится ровнее. Она еще раз не торопясь прочла все материалы, строчка за строчкой. Никто ничего не знал. Ровным счетом ничего! Все рассуждения попадали прямым в «молоко»! Адресованное ей объявление с просьбой добровольно явиться в полицию красноречиво свидетельствовало, что она в безопасности. По ее лицу покатались слезы облегчения. Но потом дама еще раз посмотрела на фото — то самое, изображавшее мужчину с окровавленными руками. Когда госпожа Зильбермиллер внимательнее разглядела фигуру на заднем плане снимка, волосы у нее встали дыбом.

Свобода вырвал листок из лунного календаря.

— Ну что за чушь, вы только послушайте: «День удачен для того, чтобы побаловать спутника жизни!»! Когда же наконец появится лунный календарь для тех, кто не в ладах с законом?

— И о чем же должны писать в таком календаре?

— «Хороший день, чтобы делить добычу. Стройте планы ограбления банков. Чистите оружие при убывающей луне. Сегодня неблагоприятно укрывательство награбленного и отмывание денег». И как девиз дня: «Стертые следы — тоже следы».

Троица все еще сидела за кухонным столом, на котором лежала разобранная на отдельные листы газета.

— А может, — задумчиво произнесла Урзель, — нам все-таки стоило присоединиться к «Горным крокодилам»? Тогда сейчас мы бы уже сумели проникнуть в концертный зал.

После того как Игнац подобрал ключ к заветному замку, супруги всерьез задумались, не приобщиться ли им к любительскому театральному кружку «Горные крокодилы», который время от времени выступал на сцене культурного центра. Этот план пришлось отменить, во-первых, за отсутствием даже малейшего актерского таланта у обоих; во-вторых, излишнее мелькание на публике повредило бы репутации Гразеггеров, ведь заправил похоронного бизнеса, все равно какой степени легальности последнего, кормит именно та аура закрытости и сдержанности, которая их окружает. В конце концов был выбран наиболее неприметный путь проникновения в здание: покупка двух абонементов, дающих право каждые два месяца посещать концерт, лекцию или иное публичное мероприятие — что, соответственно, позволяло обновлять данные на секретном носителе. Разумеется, информация на флешке была зашифрована, для чего пришлось задействовать остальных членов семьи Гразеггер.

Гразеггеры-младшие, четырнадцатилетняя Лиза и двадцатиоднолетний Филипп, имели одну общую черту: они были компьютерными маньяками высшей пробы. Всякий раз, когда детки приезжали домой на каникулы, вся семья, прихватив с собой массу бутербродов, что-то около двух тысяч, отправлялась на велосипедах в горы и купалась в озере Рисерзе. Это была традиция, пронесенная через четыре поколения Гразеггеров. Еще прадедушка Игнаца, Корбиниан Гразеггер (1840–1899), любил вылазки на...

— Слушай, Лиза, — улыбнулась Урзель, — у меня тут есть один вопросик на компьютерную тему.

— Йо-го-го! — завопили детки, падая на землю в припадке дикого хохота.

— Неблагодарные твари! — грозно прикрикнула на них Урзель.

— Йу-гу-гу! Предки заинтересовались компьютерами! Ну, ма, чтобы ответить на твой вопрос, придется, наверное, начать с са-а-амых азов! С Адама и Евы, пожалуй! Ну ладно, валяй, спрашивай!

— Вопрос чисто теоретический, просто интересно. Предположим, у нас есть фотография — цифровая, естественно, которая хранится на некоем носителе. И вот мы решили зашифровать ее. Это возможно?

— Зашифровать? Так, чтобы ни одна живая душа не поняла, что на ней изображено?

— Вот именно.

— Нет ничего проще, — отозвался Филипп. Затем он вынул из сумки свое пляжное чтение — книгу Дэвида Фланагана «Краткий курс программирования на языке Java» на английском, настоящую библию программиста, и набросал на ее бумажной обложке несколько рядов цифр:

```
1100 1001 1110 1011 1001 1010 1101 0001 0100 1011 1101
1010 1111 1001 1010 0101 0001 1010 1011 1101 1110 0101
0101 0110 1001 0001 1110 1011 1101 1110 1001 0001 1110
1001 0001 1110 1111 1001 1010 0101 0001 0110 1111 1001
```

— Ладно, хватит: мы уже поняли, что это бинарный код, — сказал Игнац.

— Правильно, и поскольку все, что происходит на жестком диске компьютера, можно свести к этим двум циферкам, точно также и фото можно представить в виде огромного количества полубайтов.

— Да, — подтвердила Лиза. — Нуль означает светлые места, единица — темные. Правда, это слишком упрощенное объяснение...

— Однако для предков из доцифровой эры этого будет вполне достаточно, — усмехнулся Филипп. — Так вот, если из миллионов нулей и единичек изъять несколько штук и переставить их в другое место, то все изображение превратится в кашу. И тогда больше ничего невозможно распознать, шансы восстановить содержимое файла равны нулю. Никто даже не поймет, что это фотография, а не текст, например.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Например, — подхватила Лиза, — берете с позиции семнадцать ноль три пятьдесят девять (твой день рождения, папа) десять цифр и переносите этот блок на позицию восемнадцать двенадцать шестьдесят три (а это, мамуля, твой). После этого ни одна программка в мире, ни один изощренный хакер не сможет реконструировать это фото — за исключением того случая, если он знает ваши исходные данные.

Именно это и хотели узнать Игнац и Урзель. Весь остаток дня и всю последующую ночь они слушали начальный курс информатики и криптологии, и когда за окном начала заниматься заря, Гразеггеры-старшие уже кое-что понимали даже в правиле Керкгоффса касательно шифрования информации с полной «защитой от дурака». По окончании вводного курса «предки» Филиппа и Лизы уже владели искусством превращения живописных картинок в скучные шеренги чисел и наоборот.

— А теперь признавайтесь, для чего вам потребовалось зашифровать фотографии? Что за страшная тайна?

— Просто ради интереса.

— Ха-ха-ха!

Брат с сестрой снова начали кататься по полу. Их родители яростно отнекивались от версий типа: спрятать снимки с обнаженкой, групповухой или какими-нибудь редкими видами сексуальных извращений, столь же диковинными, как старинное слово *gagatzen*, употребляемое только в Верденфельзском районе Баварии. Лиза и Филипп не очень-то верили им.

Поскольку в ходе технического прогресса носители информации неуклонно становились меньше, неприметнее и устойчивее к повреждениям, этот факт быстро сумели обратить себе на пользу люди, не дружащие с законом. В самом начале истории информационных носителей, в незапамятные времена, двадцать лет назад, когда по дорогам еще бродили динозавры и в воздухе парили археоптериксы, в обиходе были восьмидюймовые дискеты размером с добрую коробку для пиццы, но теперь в распоряжении Гразегтеров и Свободы имелась флешка величиной всего лишь с большой палец руки.

— И куда же теперь ее девать?

— Под коньком концертного зала пролегают четыре толстые поперечные балки, — сказал Игнац. — Они чуть-чуть выше уровня вытянутой руки. Но если встать на цыпочки, то можно легко достать их верхние грани. А что? Вырезать небольшое углубление в одной из них, положить флешку и прикрыть кусочком дерева.

— Детский сад, — фыркнул Свобода. — Любой полицейский при первом же осмотре помещения сразу заподозрит неладное. А опытный специалист по простукиванию, вооруженный медным молоточком и стетоскопом, сразу же поймет, что внутри пустота.

— Неужели бывают такие специалисты?

— А то! Я сам когда-то был таким, — ухмыльнулся Карл Свобода.

Тогда Урзель предложила вот что:

— Между полом чердака и потолком концертного зала есть пространство. Там вполне можно приклеить или подвесить что-нибудь.

— Да, такой тайничок будет получше. Но тогда придется каждый раз отрывать какую-нибудь доску, а потом прибивать ее снова. Это требует много усилий и сильно привлекает внимание.

— Ну а как насчет крыши?

— Если человек вылезет на крышу курзала, его моментально засекут. Поэтому лучше придерживаться границ чердака, подальше от посторонних глаз.

— А если подвесить ее снаружи в мешочке? На веревочке?

— И это кажется мне слишком примитивным.

— Кстати, о примитивном! А если флешку просто положить в угол? Действовать полностью в открытую, так сказать, в духе Эдгара По? Ведь, кроме нас, туда никто не ходит.

— По-моему, слишком ненадежный вариант.

— Ну и что же, по-твоему, делать?

— Есть у меня одна идея, — с хитрым видом ответил Свобода. — И весьма неплохая.

— Если встать на колени у продольной стены чердачного помещения, то можно увидеть небольшое отверстие. Оно не бросается в глаза ни с первого взгляда, ни даже со второго, потому что проделано еще в процессе строительства, то есть достаточно давно. Отверстие прикрыто пластиковым колпачком, внутри находится электрическая распределительная коробка четыре дробь семь. Ни одному нормальному человеку не придет в голову заглядывать внутрь, даже электрику — ему это абсолютно ни к чему. Беглого взгляда на схему электроснабжения здания вполне достаточно, чтобы понять: в этом месте вообще не проложено проводки. Но если снять колпачок, то за отверстием можно обнаружить небольшой канал. Видимо, он предусматривался для монтажа электроподогрева водосточной системы — чтобы не было сосулек и так далее, но почему-то оказался лишним, кабель вывели в другом месте. Пустой канал идет вверх, к водосточному желобу, пролегающему по краю кровли, и заканчивается у небольшой выемки, которая находится полностью на открытом воздухе, однако защищена от осадков. Именно в ней мы и обнаружили ю-эс-би-флеш-накопитель, или, проще говоря, флешку.

Ханс-Йохен Беккер ткнул кончиком карандаша в схему, которую нарисовал в ходе рассказа, и по очереди оглядел собравшихся. После небольшой паузы коллеги наградили докладчика аплодисментами.

— Отлично сработали, господин Беккер! — похвалил Хёлльайзен. — И где же сейчас эта флешка?

— Флешка, точнее, копия ее содержимого, находится в Висбадене, где ею занимаются специалисты по битам, байтам и чизбургерам, — ответил Беккер. — Но уже теперь я могу сказать: место, в котором она хранилась, один из самых изоциренных тайников, какие только встречались в моей практике. Мы обнаружили его каким-то чудом. Похоже, это дело рук суперпрофессионала.

Беккер поклонился воображаемому противнику.

— И хотя этот человек находится, как говорится, по другую сторону баррикад, все равно: браво!

— Разве носитель информации не пострадал от того, что хранился вне помещения? — спросил Штенгеле, самый знатный в команде археоптерикс из докомпьютерной эры.

— Нет, — подтвердил Беккер. — Данные не ржавеют, если вы это имеете в виду. Производитель флешки уверяет, что ее можно класть в пылающий камин или аквариум и ей абсолютно ничего не будет. Тайник под открытым небом даже имеет дополнительные преимущества для тех, кто его устроил: многие следы пропадают под воздействием атмосферных условий. Честно говоря, я абсолютно не ожидал найти флешку, я думал, в тайнике обнаружатся наркотики. Ни одна служебная собака не вынюхает зелье изнутри здания. А на крышу с собакой, понятное дело, не влезешь. Тут скорее нужна служебная кошка!

Еннервайн потер виски, слегка прикрывая лоб ладонью. Когда он предавался этому занятию, его внешность становилась еще неприметнее обычного.

— Я абсолютно уверен, — сказал гаупткомиссар, — что флешка поможет прояснить это загадочное падение человека с чердака.

Здесь Еннервайн был недалек от истины. Хотя и не догадывался, что она откроется ему

совсем не с той стороны, с которой он ожидал.

* * *

У Беккера зазвонил мобильник. После разговора руководитель экспертно-криминалистической службы пришел в сильное возбуждение. Сделав паузу длиной в добрые полминуты, он откинулся на спинку стула, подергал узел галстука, привел в порядок бумаги и начал протирать плюсовые очки для чтения.

— Есть новости?

— А? Ну да, да. Теперь мы знаем, какая информация хранилась на флешке.

— И какая же?

— Никакой. Там ничего нет.

— То есть как это — ничего?

— Может быть, даже еще хуже, чем ничего: шрот, мусор, отбросы. Бессмысленный набор символов. Огромная свалка нулей и единичек.

— И никто не может сказать, что это такое?

— Это может быть все, что угодно. Тексты, картинки, звукозаписи, видео.

— Но... разве ваши специалисты не могут определить...

— Они сейчас как раз этим и занимаются. Но я не хочу вас сильно обнадеживать, коллеги. Эта мешанина символов скорее всего не поддается расшифровке. Вы слышали когда-нибудь о принципе Керкгоффа? Напомню вкратце. Предположим, у меня есть зашифрованные данные. Если ключ спрятан где-то внутри, в их массе, то его рано или поздно можно обнаружить. Но если автор шифровки не «вложил» в нее ключ, а оставил его при себе, то ничего не поделаешь, узнать код можно только у него лично. Как ни прискорбно это звучит, сама по себе, без владельца, эта флешка скорее всего никакой ценности не представляет. И я очень сомневаюсь, что ее хозяин рискнет прийти на чердак, чтобы забрать свое добро. После всего, что там случилось.

— Неужели нет ни единого шанса на расшифровку?

— Один шанс есть всегда, однако в данном конкретном случае он ничтожно мал.

— А вдруг эта каша из символов представляет собой послание? — спросила Николь.

— Кому?

— Нам, например.

— Я тоже подумал об этом, — подал голос Еннервайн. — Возможно, это насмешка над нами: дескать, глядите, больше никакой информации вы не получите. Делайте что хотите: меняйте профессию, организуйте рок-группу и играйте хэви-метал, только прекращайте поиски и убирайтесь.

Бессмысленный набор символов. Три флакона чистящих средств для кухни. Выгоревший на солнце мешочек для спортивной обуви. Дефектный пол чердака. Быстроногий субъект в баварском костюме, возможно, не имеющий никакого отношения к делу... Нельзя забывать и о двух жертвах, игравших весьма неприметные роли в спектакле под названием «Жизнь». Ни одна деталь этого замысловатого пазла не подходила к другой, и никчемный носитель информации казался символическим воплощением всех трепыханий следственной бригады, не приводящих ни к какому результату. «Все, аут, конец, — промелькнуло в голове у Еннервайна. — И еще эта проклятая свидетельница, притихла и носа не показывает...»

Правда, в этом гаупткомиссар ошибался. Гретель как раз была на пути к нему.

* * *

Несмотря ни на что, команда Еннервайна ждала от своего шефа четких указаний.

— Сколько времени потребуется криптологам, — обратился он к Беккеру, — чтобы полностью убедиться, что флешка не скрывает еще каких-нибудь тайн?

— Минутку, я задам этот вопрос Джо.

Беккер ввел в комнату системного аналитика, внешний вид которого полностью соответствовал стереотипным представлениям о компьютерных маньяках. Джо имел немало лишних килограммов, был прыщав, с плохими зубами, обут в выдавшие виды кроссовки. Из заднего кармана его джинсов, на которых темнели следы сегодняшнего завтрака, торчал свернутый в трубку компьютерный журнал. Щеки компьютерщика предательски оттопыривались — как видно, Беккер застал его за поеданием какого-то жирного произведения культуры фаст-фуда.

— Джо, как ты думаешь, сколько еще провозятся ребята в Висбадене?

— Думаю, часа три.

Еннервайн поглядел на часы.

— Друзья мои, предлагаю вам использовать это время на составление отчетов и выполнение прочих формальностей. А я съезжу в президиум, поговорю с шефом и прокурором. Ох, я совсем забыл: они передавали всем вам привет! Извиняются, что не приехали сюда, но у них так много забот...

«...что вовсе не стоит утруждаться из-за маленького, незначительного происшествия в провинции», — дополнили эту фразу сразу несколько человек, правда, мысленно. Вслух никто ничего не сказал.

— Если жертв меньше пяти, мюнхенское начальство и пальцем не пошевелит, — шепнул Остлеру Хёлльайзен.

— А почему же сразу «рок-группа», «хэви-метал»? — еле слышно пробормотал кто-то.

— Напоследок я скажу, что мы встречаемся здесь около часа дня.

— Можно, я вас отвезу? — спросила Мария. — Я уже написала все отчеты.

— Спасибо, но лучше я поездом. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

Прибыв в Мюнхен, в полицейский президиум, Еннервайн кратко обрисовал ситуацию руководству.

— Да, мне уже звонил бургомистр, — сказал шеф, старший советник полиции Розенбергер. — Он пытается слегка давить на нас. Естественно, раз в конгресс-центре курортного города случаются подобные вещи, это отпугивает туристов. Бургомистр требует ускорить следствие и хочет, чтобы курзал возобновил работу как можно быстрее.

— Значит, вы уверены, что в происшествии есть вина другого лица? — спросила прокурор.

— Да, — ответил Еннервайн, — чутье подсказывает мне, что там имело место насилие. Вот только зацепок пока никаких нет.

— Вечно идти на поводу у собственного чутья у вас не получится, Еннервайн! На очереди огромное количество нераскрытых преступлений...

— Да, я прекрасно это понимаю. Мы стараемся, делаем все от нас зависящее.

— Нужно работать еще интенсивнее.

Еннервайн вытащил из сумки увесистую кипу отчетов и протянул ее прокурору:

— Возможно, госпожа прокурор, вас заинтересует тема строительного брака в объектах общественного назначения. Все пикантные детали вы узнаете из этих бумаг.

— Ох, даже страшно подступиться. Бургомистру наверняка не понравится такой поворот дела. Есть ли необходимость полностью запретить эксплуатацию здания?

— Нет, потолок уже не упадет. Просто никого нельзя пускать на чердак.

— Тогда распорядитесь выставить наверху охрану. И поскорее, хорошо?

Когда Еннервайн снова оказался в вагоне поезда, следующего на этот раз в южном направлении, в полицейском участке Верденфельзского района зазвонил телефон.

— Полицейский участок на Мюнхнерштрассе, Франц Хёлльайзен.

— Я бы хотела дать свидетельские показания...

— Прежде всего прошу вас назвать свои фамилию и имя.

Женщина на другом конце провода вздохнула — нерешительно, как показалось Хёлльайзену. Затем сказала:

— Мне нужно поговорить с ведущим комиссаром.

— В любом случае вы должны сначала представиться.

Еще раз вздохнув, дама по буквам продиктовала свое имя, фамилию и название улицы, на которой жила. Она объяснила Хёлльайзену, что кривая черточка над «а» в фамилии Conсейсао (Консейсао) называется тильдой и на немецкой клавиатуре ее нет. Найти подходящий знак можно по команде «Вставка» — «Символ».

— Как-как, вставка-символ?

— Это на самом верху, в главном меню.

— Девушка! Передо мной лишь допотопная пишущая машинка, которая, в довершение ко всем своим капризам, не печатает даже наше строчное «о» с умляутом! А в моей фамилии, как назло, встречается именно эта буква. Так что не говорите мне больше про всякие компьютерные меню.

— Могу я теперь поговорить с ведущим комиссаром?

— По поводу чего?

— По поводу того, что случилось прошлым воскресеньем в концертном зале.

— Господина гаупткомиссара Еннервайна сейчас нет на месте.

— Не могли бы вы дать мне его мобильный?

— К сожалению, нет.

— Когда он вернется?

— Минутку... Поезд прибывает в двенадцать ноль пять. Вы слышите меня? Так что в половине первого мы ждем его здесь, в участке. Алло! Алло, девушка!

Однако собеседница уже положила трубку. Подобные вещи происходили довольно часто, и Хёлльайзен не придавал этому звонку особого значения.

Итак, когда Еннервайн ровно в пять минут первого вышел из поезда, на платформе его поджидала невысокая крепкая женщина. И фамилия у нее была какая угодно, но только не Консейсао. Мельком взглянув на незнакомку, гаупткомиссар направился в сторону полицейского участка. Поскольку он не привык к тому, чтобы его преследовали, то не знал широко известного «смутного ощущения, что его преследуют». Не было у него такого ощущения, если оно вообще существует. И когда руководитель следственной бригады свернул в боковую улочку, то порядком испугался, внезапно услышав за спиной возглас:

— Господин Еннервайн, не оборачивайтесь, прошу вас!

Первым его порывом было все-таки обернуться, но полицейский сдержался. Его рука слегка дернулась в сторону кобуры с пистолетом, но и тут ему пришлось остановиться: оружие он не заряжал уже целых полгода. В голосе незнакомки сквозило возбуждение. Будь

это какая-нибудь террористка, объявленная в международный розыск, голос звучал бы совсем по-другому: сдержанно, хладнокровно. Поэтому Еннервайн просто остановился посреди улицы.

— Почему же мне нельзя оборачиваться? Вы вооружены?

— Вооружена? С чего вы так ре... Ну, допустим.

— А вы отдаете себе отчет, что этой фразой «Ну, допустим» рискуете заработать себе пару годиков тюрьмы, если прокурор вдруг попадетсЯ без чувства юмора? Угрожая полицейскому, вы...

— Я вам вовсе не угрожаю.

— Однако вы — «ну, допустим» — вооружены. Сам факт, что вы говорите мне такие слова, содержит в себе состав преступления, приравниваемый к неповиновению представителю власти.

«Баварский закон о функциях полиции, раздел „Насилие“, статья 66», — чуть было не добавил он, но промолчал.

— Я не вооружена, — прозвучал голосок за его спиной.

— Тогда я могу обернуться.

— Нет, пожалуйста, не оборачивайтесь, иначе я ничего не буду рассказывать!

Они стояли в вынужденной позе и молчали. Довольно высокий мужчина с заурядным лицом и миниатюрная женщина с натренированными икрами.

— Думаю, со стороны мы смотримся комично. Если нас кто-нибудь увидит, будет очень неловко. Хватит тянуть время. Говорите быстрее, чего вы от меня хотите.

— Я хочу дать свидетельские показания. Насчет происшествия в концертном зале. Но при этом желаю сохранить анонимность.

— Могу предположить, что по многочисленным кинофильмам, теле- и радиопередачам вы знаете: это невозможно. Показания полноценны лишь в том случае, если их дает реальный свидетель — с именем, адресом и всем, чем полагается. При этом большое значение имеет лицо свидетеля, и потому...

— Стоп! Только не оборачивайтесь! У меня в руках...

Еннервайн обернулся. У незнакомки в руках ничего не оказалось. Это была невысокая ладная женщина со вздернутым носиком и веснушками на щеках. Ее голос звучал грозно, а внешность оказалась вполне безобидной. Гаупткомиссар отступил на шаг назад, представляя это создание в баварском костюме и в шляпе, натянутой на самое лицо. Рост примерно совпадал.

— Знаете что? Давайте сядем на скамейку, и вы расскажете мне все по порядку. Если информация окажется не важной, то я, так и быть, пренебрегу инструкциями и наши дорожки снова разбегутся. И тогда будет вам анонимность с отсутствием последствий.

— Хорошо, согласна.

— И обещайте, пожалуйста, что больше не будете шутить с полицейскими таких шуток, как со мной. Иные мои коллеги в подобных случаях сразу же хватаются за оружие.

— Да, честно говоря, я уже удивилась, что вы до сих пор не выпустили в меня заряд из пистолета.

К этому моменту женщина, казалось, немного пришла в себя. Гаупткомиссар выбрал одну из парковых скамеек, и собеседники сели. Проникшись доверием к Еннервайну, невеличка сразу же перешла к делу:

— Я была на воскресном концерте в компании одной из жертв. А теперь вы меня ищете.

— Гретель! — вырвалось у Еннервайна.

— Что, простите?

— Нам пришлось дать вам условное имя...

— И вы называли меня Гретель?! Фу, ничего гаже придумать не могли?

— У нас не было времени на раздумья, и мы взяли первое попавшееся имя. Но давайте ближе к делу. Почему вы не объявились раньше?

— Послушайте, я не преступница. Я не нарушала никаких законов. И просто не желаю, чтобы мое имя трепали все, кому не лень.

— Если вы не нарушали никаких законов, значит, у вас есть все шансы это сделать. Присказка такая.

— Видите ли, я... э-э-э... замужем. Очень удачный брак. И выгодный. Вы понимаете, что я имею в виду.

— Нет, не понимаю, — резко ответил Еннервайн, сам от себя не ожидавший такого тона. — Я, между прочим, не состою в браке. Именно ради того, чтобы передо мной никогда не вставали подобные проблемы.

— Да, хорошо вам. Но я, что поделаешь, замужем... и решила немного развеяться с Инго... В этом нет ничего особенного, в жизни такое случается довольно часто, об этом вы наверняка слышали, хоть вы и не...

— Значит, ваш муж ничего не знает, — перебил Еннервайн, — о том, что вы пошли на концерт с Инго Штоффрегеном?

— Не знает.

После этих слов «Гретель» погрузилась в долгое молчание.

— Ах, если бы мы просто побегали вокруг озера Эйбзе, как он предлагал! — заговорила она наконец. — Ведь сначала планировалось именно это. Но потом я непонятно почему настояла на этом проклятом концерте. Если бы мы побежали вокруг Эйбзе, Инго остался бы жив!

— Возможно, вы правы.

— Выходит, я виновата в его смерти? Или все-таки нет, как вы считаете? Он сам виноват. Подожди он еще хоть немного в проходе, и ничего страшного не случилось бы!

Бы, бы, бы... Сплошное сослагательное наклонение. Еннервайн не любил, когда свидетели увлекались такой грамматикой и начинали философствовать.

— Рассказывайте дальше.

— Мы немного опоздали на концерт. Нас пропустили в зал, и мы некоторое время топтались как дураки в проходе. Капельдинер стоял прямо за моей спиной. Пианистка играла. И вдруг этот господин воскликнул: «Ну уж нет! Сколько можно? Черт побери!» — или что-то в этом роде, всего я не разобрала, у него был такой резкий саксонский акцент. Я обернулась, гляжу — этот служитель, качая головой и бормоча проклятия, спешит к выходу из зала. Но там он снова повернулся спиной к дверям и стал глядеть куда-то под потолок. Ладно, в этом нет ничего особенного, однако он качал головой и щелкал языком, вот так: «Тц, тц».

— А потом он вышел из зала?

— Да. Мне, конечно, было интересно, что он увидел наверху, и я посмотрела в ту же сторону. Из дыры на потолке, медленно вращаясь, торчала длинная палка. Сначала я подумала, что это отсоединилась какая-нибудь опора для осветительных приборов и служитель хочет ее поправить, закрепить и так далее. Но потом присмотрелась

повнимательнее и поняла: да ведь это оружие!

Еннервайн едва не потерял дар речи.

— Я правильно вас понял? Вы увидели наверху оружие?

— Да, самый настоящий пулемет или, может быть, автомат — кто-то медленно водил его дулом по залу. На спусковом крючке лежала чья-то рука. Сначала я обомлела, потом хотела похлопать Инга по спине, чтобы он обернулся, и тогда я предупредила бы его об опасности. Но мой спутник был уже далеко — поднимал людей, пробираясь на свое место.

— Но ведь это же невероятно! Вы видите оружие, нацеленное в зрительный зал, и молчите, будто воды в рот набрали?! Ни за что не поверю.

— И тем не менее так и было. Как ни странно это звучит, меня успокоило поведение капельдинера. Ведь он не забился в истерике, не испугался, увидев это дуло, а скорее пришел в ярость. Вот я и хочу заодно вас спросить: это нормальная реакция на опасность? Люди всегда так делают при виде оружия на взводе — просто сердятся? Не пугаются? А впрочем, я сразу же подумала, что это, наверное, проделки Пе Файнингер. Вдруг это она подготовила какой-то эффектный трюк, но возникли накладки? Я не хотела позориться перед несколькими сотнями людей, развязывая панику из-за того, что может оказаться всего лишь неудавшимся фокусом.

— Ну ладно. Дальше. Что было дальше?

— Когда Инго еще немного продвинулся, я заметила, что дуло нацелилось на него и стало неумолимо перемещаться вслед за ним. В тот момент я оцепенела от ужаса. Прямо как в страшном сне! Я хотела кричать, но не могла издать ни звука. А потом в той дыре, откуда высывалось оружие, мелькнуло чье-то лицо.

— Лицо того... стрелка?

— Это длилось очень недолго, какой-то миг, но тем не менее. Да, я видела его лицо.

— Описать его вы, конечно, не можете.

— Нет. Но если бы увидела его снова, то, возможно, узнала бы.

— Однако, может быть, это был капельдинер?

— Нет, точно не он. Нет, кто угодно, только не капельдинер. Не исключаю, что это даже была женщина. Сейчас у всех на слуху теракты с участием смертниц...

— Пожалуйста, не надо придумывать лишнего.

— Поверьте, господин Еннервайн, сначала я хотела что-то предпринять. Но все случилось слишком быстро.

Лицо наверху пропало. Оружие тоже. Пианистка играла какой-то драматичный пассаж. Инго наконец пробрался к своему месту, в самую середину ряда. Он еще раз оглянулся на меня... И вдруг сверху — р-раз! — кто-то падает! Человек с окровавленным лицом. Тот самый капельдинер... Он свалился прямо на Инго. Началась паника, люди вскакивали и разбегались, все произошло в считанные секунды! И я, каюсь, удрала. Сбежала куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого ужаса. Правда, чуть позже вернулась за ветровкой — ведь в ее кармане лежала бумажка с моим адресом.

— Вы сразу же поняли, что упавший сверху — это капельдинер?

— Нет, конечно, все произошло слишком уж стремительно. Но потом в газетах писали, что это был он. Однако все остальное журналисты чудовищно переврали.

— Слушайте, вы для меня настоящее сокровище! Однако, простите, если бы вы дали эти показания раньше...

— Да, я понимаю. Мне очень жаль, что так получилось. Но когда я увидела свое фото в

газете...

— Ваше фото?!

— Ну да, чье же еще. Вы видели громадный снимок на первой полосе сегодняшней газеты? На переднем плане человек с окровавленными руками, а на заднем — я...

Еннервайн не стал признаваться в своей невнимательности. И не только в своей: ведь этот снимок не вызвал вопросов ни у кого. Промолчал он также и о том, что не объявись «Гретель» сама, то ее вряд ли нашли бы. Теперь гаупткомиссар был у нее в долгу.

— Значит, описать лицо стрелка вы не можете. Ну а как насчет оружия? Сумеете определить?

— Это было какое-то необычное оружие. Особенно бросилась в глаза такая нашлапка впереди.

— А если я покажу вам образцы — сумеете вспомнить?

— В участок я не пойду. Я и так сделала немало.

«У этой женщины весьма своеобразные представления о гражданском долге», — подумал Еннервайн. Но делать было нечего, он набрал номер Николь Шваттке.

— Слушайте, Николь, выручайте, а? Я сижу тут в одном небольшом парке — подождите-ка... — на углу Оберкогелькопф- и Блахершпицхорнштрассе. Скажите Остлеру, пусть привезет вас сюда на машине. Захватите с собой ноутбук с выходом в Интернет. Да, да, попросите его у Марии. Только сейчас ни о чем меня не спрашивайте. Время поджимает, приезжайте скорее.

Через пять минут у скамейки стояла обескураженная Шваттке. Еннервайн сделал ей успокаивающий жест в стиле «потом-все-объясню» и знаком попросил подождать в машине. Он вошел во внутреннюю компьютерную сеть Управления уголовной полиции Баварии и начал листать раздел «Оружие стран мира», повернув ноутбук так, чтобы даме было удобно смотреть. Очень скоро она ткнула пальцем в одну из картинок:

— Вот!

— Вы уверены?

— Абсолютно, Именно на эту нашлапку впереди и необычную деревянную рукоятку я сразу обратила внимание.

Оружие, которое опознала «Гретель», оказалось не чем иным, как русским автоматом Калашникова — «АК-47», легендарным штурмовым оружием «родом» из Советского Союза. Значит, здесь все-таки замешаны русские.

В нейронных сетях Еннервайна образовалась новая связь. Его мозг сначала должен был привыкнуть к изменившейся ситуации. До того момента, как из тени вышла Габи Зильбермиллер, в деле все отчетливее прорисовались черты шпионского триллера пера голливудского сценариста:

ШАГ В ПРОПАСТЬ

Тамаридский тайный агент Абдул-Джамаль, действующий под кодовым именем Евгений Либшер, поднимается на чердак общественного заведения, чтобы произвести там манипуляции с USB-флеш-накопителем, на котором хранится суперсекретная информация, полученная от контактного лица (тайнственность: Кифер Сазерленд). Агенту необходимо либо спрятать этот предмет в тайник, либо, наоборот, вынуть его оттуда, чтобы передать связнику. В обоих случаях Либшер (вспыльчивость: Ричард Гир) проваливается сквозь дефектный пол чердака в зрительный зал. А может, то самое контактное лицо решило избавиться от него, столкнув вниз? Чертовски привлекательная молодая прокурор (сексапильность: Пэрис Хилтон) и только что официально расставшийся с супругой ведущий инспектор полиции (проницательность: Джонни Депп) начинают расследование...

Однако теперь, в свете запоздалых признаний свидетельницы, ситуация становится похожей на шванк сугубо местного, альпийского разлива:

ЛЮБОПЫТНЫЙ САКСОНЕЦ

Такого Евгений из славного города Вургвица совсем не ожидал: во всей округе не нашлось ни одной женщины, которая приняла бы его с распростертыми объятиями, и даже гостеприимная Резль Рознер указала ему на дверь после того, как он влез к ней в окошко. Но вот переселенец из Саксонии замечает в дыре под потолком концертного зала дуло автомата. Однако вместо того чтобы позвать опытного в таких делах Эгидиуса Кройцпайнтнера (владельца местной лесопилки и возлюбленного Резли Рознер), саксонец лично спешит вверх, стремясь помешать намерениям неведомого стрелка. В самом конце мастерски проведенной рукопашной схватки (под аккомпанемент цитры в исполнении Мельхиора Мухенханзеля-мл.) саксонский гшафтлхубер проваливается сквозь негодное перекрытие вниз, в зрительный зал — прямо на голову слушателя, садящегося на свободное место...

Когда Еннервайн переступил порог полицейского участка, Хёлльайзен сразу же доложил ему о звонке загадочной дамы.

— Ее зовут сеньора Кюрасао или что-то в этом роде. Нет, подождите-ка, я найду, где у меня записано поточнее. Вот: Консейсао Мария Эса де Кейрош, с тильдой над «а» у фамилии. Честно говоря, ума не приложу, как печатать протокол: у нас нет таких литер...

— Забудьте об этом, Хёлльайзен. Она назвалась вымышленным именем.

— Настолько сложное вымышленное имя я слышу впервые!

— Какое-нибудь банальное «Лизхен Мюллер» наверняка показалось бы вам

подозрительным. Кроме того, я уже поговорил с ней.

— Нет, подумать только! — Хёлльайзен хлопнул себя ладонью по лбу. — Неужели это была...

— Да, та самая женщина.

Сидя на парковой скамейке, окруженной плакучими ивами, Еннервайн и «Гретель»-Габи заключили небольшую сделку. Здесь, вне служебных стен, можно было немного нарушить ту холодную логику, которая властвовала в уличных ущельях городка Сеппеля [\[13\]](#). Суть сделки заключалась в том, что Габи Зильбермиллер (так вот почему на конце своего имени она предпочитала писать «ипсилон», а не «и» — ради более благозвучного сочетания с фамилией) еще какое-то время побудет в тени и оставит при себе свои содержательные наблюдения, особенно насчет автомата Калашникова, дуло которого высывалось из дырки в потолке зрительного зала. В свою очередь, Еннервайн пообещал, что не станет привлекать Габи в качестве официальной свидетельницы — по крайней мере до тех пор, пока она не уладит все щекотливые вопросы с супругом. После этого Габи охотно назвала номер своего мобильного и адрес, а гаупткомиссар пообещал ей держать эти данные в секрете. Собеседники встали и разошлись в противоположные стороны. Еннервайн направился к полицейской машине, где его ждали Шваттке и Остлер, а «сеньора Консейсао» растворилась в зелени парка.

Еннервайн закрыл дверь совещательной комнаты и рассказал своим онемевшим от изумления коллегам новые подробности, вскрывшиеся в деле «Эдельвейс» — в Мюнхене он узнал, что происшествие в культурном центре получило именно такое кодовое название.

— Ну почему «Эдельвейс»? — покачал головой Остлер. — Может, уж лучше сразу «Покорение вершин» или «Свечение Альп»? Мюнхенское начальство думает, что вся жизнь здесь крутится исключительно вокруг походов в горы.

— Но ведь это не так уж далеко от истины? — возразила Николь.

— Помню, у нас было дело под названием «Шпецле с сыром», — произнес Штенгеле на махровом альгойском.

— Bravo, как здорово вы чешете на диалекте! — восхитился Хёлльайзен.

— Да, но здесь это мало кому нравится. Вчера пытался сделать заказ в кафе таким манером, но официантка отвечала мне по-французски.

— Итак, автомат Калашникова, — напомнила Мария.

— Да, я с трудом в это поверил, но «Гретель»-Габи так точно описала оружие, причем еще до того, как я показал ей фотографии, что у меня не осталось никаких сомнений в ее словах. И для чего ей выдумывать? Я склонен доверять этой женщине.

— Значит, к флешке имеет отношение тот мистер Икс с автоматом, а не Либшер, — заключила Шваттке.

Еннервайн бегло помассировал виски.

— Итак, друзья мои, у меня созрел некий план. И для его реализации мне необходимо ваше согласие. Потому что действовать мы будем не совсем по букве закона, сразу вам говорю. Во-первых, я исхожу из того, что хозяин флешки предпримет попытку заполучить ее обратно. Вряд ли это изящный «кукиш» нам или кому-то еще — слишком уж хитроумно она была спрятана, слишком много усилий на это затрачено. Во-вторых, на данный момент владелец флешки еще не знает, что она обнаружена. Как вы насчет того, чтобы...

— ...демонстративно покинуть место происшествия и раструбить во всех СМИ, что

дело закрыто? — лукавым тоном подхватила Мария. — А самим затаиться и выследить того, кто придет за флешкой?

— Да, примерно по такому плану я и предполагал действовать, — кивнул Еннервайн. — Мы, образно выражаясь, с грохотом захлопнем папку с делом. Полиция со своей нехваткой персонала, как всегда, беспомощно шарила в потемках и ничего не смогла сделать. Неповоротливый бюрократический аппарат... и так далее, можно не продолжать. В то же время наша уважаемая полицейский психолог, тонкий аналитик аутоагрессивного поведения, госпожа Шмальфус...

Мария покраснела до ушей.

— ...подготовила подробный отчет, из которого мы узнали, что Евгений Либшер, тип с ярко выраженными суицидальными наклонностями, спрыгнул с балкона.

— Но в таком случае нам придется скрывать целый ряд результатов экспертиз, — возразил Беккер.

— Да, конечно, но ведь эта операция продлится недолго — дня два-три, не больше. Вы можете положиться на свою команду в таком случае, Беккер?

— Думаю, да. Но с чего вы решили, что мы уложимся всего лишь в два-три дня? Мне кажется, сидеть в засаде нам придется не меньше полугода...

— Нет, нет, до этого вряд ли дойдет. Завтра и послезавтра в культурном центре проходит небольшой симпозиум, два заседания, на которые приглашено много высоких гостей. Конечно, при таком стечении народа наш герой вряд ли появится, но мы обязательно выставим посты, на всякий случай. Но главное: в воскресенье состоится повторный концерт Пе Файнингер, и я абсолютно уверен, что этой возможностью проникнуть в здание хозяин флешки обязательно воспользуется.

— Неужели концерт можно организовать так быстро?

— Эта директриса, госпожа фон Бреннер, звонит мне каждый день по два раза, — сказал Хёлльайзен. — И спрашивает, когда же наконец можно открывать курзал. Стоит нам дать отмашку, как она развяжет мощную рекламную кампанию.

— А это бизнес-мероприятие, что проходит в ближайшие два дня, — разве его не отменили еще тогда, когда все завертелось?

— Нет, не отменили, просто перенесли к австрийским соседям, в Зефельд и Шарниц. Австрийцы держат пари, что тут, на немецкой земле, ничего не получится. Однако гости размещены в здешних отелях, и им было бы гораздо удобнее никуда не ездить.

— Почему же вы хотите выставлять посты, а не ограничиться видеонаблюдением? — поинтересовался Хёлльайзен.

— Слишком ненадежно, — ответил Еннервайн. — Наш «приятель» весьма сообразителен и сразу же заметит камеры.

— Но если их установлю я, то не заметит! — проворчал Беккер.

— Если я правильно вас понял, шеф, — высказался Остлер, — вы считаете, что нужный нам человек не упустит шанса проникнуть в курзал во время воскресного ажиотажа. При этом не исключено, что он может в открытую купить себе билет в кассе.

— Да, это я тоже имел в виду с самого начала. Ведь наш план сработает лишь в том случае, если этот человек будет чувствовать себя в полной безопасности. Информационный поток на курорте очень плотный, люди бесконечно обсуждают и перемалывают все новости, и мы должны этим воспользоваться. Остлер и Хёлльайзен, вы наверняка знаете, где и как можно элегантно пустить дезу?

— Естественно, что за вопрос? — кивнули оба коренных жителя, ухмыляясь, словно озорные мальчишки. — Для этого надо всего лишь зайти в булочную.

— Хорошо. Мария, а вы накрутите посильнее историю с самоубийством и подготовьте подробный отчет для прессы.

— Можете считать, что такой отчет у вас уже почти в кармане.

— Беккер, вы просто бесподобно выступали на прошлой пресс-конференции! Наверное, вам стоило сделать карьеру политика.

— Из-за моей выдающейся внешности?

— Из-за умения давать уклончивые ответы! Прошу вас, пожалуйста, выступите и на ближайшей пресс-конференции. После этого ваша главная задача — снова положить флешку туда, где вы ее обнаружили, и уничтожить все признаки поиска следов.

— О'кей, чердак будет выглядеть так, словно туда никогда не ступала нога человека.

— Шваттке, когда Беккер сделает свое дело, проинформируйте руководство культурного центра, что оцепление со здания снято и можно работать в штатном режиме. Штенгеле, вы отвечаете за организацию засады в целом.

— Что конкретно мы будем делать?

— В ближайшие трое суток ведем в здании наблюдение. Естественно, секретное, в штатской одежде, смена — от полуночи до полуночи. Еду и зубные щетки приносить с собой. Ни один человек, даже рабочий по зданию, не должен обнаружить нашего присутствия. Кто выходит первым, с сегодняшней полуночи до завтрашней?

Остлер поднял руку.

— А кто пойдет завтра? Там, в зале, пройдет заседание профессионального общества офтальмологов. Думаю, интересно будет послушать.

— Вторыми? Хорошо, — вызвались Николь Шваттке и Людвиг Штенгеле.

— А как быть с мобильной связью?

— Слишком привлекает внимание. Станем общаться через эсэмэски.

— А кто будет сидеть в засаде в воскресенье?

— Ну кто, как вы думаете? Первый среди охотников, знатный расстановщик ловушек и капканов, непримиримый борец с мировым злом: Гу-бер-тус...

— Еннервайн! — возопили все хором, будто футбольные болельщики на стадионе.

— А теперь мы двинем в горы, — объявил гаупткомиссар.

— Что-что?

— Лично я не против небольшой горной прогулки. Кто хочет со мной — прошу! Никто? Ну ладно, тогда я иду один.

Одно из стереотипных представлений о преступном мире заключается в том, что лихие люди якобы вершат свои темные делишки по ночам или по меньшей мере в полутьме сумерек. Во многих случаях это даже соответствует истине, однако опытные злоумышленники, всем сердцем преданные делу нарушения закона, все-таки предпочитают орудовать в определенное время суток. Статистика показывает, что наиболее смелые преступные замыслы воплощаются в три часа дня, и эта тенденция только усиливается. Таким образом, в промежутке между послеобеденным кофе и ужином случается очень многое: взломы, фальсификации, кражи, растраты, грабежи и вымогательства — все, что хочешь, и в чрезвычайных масштабах. Ведь три часа дня (обратите внимание, сколько безмятежности в этих словах!) — тот самый момент, когда честные труженики переводят дух и блаженно откидываются на спинки офисных кресел. Они совершенно не ожидают от своих нечестных антиподов, что те пойдут надело в столь благословенный час. Именно на это и рассчитывает «гомо криминалис».

Таким образом, прием и передача нелегального груза для Гразеггеров всегда происходили после обеда. Ровно в пятнадцать ноль-ноль особый курьер из Сицилии спускался по косогору, где не было проторено ни одной постоянной тропы. Сицилиец продвигался медленно и осторожно, ему то и дело приходилось подбрасывать повыше на плечо свою громоздкую ношу. Вниз по этому склону он пробирался далеко не в первый раз. Доставлять сюда грузы было одно удовольствие — чистый, пряный воздух, дородные красавицы горы, приветливые жители долины... Благодать, да и только. Несколько лет назад посланец с Сицилии занимался доставкой исключительно по ночам, однако в конце концов было решено, что лучше всего проворачивать такие дела среди бела дня. Пятнадцать ноль-ноль — как раз подходящее время для незаконной транспортировки трупов, ведь в эту пору по лесу на склоне горы еще не бродят влюбленные парочки, не бегают навстречу инфаркту запыхавшиеся спортсмены-экстремалы, и ни один любитель пеших прогулок не отклоняется от туристического маршрута, проложенного на плато Крамер. И лесоводы с лесорубами в этот час тоже сравнительно безопасны: они лишь бродят вокруг с громким хохотом и криками, перемежаемыми пронзительным визгом циркулярных пил. Грибники усаживаются под какое-нибудь дерево и с аппетитом перекусывают бутербродами, а старого доброго лесника, воспетого Вильгельмом Бушем, прочесывающего лес с умной служебной собакой, воспетой Людвигом Гангхофером, давно уже не существует. Никем не потревоженное одиночество в зарослях папоротника! Зов джунглей! Девственные райские кущи из хвойных! Сицилиец и в самом деле охотно бывал в этих местах. Он отер со лба пот: день был жарким, что ощущалось даже тут, в тенистом, одичалом еловом бору. Вдруг послышалось потрескивание ветвей — кто-то тоже спускался по косогору.

Свобода встретил партнера как обычно, ровно на полпути, едва получив эсэмэску о новой поставке. Он взял мертвое тело, завернутое в несколько слоев толстой пленки, какую используют для устройства декоративных бассейнов, и положил его в тележку, поджидавшую точно посередине склона. В воздухе носились ароматы трав, свежих ягод — может быть, рябины? Или белладонны? Иногда гость с Сицилии спускался с горы вместе с Карлом — выпить рюмочку шнапса или кружку пшеничного пива, закусив искусно

нарезанной редькой. Но сегодня он отверг предложение.

— Мне надо проверить еще одно такое же дельце, понимаешь?

— Понимаю. Сообщи мне параметры этой поставки.

— Шестьдесят семь лет, шестьдесят два килограмма, рост метр семьдесят, мужчина, полная комплектация, без приложений, наличный расчет.

Свобода аккуратно записал данные в блокнотик. Сицилиец протянул ему пухлый конверт. Пересчитывать деньги не было нужды — давние партнеры доверяли друг другу.

— Только, слышишь, я вытащил оттуда тысчонку. Моей собаке на новый ошейник.

Свобода изогнул брови в немом недоумении.

— Шутка.

— Ах вот как!

Они сердечно распрощались, и Свобода повез тело безымянного мужчины в полной комплектации вниз, по оставшейся половине косогора. Укрепленный дорожный серпантин заканчивался у черного хода в дом Гразеггеров. За дверью начинались служебные помещения, и прежде всего просторный холодильный склад с несколькими морозильными камерами, предназначенными на тот случай, если вдруг не удастся сразу же найти подходящую могилу на «четырёхзвездочном» кладбище.

— Ну-ка, покажи хоть, каков он из себя?

С этими словами в помещение вошел Игнац. Свобода развернул пленку, и синьор Анонимо, одетый лишь в темно-синие плавки, предстал перед ними во всей своей красе — южный загар, черные крашенные волосы, их живописная прядь, упавшая на лоб. И даже темные очки находились на своем законном месте.

— Найдется у вас в ближайшие дни компания для него?

— Пока не знаю, — покачал головой Игнац. — Надо спросить у супруги.

Свобода склонился над маленьким отверстием от пули на груди мертвеца.

— Высокий класс! — сказал он в восхищении. — Рука настоящего снайпера. Вижу, он постарался, чтобы пуля не прошла навывлет. Никакого выходного отверстия у раневого канала, никаких следов. Или по крайней мере почти никаких. Bravo!

— Бог ты мой! К нам что, теперь привозят прямо с пляжей? — не поверила своим глазам Урзель, тоже появляясь в холодильном отделении.

— У нас есть похороны в какой-нибудь из ближайших дней? — спросил у жены Игнац.

— Нет. Положи его пока в морозилку. Знаете что? Я побывала в городе, послушала, о чем говорят люди. Можно услышать такие интересные вещи...

Игнац засунул синьора Анонимо в морозильник, затем вся компания отправилась наверх, на террасу, и вскоре расселась за обеденным столом. Игнац усиленно изображал из себя умеренного в еде. Когда отшумели охи, вздохи и прочие возгласы изумления, он сдержанно сообщил:

— Смею вам предложить небольшое угощение. Я очень старался.

Он торжественно водрузил на деревянный стол массивную сковороду, выкованную вручную, — ни дать ни взять палеозойской эры. Если потрянуть ее за ручку, в ней начинали колыхаться, казалось, миллионы искрящихся и блестящих шариков — будто легендарный «первичный бульон», в котором когда-то зародились процессы эволюции.

— Что это? — поинтересовался Свобода с набитым ртом.

— Хоба, — пояснил Игнац. — Особое блюдо, которое готовят только в наших местах, в Верденфельдском районе.

— Вкуснятина, — причмокнул Свобода. — Из чего оно? Из картошки?

— Да, — кивнул Игнац. — Только сразу тебе скажу: рецепт этого блюда — тайна.

— Простите, но я немного помешаю вашей милой беседе, — сказала Урзель предельно серьезным тоном бизнес-леди. — У меня довольно интересные новости.

— Ну давай, выкладывай.

— Я заходила на почту и в мясную лавку, к самым знатным сплетницам округа, и, представляете, ни одна из них не могла сказать ничего нового. Но потом! Потом я побывала в булочной. И там узнала, что знатоки из Мюнхена сматывают удочки!

Мужчины удивленно присвистнули.

— Да, расследование прекращается — якобы вины сторонних лиц в происшествии не выявлено, и поэтому особая следственная бригада возвращается в столицу. Завтра культурный центр снова заработает как обычно, а в воскресенье вечером там состоится концерт. Снова играет та скандальная пианистка Файнингер, ну, вы знаете.

Да, по меньшей мере Игнац знал, что это за птица. Кстати, в тот роковой вечер Гразеггеры тоже должны были сидеть в концертном зале, но уступили свой абонемент супругам Доблингер, проявившим себя впоследствии такими пугливыми.

— Но ведь это замечательно! Значит, нам не о чем больше волноваться, — обрадовался Игнац.

— И тем не менее слишком расслабляться тоже не стоит. Нам повезло, и надо использовать этот случай. Я хочу сказать, что следует забрать флешку и подыскать какое-нибудь новое укромное местечко для ее хранения. Не нужно искушать судьбу.

— Да, полностью поддерживаю, — согласился гость Гразеггеров. — А можно мне еще немножко этой хо... ха... хабы? Просто безумно вкусно.

— У тебя ужасное произношение, Свобода. Звук «о» в слове «хоба» — это вовсе не «а», а нечто среднее между «о» и «а». Примерно как в английском слове «war». Это лойзахтальское «о», видишь ли, какая штука.

Свобода сделал несколько попыток произнести название блюда как полагается, но все они оказались безуспешными. Урзель покачала головой.

— И вот еще что, Свобода. По городу бродят слухи о каком-то типе в баварском костюме, который стремглав промчался через всю пешеходную зону в центре, а легавые — за ним. Говорят, они засекли его на крыше курзала, затем началась погоня...

— Ну и как, поймали? — с набитым ртом спросил Карл.

— Нет. Он перепрыгнул через навозную кучу во дворе Якелебауэра и был таков.

Озабоченно наморщив лоб, Игнац смерил гостя пристальным взглядом:

— Слушай, Свобода, что ты творишь? Зачем вляпываешься в такие рискованные затеи?

Пройдоха искренне оскорбился:

— Ты что? Это был вовсе не я, ей-богу! Бегать наперегонки с полицией? Смешно. Детские забавы какие-то. Я уже вышел из этого возраста.

Урзель с Игнацем не то чтобы поверили его оправданиям, но в целом тон Свободы показался им довольно искренним.

— Ну ладно. Что нам теперь делать? Добывать флешку?

— Да, заниматься этим придется в любом случае. Но только не завтра. Вот в воскресенье как раз будет удобный момент — повторная гастроль пианистки.

— Но тогда мы в ближайшее время не сможем брать новых заказов.

— Вы правы, — кивнул Свобода и принялся звонить по мобильному. Его деловой

партнер сразу же взял трубку. — Нет-нет, все в порядке, не стоит беспокоиться, — произнес Свобода на таком итальянском, от которого сильно отдавало восьмым кварталом Вены. Например, слово «assassinare» в его устах походило на пять нетрезвых воплей из заздравных песен, исполняемых в тех йозефштадских ресторанчиках, где подается вино последнего урожая. — Нет, помощи никакой не требуется, я просто хочу сказать, что нужно немного повременить с новыми поставками, пока на курорте не уляжется суматоха. С кладбищем все нормально. Исключительно ради предосторожности наши компаньоны поместили три последних единицы на временное хранение — до тех пор, пока из городка не выветрится лишняя полиция. А в остальном все отлично, ситуация под контролем.

Свобода попрощался, захлопнул свой мобильник-раскладушку и обнадеживающе подмигнул Гразеггерам.

Мужчина «на другом конце провода», как выражались в прежние времена, тоже положил трубку.

— Флавио, поезжай туда и погляди, что случилось, — сказал он на таком итальянском, в котором ощущался скорее уличный диалект палермского района Веспри, чем дыхание венских кварталов.

* * *

По утренней росе двинем в горы, фаллера!

Внезапно с улицы донесся шум, веселый, непринужденный, отдаленно похожий на пение. Урзель встала и внимательно взгляделась в происходящее за окном. Улица, на которой находились владения Гразеггеров, брала свое начало в самом центре города и была своеобразным мостиком для прогулок в горы.

Зеленеют леса, вершины гор, фаллера!

Вот и теперь мимо их дома проходила шумная компания туристов, горланя подходящие случаю песни, например, вот эту, народную. На первый взгляд могло показаться, что это корпоративная вылазка сотрудников какой-нибудь небольшой фирмы. Первой шагала длинноногая девушка в очках — наверное, секретарь? Затем шел коренастый мужчина с оттопыренными ушами — скорее всего заведующий складом или водитель шефа. Они выглядели заправскими туристами, все эти люди: и невысокая крепкая женщина, и долговязый простак, и мужчина с абсолютно невыдающейся, среднестатистической внешностью, замыкавший процессию, — возможно, бухгалтер организации. Урзель не сразу разглядела в этом сборище знакомые лица — Иоганна Остлера и Франца Хёлльайзена. Местные полицейские шагали в самой гуще толпы, увлеченно размахивая руками, — как видно, роль гидов была им как раз по душе.

— Логично предположить, — заметил Игнац, — что это прощальная экскурсия той самой особой следственной бригады.

— Сакра! — в ужасе прошептал Свобода и юркнул в глубь балкона, готовый в любой момент рвануть вверх по склону, перевалить через гору Крамершпиц и скрыться в направлении Тироля или в каком угодно другом, лишь бы подальше отсюда. Игнац и Урзель повели себя не в пример спокойнее. Супруги облокотились на балконные перила, сердечно приветствуя проходивших мимо полицейских, как сделал бы на их месте любой местный житель — вежливый и общительный, знающий толк в горных прогулках.

— Ну, и куда же вы направляетесь? — крикнул Игнац с высоты балкона.

Полный состав Четвертой комиссии по расследованию убийств как по команде задрал головы, и из мозжечков обоих супругов произошел мощный выброс гормонов страха, с бульканьем устремившихся вниз по позвоночному столбу.

— А, будь здоров, Игнац, будь здорова, Урзель! — крикнул им Остлер. — Куда мы идем? Да вот, решили забраться на Штепберг, погулять по горному лугу! — громогласно пояснил он через всю улицу. — Наши коллеги из Мюнхена желают полюбоваться нетронутой природой!

— Самое время для этого, — двусмысленно отвечал Игнац. — Будь мы помоложе, тоже натянули бы крепкие ботинки и присоединились к вам!

— И за чем же дело стало? Возраст тут ни при чем!

— Нет уж, спасибо. Однако передайте от нас привет хозяйке закусочной, той, что наверху! От всей души желаю вам приятного аппетита! — добавил Игнац, ведь на стоянке для туристов, куда предстояло добраться этой компании, делали отменный шмаррен по-королевски^[14]. Превзойти тамошнюю повариху мог лишь один человек на свете — сам Игнац.

— В добрый час! — в свою очередь, пожелала Урзель.

Группа из двенадцати человек, мощный государственный кулак из Незнающих, Неведающих, Недогадывающихся, прошагала в нескольких метрах от гразеггеровского дома, в дальней части которого хранился в холодильнике синьор Анонимо с аккуратной огнестрельной раной в груди. А у фасада здания случилось то, что должно было случиться: взгляды Губертуса Еннервайна и Игнаца Гразеггера встретились — на какие-то мгновения, на секунду, но тем не менее. Мужчины приветливо кивнули друг другу.

— Пошли, пошли быстрее! А то нам не достанется ни крошки шмаррена!

Остлер и Хёлльайзен захлопали в ладоши, подгоняя своих экскурсантов, и те продолжили путь.

Ведь в Судный день вы вычистите ружья,
Покаетесь во всех своих грехах,
Затем подниметесь на гору дружно,
Где Люцифер сурово встретит вас!

На этот раз они запели другую известную песню, фальшивя до того сильно, что чей-то золотистый ретривер, увязавшийся было за ними из любопытства, заскулил и заполз в кусты. Поющие полицейские бодро шагали дальше и скоро пропали из виду. Гразеггеры переглянулись. Их била нервная дрожь, они чувствовали себя так, словно их колесовали. Вся дневная потребность их организмов в гормонах была покрыта с лихвой. Супруги снова расположились на террасе, недоступной взглядам случайных прохожих с улицы.

— Ф-фу, теперь я бы не отказалась от рюмочки шнапса, — выдохнула Урзель.

— Но ведь это же уму непостижимо! — удивлялся Свобода. — Такая бешеная прорва ищек, и целых три дня не могут разобраться с мелким происшествием! На что только идут наши налоги?

— Можно подумать, ты их платишь!

— Но тем не менее непорядок, согласитесь.

— Слушай, а тебе обязательно надо было сжирать всю сковороду хобы, стоило нам только отвернуться?!

— Ладно, не ругайте меня, это я с перепугу!

Гразеггеры и Свобода сидели на террасе, наслаждаясь теплом вечернего солнца. Они принимали решения и чокались за удачу предприятия. Свобода пришел в благодушное настроение, в котором вполне мог отвечать на вопросы, поэтому Игнац спросил:

— И где же в наше время берут отпечатки пальцев итальянского министра иностранных дел?

— Ох, Игнац, и знаешь же ты, когда прицепиться с расспросами — после пол-литра вина! Ну почему ты такой упрямый?

— Давай-давай, выкладывай!

— Видите ли, итальянский министр иностранных дел служил когда-то заместителем министра, а раньше был депутатом из провинции, а еще раньше — временно исполняющим обязанности краевого отделения партии, а до того — простым партийцем, который обедал в обычной трагтории и пил вино из стеклянного бокала.

— А что дальше?

— Вот оттуда-то и растут ноги. То есть отпечатки пальцев итальянского министра.

— То есть...

— Эта особая услуга существует на черном рынке уже давно. Мы стартовали с ней в Австрии, Германии и Италии, затем охватили остальные страны Европы. Завербовали целый ряд официантов, барменов, уборщиц, посудомойщиц, которые собирают отпечатки пальцев тысячами — и какие-то из них вполне могут когда-нибудь пригодиться. Вот так все просто.

Все снова замолчали. Так вот, значит, почему отправили в отставку немецкого министра и неожиданно для всех прекратили производство по делу, возбужденному против чиновника. Деловые партнеры приняли несколько новых перспективных решений, выпили еще вина и пива. Потом полюбовались в бинокль на разноцветные купола парапланов, парящих над крупноволокнистым скалистым мясом Цугшпитце.

— Значит, решили прогуляться по горе Штепберг! Ну-ну. Если теперь прокрасться за ними потайной тропой, то можно поголовно истребить целый отряд полицейских!

Троица от души расхохоталась. Остаток вечера прошел в блаженном спокойствии. Наблюдение за изящными маневрами парапланов, стартовая площадка для которых находилась на вершине горы Остерфельдеркопф, доставило Гразеггерам и их гостю немало приятных минут. В конце концов Урзель с Игнацем отправились на традиционную прогулку в центр городка, чтобы сфотографироваться перед газетным киоском.

Еннервайн с трудом выпутался из старого театрального занавеса, едва позволявшего ему шевельнуться. Снял пиджак и осторожно положил служебный пистолет и портмоне рядом с собой, на пыльный пол. Потом снова закутался в плотную ткань. Оружие у него наготове, вот оно, тут, под рукой. Теперь гаупткомиссар чувствовал себя гораздо лучше. Наверху было жарко и душно, солнце безжалостно наяривало по чердаку, нагревая его, будто теплицу. Наконец внизу раздалось негромкое пир-ри-ли-пи — значит, концерт начался. Подчиненные Еннервайна, небольшая оперативная бригада «Три Ш» (Шваттке, Штенгеле, Шмальфус), по официальной версии давно отбывшая в Мюнхен, распределились по зданию и ждали в условленных местах. Вдобавок на балконе сидели Беккер и еще несколько экспертов-криминалистов — Еннервайн не подозревал, что эти люди интересуются фортепианной музыкой эпохи романтизма. Остлер и Хёлльайзен, знающие местность как свои пять пальцев, бродили вокруг культурного центра, ведя наружное наблюдение.

Пирр-пирр-пю-рю-лю-пю... Здесь, в засаде, лежал предводитель охотников, умелый установщик капканов и знатный ловец негодяйчиков в баварских костюмах. Он замер под толстым занавесом, обливаясь потом и беззвучно ругаясь. Пирр-пирр... Губертус закрыл глаза. Необходимо было сконцентрироваться на том, что ждало его здесь, на чердаке. Он пытался абстрагироваться от доносившейся снизу музыки и чутко прислушивался к остальным звукам. Потрескивание деревянных деталей. Щебетание птиц на крыше. Отдаленный шум автомобилей. Еще — собственное дыхание, глухой шорох занавеса. Еннервайн готов был поспорить, что владелец флешки уже находится в здании — возможно, даже сидит в зрительном зале, дожидаясь момента, когда музыка будет особенно громкой. Тогда он осторожно встанет, проберется к выходу и поднимется сюда. В таком случае Еннервайн должен получить эсэмэску от Штенгеле. Однако может случиться так, что незнакомец спрячется в каком-то другом уголке здания. Это контролирует Николь Шваттке, затаившись неподалеку от входа на чердак. Если кто-нибудь придет с той стороны, она также пошлет эсэмэс. До сих пор никаких сообщений не поступало. Еннервайн терпеливо ждал.

Пири-ли-пу. Хотя гаупткомиссар отчаянно пытался сосредоточиться на «местных» звуках, ему это никак не удавалось. Его мысли неуклонно возвращались к коллективному восхождению на Штепберг, предпринятому несколько дней назад. Незабываемая прогулка при великолепной погоде. В кафе на высокогорном лугу коллеги отведали отменного шмаррена по-королевски, а специалист по акустике развлекал их тем, что простукивал своим молоточком разные деревья и называл их возраст. И опять Еннервайн не решился посвятить Марию в свою тайну. Либо у него просто не хватило духу, либо день был слишком прекрасен для таких признаний с далеко идущими последствиями. Кроме того, Хёлльайзен рассказывал одну историю за другой. Пир-рили-пи! О курорте и о разных знаменитостях, которые здесь бывали. Так, в 1969 году на площади перед этим самым концертным залом произносил предвыборную речь Гюнтер Грасс, и отец Хёлльайзена ради такого случая отпросился со службы. После мероприятия мужчины собрались в пивной «У рыжей кошки», и писатель, несмотря на поздний час, заявил, что голоден. Он пожелал отведать чего-нибудь типично баварского, и Хёлльайзен-старший повел его в родительскую мясную лавку, чтобы угостить белыми колбасками. Бабка Хёлльайзена-младшего не слишком-то обрадовалась неожиданным

гостям, но, несмотря на полуночный час, встала к рабочему столу, набила фаршем и отварила несколько свежих колбас. Будущий нобелевский лауреат попросил ее перечислить национальные баварские святыни. Ими оказались: пленка от телячьих мозгов, вареная телячья головизна, свиные кишки, отбитые молотком сухожилия, кости, жировая ткань и, пожалуй, вяленое вымя. Грасс, большой любитель всяческих неаппетитных описаний, в том числе кулинарных, пришел в восторг и скрупулезно все записал. «Отлично, именно это мне и надо», — сказал мэтр. С тех пор семейство Хёлльайзенов прилежно покупало все новинки Гюнтера Грасса, надеясь встретить в них историю про белые колбаски, но их ожидания до сих пор так и не оправдались.

Еннервайн усмехнулся. К этому моменту находиться под плотным занавесом стало просто невыносимо, пот катился с него бойкими ручейками. Комиссар ощущал себя последней колбаской в котле, которую больше никто не хочет, переваренной до негодного состояния. Однако вдруг — чу! — послышались чьи-то шаги. Еннервайн встрепенулся и замер в напряжении. Затем медленно повернул голову в том направлении, откуда доносился новый звук. Там между деревянных стоек прошмыгнула чья-то тень — беззвучно, не вызвав ни малейшего скрипа негодных досок. Судя по всему, этот человек бывал здесь не однажды и знал территорию как свои пять пальцев. А может, он профессиональный лазатель по чердакам и крышам? Еннервайн затаил дыхание. Тень целенаправленно подбиралась к тому месту у продольной стены, где был обнаружен тайник с флешкой. Еннервайн сердился на себя за невнимательность: ведь никаких признаков того, что незнакомец приближается к чердаку, он не уловил. С предельной осторожностью выудив из кармана телефон, Еннервайн посмотрел на дисплей. Ни одного сообщения! Ни от Николь, ни от Штенгеле — пусто. Значит, пришелец проник сюда не через дверь, а скорее через слуховое окно на крыше. Однако так беззвучно?.. Еннервайн сразу же вспомнил о пресловутом беглеце в кожаных шортах, движения которого тоже были ловкими, как у кошки.

Он наблюдал, как чужак осторожно вынимает флешку из тайника и приподнимает ее повыше, чтобы получше разглядеть в полутьме. И вдруг у Еннервайна снова перехватило дыхание: на арене появился второй! Подкравшись к первому типу сзади, он жажнул того по голове каким-то маленьким черным предметом! Первый мешком повалился на пол, второй нагнулся и вынул из руки упавшего заветную флешку. Еннервайн вытянул руку и стал шарить по полу в поисках пистолета. Где же он... Черт! Шорох, раздавшийся при этом, заставил более удачливого из двух незнакомцев замереть на месте.

По спине Еннервайна пробежал противный холодок. Совсем неподалеку стоял подозрительный тип и в упор глядел на него. Их разделяли считанные метры, при этом рука незнакомца была слегка отведена в сторону и сжимала оружие. Еннервайн прищурился, приглядываясь изо всех сил к этой фигуре. Нет, он не ошибся: человек неподвижно стоял, широко расставив ноги, и держал пистолет, направив дуло к полу под небольшим углом. Без сомнения, засада обнаружена, но почему вооруженный молодчик ничего не предпринимает? Все стоит и стоит не шелохнувшись, что это значит? «Наверное, просто всматривается в темноту и прислушивается, стараясь определить характер звука. Еще немного подожду, а потом отправлю эсэмэску», — подумал Еннервайн. Пир-ри-ли-пи-пом-пом. Незнакомец так и замер в оцепенении.

— Лежать спокойно, не двигать руками!

Проклятие! Голос, вернее, шепот раздался не оттуда, где, казалось бы, стоял

незнакомец, а совсем рядом с Еннервайном, у самого его уха. Значит, молодчик уже давно ушел с прежнего места и находится совсем не там, где чудилось Еннервайну, а прямо за его спиной. Опять припадок! Вот дьявольщина! Как назло, в самый неподходящий момент! Гаупткомиссар хотел сказать что-нибудь успокаивающее, убаюкивающее, умиротворяющее — но в следующее мгновение к его горлу прижался холодный металл.

— Бросьте телефон и лежите смирно!

Незнакомец говорил шепотом. Сообразительный, однако, — не спешит выдавать тембр своего голоса. Он произносил слова нарочито отрывисто и отчетливо — да, ничего не скажешь, подкован: ведь по такой речи невозможно распознать ни акцента, ни диалекта, нельзя определить ни возраста, ни пола говорящего. Затем раздалось шуршание. Преступник что-то вертел в руках, похоже, рылся в своей сумке. Что он намерен делать? Снизу послышалась бурная овация, и дуло пистолета прижалось к шее Еннервайна еще крепче. Еннервайн разжал пальцы, и телефон упал.

— Что вам нужно?

— Мне нужно, чтобы вы не трепыхались и лежали спокойно.

Противник продолжал говорить шепотом, и ситуация от этого становилась только напряженнее.

— Слушайте, — прохрипел Еннервайн, — ваша флешка уже ничто, мусор, мы все скопировали.

Злоумышленник засмеялся.

— Вы не уйдете отсюда, везде расставлены посты...

Человек засмеялся еще бесстыднее, он смеялся как будто бы шепотом, блеющим шепотом, так и не выдавая своего истинного голоса: «Хх-хх». Затем прижал оружие к горлу Еннервайна еще сильнее, и тот закрыл глаза, чтобы ничто не мешало думать. Музыка в зале звучала фортиссимо, за спиной руководителя следственной бригады лежало служебное оружие, совершенно бесполезное в этот момент. Еннервайн снова открыл глаза — треклятый фантом незнакомца так никуда и не исчез: силуэт виднелся у продольной стены и даже стал еще ярче и контрастнее. «Напряги же все силы, ну! — приказал себе гаупткомиссар. — Посмотри внимательнее, соберись. Что за оружие у него в руках? Твой служебный пистолет или что-то другое? Ну давай, поднажми, постарайся!» В его голове толкались разные посторонние мысли, однако каким-то чудом он все же сумел сфокусироваться и разглядеть самую маленькую деталь иллюзорной картинки. Это был «хеклер-унд-кох»! Его собственный, незаряженный, безобидный «P10»! Именно его дуло — с огромной вероятностью — вжималось в горло гаупткомиссара. Вероятность приближалась к стопроцентной. Нет, пожалуй, рано прощаться с жизнью! Еннервайн услышал, как противник снимает пистолет с предохранителя, и отважился дать отпор.

В мгновение ока Еннервайн изогнулся и попытался перехватить оружие. В этот момент раздалось противное «клак!» — намерения у его визави были совершенно серьезные, он обязательно выстрелил бы. Но тут бандит понял, что пистолет не заряжен, и отшвырнул его в сторону. «Хеклер-унд-кох» упал на пол с грохотом — неужели этого не слышат в зрительном зале? Еннервайн закрыл глаза, ему не оставалось ничего другого, как приближаться к противнику вслепую. Взмахнув руками, он не поймал ничего, кроме куска ткани, который тут же выскользнул снова. Еще одна попытка... Опять пусто. Последний заход — и на этот раз ему все-таки удалось поймать несостоявшегося стрелка, но лишь на какое-то мгновение.

Худой, не слишком-то мускулистый — легкий вес, как сказали бы спортсмены, и ростом не вышел... «Женщина!» — мелькнуло в голове у гаупткомиссара. До этого момента он был уверен, что перед ним мужчина. Конечно же, темная личность заметила, что ее противник ведет себя неадекватно: делает отчаянные хватательные движения, нацеливаясь явно не туда, куда нужно. Несколько торопливых скачков — и тень уже далеко, вне зоны досягаемости. Тишина. Наконец откуда-то со стороны до Еннервайна донесся какой-то звук — негромкий, не слишком выразительный, однако показавшийся ему очень знакомым. Эдакий не то шорох, не то кручение или верчение с еле уловимым поскрипыванием — все это он много раз слышал на тренировках с оружием. Это был звук прикручиваемого к пистолету глушителя.

Пумм-пумм-прилл! Внизу неистово гремел рояль, и никто не услышит крика. Надс поскорее убежать отсюда, может, последний шанс на спасение все-таки остается? Ощупью, наугад Еннервайн направился к выходу с чердака, сделал шаг, другой... И вдруг споткнулся, потерял равновесие и упал на хлипкую половицу. Та спружинила и сдвинулась, лишая его опоры. Мгновение — и Еннервайн по бедра провалился в пустое пространство между полом чердака и декоративным потолком зрительного зала. Приподняв ногу, чтобы выбраться оттуда, он вдруг услышал: «Пффт!» Это был выстрел из пистолета с глушителем, однако достаточно громкий, чтобы его уловили внизу. Еннервайн почувствовал острую боль в бедре, усиливавшуюся с каждой секундой. Слепое ранение? Или все-таки сквозное? Губертус сделал неловкую попытку выпрыгнуть из ямы боком. Но ничего не вышло. Негодные доски проломились под его весом, как лед у краев полыньи.

— Ну, или так! — прошептал невидимый противник, судя по всему, подошедший ближе. Еннервайн почувствовал не то пинок, не то удар, отнимающий у него последние силы удерживаться в этой дыре. Он кое-как держался, судорожно уцепившись за какие-то выступы, но одна его нога все же пробила декоративный потолок насквозь.

Что тут началось! В зале разразилась неопишуемая паника. Никто из посетителей концерта не рассчитывал на повторение тогдашнего ужаса. Люди шли сюда безо всякого страха, к тому же перед повторным выступлением Пе Файнингер особо подчеркнула, что никаких провокаций сегодня не будет — из соображений хорошего тона. Поэтому зрители были абсолютно не подготовлены к появлению мужской ноги из внезапно образовавшейся пробоины в потолке. Зрители, сидевшие непосредственно под этим местом, с невероятной прытью ринулись в проходы. Бегущие падали, увлекая за собой ближних, а у дверей образовалась такая жуткая давка, что едва ли хоть кому-то удавалось выскочить наружу. Не меньший кошмар творился и на балконе. В считанные секунды толпа оккупировала все выходы, и лишь немногим счастливым удалось с ходу вырваться в фойе.

Еннервайн получил сильный удар в лицо. Перед его глазами все еще стояло фантомное изображение мужчины с широко расставленными ногами. Он больше ничего не видел и не понимал, что конкретно произошло — то ли его ударил незнакомец, то ли он сам ударился о балку? Но раздумывать было некогда — он неумолимо проседал вниз, раненный и, можно сказать, слепой, и отделочная пластинка, некоторое время еще служившая ему опорой, вдруг оторвалась с одной стороны. Еннервайн провалился еще сильнее и висел, держась руками уже не за балку, а за само декоративное покрытие. Он слышал истошные вопли, раздававшиеся по всему периметру зала, — люди, понятно, ударились в бегство. Шум стоял просто адский, волнообразно откатываясь и набегаая вместе с очередным приступом

массовой паники. Вскоре Еннервайн ощутил, что тоненькие, ненадежные гвоздики («Бери что подешевле, это всего лишь времянка!») медленно отходят от основы. Он чувствовал, что продержится совсем недолго, оставалось лишь неясным, добьет ли его противник последним ударом «из милости» или придется висеть тут, пока не оставят силы, а потом камнем свалиться вниз.

И тут раздался чей-то громкий голос, пробивающий брешь в плотной шумовой завесе. Уверенный, мощный, он подействовал на людей успокаивающе, и многие, услышав его, сразу же перестали вопить.

— Дамы и господа, прошу без паники! Спокойно! Вы — вне опасности! Выполняйте мои команды.

Этот голос, в котором звенел металл, явно принадлежал человеку, привыкшему отдавать приказы. Такими интонациями должен блестяще владеть каждый офицер, каждый чиновник, от которого зависят важные решения, например, обер-бургомистр города с более чем десятиmillionным населением. Но это был никакой не бургомистр, а Йозеф Миргл — брандмейстер добровольной пожарной команды и владелец автосервиса «Миргл», который сегодня не стал передавать своего билета детскому врачу из Хузума. Кстати, заезжий педиатр тоже присутствовал на концерте и дико скучал — вплоть до того момента, когда возникла критическая ситуация, сулящая перерасти в катастрофу. Так вот, именно Мирглу удалось добиться, чтобы маятник истерических воплей и визгов перестал раскачиваться по залу и почти полностью остановился.

— Всем оставаться на своих местах. Просто стоять, и все! Каждый снимает с себя одежду и бросает ее вон туда, в кучу. Так, граждане, без ложной скромности — речь идет о жизни и смерти!

Старший пожарный повторил свой призыв еще несколько раз. Потом вызвал добровольцев, и мужчины совместными усилиями отодрали сиденья от пола в той точке, куда вот-вот должен был упасть человек.

— Продержитесь еще чуть-чуть, лишь несколько секунд! — крикнул Миргл Еннервайну, беспомощно болтавшему ногами. Все, в том числе и сам Еннервайн, прекрасно понимали, что продержаться между небом и землей он сумеет совсем недолго.

Люди быстро поняли, чего хочет от них старший огнеборец, и дело пошло на лад. Первые сочувствующие начали срывать одежду и швырять ее на пол, образуя под Еннервайном некое подобие стога сена. Обитатели галерки тоже активно поддержали начинание. Они сдирали с себя нарядные баварские костюмы, вечерние платья и фраки и сбрасывали вниз, в партер, где помощники Миргла живо выкладывали из них импровизированную подушку. Кто это судорожно раздевается вон там — кажется, господин Розе, владелец магазина обоев? А вон та дама, срывающая с себя наряд, похоже, учительница музыки Эрика Цигенспёкер? А та женщина с галерки, покачивающая прической а-ля Мардж Симпсон, — да ведь это же прокурор участкового суда... Невзирая на лица и звания, люди собирались по периметру зала в одном нижнем белье, радуясь, что на этот раз могут хоть чем-то помочь. Стенные гобелены приказали долго жить: их содрали со стен и побросали в общую кучу, затем дошла очередь до занавеса, который тоже пустили в дело, но основной объем спасительной подстилки все-таки придали изысканные предметы одежды посетителей, любовно подобранные дома для посещения культурного мероприятия, а теперь сваленные горой, будто утиль.

Все это хорошо, только почему же ни один Хёлльайзен-Остлер-Беккер не мчится наверх выручать коллегу? Почему никто не пытается втолкнуть его обратно в дыру, помочь ухватиться за надежную балку? Еннервайн уже не мог выполнять просьбы Миргла. Как ни странно, декоративный потолок не оторвался, он оказался прочнее, чем можно было подумать, однако мужские пальцы, судорожно цепляющиеся за него, непроизвольно разжимались. Гаупткомиссар больше не в силах был держаться и наконец сорвался. А ну-ка, решите без подготовки задачку по физике: господин Еннервайн (вес 74 килограмма) падает в день высокой активности фёна (1013 гектопаскалей) с потолка концертного зала (высота 12 метров). Вычислите — без учета сопротивления воздушной среды — время падения господина Еннервайна.

Считается, что в наши регламентированные, формализованные времена на каждое действие физического лица имеется свое предписание — «разрешено», «не рекомендуется», «преследуется по закону». Однако дородная, медлительная дама по имени Бюрократия время от времени все-таки забывает о какой-нибудь мелочи. Наверное, вы тоже не знали, что проблесковые маячки можно запросто купить там же, где ножи с выкидными лезвиями и муляжи ручных гранат? «Синие ведерки» не только вполне доступны по цене и продаются в открытую — их удастся безо всяких проблем укрепить на крыше автомобиля и подсоединить к схеме электропитания, ведь нигде не написано, что это запрещено. Спецсигналы особенно хороши в плотном городском движении, однако и в глухой пробке на автобане они тоже незаменимы — включите их, и другие участники дорожного движения любезно образуют небольшой коридор, пропуская вас. Не ехать же вам, в самом деле, по обочине — это будет гораздо более серьезным нарушением. Надо думать, машина, утыканная проблесковыми маячками, может сослужить неплохую службу при ограблении банка или организации побега из тюрьмы. Если верить тем, кто постоянно пользуется мигалками без официального разрешения, при неожиданной проверке удастся обмануть инспектора фразой, произнесенной как можно торопливее и непринужденнее: «Федеральное ведомство уголовной полиции! Текущее расследование!» Проверьте и убедитесь сами.

Флавио домчался до места всего лишь за ночь — такого результата ему удалось достичь за счет умелого использования мигалки. За окном только-только занималась заря, но все члены семьи были уже в сборе. «Папаша» Спаланцани, одетый в халат, сидел за столом, поглощая спагетти. Да-да, не дождавшись даже шестичасовых утренних новостей, таков уж национальный характер, от этого никуда не деться. Музыкальным сопровождением завтрака служила опера Джакомо Пуччини «Турандот». «Nessun dorma! (Пусть никто не спит!)» — самозабвенно пел тенор. По телевизору шел футбольный матч Серии А. Одна из команд была подкуплена Спаланцани; певец предположительно тоже. Главарь мафии вытащил свой «микро-узи» и выстрелом заставил замолчать один из динамиков радио, помиловав при этом второй.

У Флавио, племянника «папашки», крутилась на языке фраза «Но ведь теперь звук не стерео!», однако произнести ее во всеуслышание он не решился. Вместо этого бандит положил на стол флешку.

— Вот, отобрал у того типа. Ручаюсь, на ней хранится что-то жутко важное.

— Проверить, — процедил Спаланцани. Тут же откуда-то высунулась рука, которая взяла флешку двумя пальцами и унесла в другую комнату так осторожно, словно та в любой момент готова была взорваться.

— В курзале этого городка с двойным названием, которое так просто и не выговоришь, был концерт, — докладывал Флавио. — Я смешался с толпой туристов и любителей музыки из местных. Я видел, что нужный нам тип шныряет вокруг да около. Загримировался он неплохо, но все-таки не идеально. Когда прозвучал гонг и зрители устремились в зал, этот фрукт слегка отстал, потом забрался по пожарной лестнице на крышу, а оттуда — на чердак. Я — за ним. На чердаке у него был устроен тайник. Однако вот чего я совсем не ожидал — в засаде там лежал какой-то мужик. Похоже, дилетант. Я отобрал у него пушку. Вот она.

Флавио грохнул на стол пистолет. Спаланцани даже не прикоснулся к нему.

— «Хеклер-унд-кох Р10», — проронил шеф, едва взглянув на оружие. — Ты померился силами с немецкой полицией, дружок.

В комнате поднялся такой смачный хохот, будто бы кто-то особенно хорошо рассказал особенно смешную шутку. Но едва «папаша» открыл рот, тут же снова наступила гробовая тишина.

— Как бы там ни было, в игру вступила полиция. Это мне не нравится, совсем не нравится. Рассказывай дальше.

— Да рассказывать-то особо нечего. Первого деятеля я вырубил в нокаут одним ударом, хотел потом добить, но тут второй провалился сквозь пол, и я предпочел смотаться, пока не началась облава. Сел в машину и приехал сюда.

— Идиот.

— Почему? Ведь я добыл флешку...

— Мусор, — сказал рот того самого человека, чья рука недавно унесла флешку.

— Идиот, — повторили губы Спаланцани.

— Но почему, в чем дело?

— Керкгоффс.

— То есть?

— Не поддается расшифровке.

— Совсем?

— Совсем. Бессмысленный набор символов. Это мне нравится еще меньше, — изрек шеф, натирая на терке для сыра огромный, с кулак, трюфель в остатки спагетти на своей тарелке.

Худошавая фигура в футболке с надписью «К.» тоже сидела за этим столом. Вид у этой бледной, невыразительной личности был удрученный. Улучив момент, К. вмешался в разговор:

— К сожалению, у меня тоже не очень приятные новости. Я изобразил заинтересованного клиента, и этот человек действительно был не против продать мне адрес. Антонио — слабое звено.

Все присутствующие посмотрели на бледную фигуру.

— Да уж, ничего хорошего, — с набитым ртом произнес Спаланцани. — Тут стычка с полицией, там вот-вот выдадут наши кладбища, а еще эта флешка-пустышка...

— Пустышка? Быть может, на ней хранится информация о наших заказах?

— Ну ладно. Хорошо, что она не попала в чужие руки.

Шеф вытер губы салфеткой. «Tu pure, oh Principessa!

(Даже ты, о Принцесса!)» — струился красивый голос из уцелевшего динамика. Подкупленный нападающий нарочно запорол удар с восьмиметровой отметки.

— С альпийским кладбищем пора кончать, — заключил шеф. — И с той троицей — тоже. Флавио, немедленно поезжай назад. Отыскать этих троих и шлепнуть. И поживее!

За окном начинался день. «Dilegua, o notte! Tramontate, stelle! (Исчезни, ночь! Меркните, звезды!)» — как нельзя вовремя выводил тенор.

Шансы выжить при падении с двенадцатиметровой высоты существенно повышаются, если внизу вас встречает такое безумное количество баварских кружев, драпа и других роскошных тканей, такое море элегантного гофре, буфов и блесток, такая солидная, в метр двадцать высотой, гора кожаных шорт, мужских рубашек, отделанных тесьмой и шнуровками, шелковых дирндлей^[15], грубошерстных курток, валяных тужурок, вязаных носков, вечерних платьев из шелка, смокингов, кордовых костюмов, кокетливых дамских блузонов и брючек капри. Поэтому Еннервайн отделался совсем легко: всего лишь парой-тройкой ушибов, синяков и ссадин, вывихнутым большим пальцем ноги, колото-резаной раной от брошки госпожи Цигенспёкер, растяжением связок на ноге, небольшим сотрясением мозга, легким ранением бедра и еще несколькими пустяковыми травмами. Волей судьбы он поступил в ту самую клинику, персонал которой предпринял вчера еще одну безуспешную попытку дослушать до конца концерт Пе Файнингер. В больничной палате было светло и уютно, здесь имелся балкон, связывавший между собой все комнаты на этаже. После случившегося на прошлой неделе Еннервайн несколько сомневался в талантах местных врачей, однако на то, как ухаживали за ним в этом заведении, он действительно не мог пожаловаться. Медицинский персонал трогательно заботился о нем весь вечер, а едва наступило утро, в палату пожаловала дама, весьма компетентная на вид (главный врач, а то и выше), и обследовала его без единого упрека, хотя он лежал здесь как самый обычный пациент, по обязательной страховке. Доктор исполнила свой долг с несомненным профессионализмом и глубокой основательностью. Надавив на одно особенно болезненное место, она со знающим видом осмотрела кровоизлияние вокруг него, покачивая головой через равные промежутки времени, будто шаман.

— Ну как?.. — осмелился спросить Еннервайн, когда лицо врача просветлело.

Но тут дверь палаты распахнулась, и вошла женщина со спортивной фигурой, практичной короткой стрижкой и проницательным взглядом. Деликатно подхватив «главного врача» под руку, коротковолосая повлекла коллегу к выходу.

— Пойдемте, госпожа Валлмайер, — приговаривала она по дороге. — Вам надо отдохнуть в своей палате.

— Она что, пациентка? — удивился Еннервайн.

— Да, — подтвердила новая доктор. — С недавних пор.

Дама, обследовавшая гаупткомиссара столь тщательно, уже вышла из палаты и разговаривала с кем-то в коридоре.

— Меня зовут доктор Корнелиус, — представилась коротковолосая. — Я из психиатрического отделения. Но вы не волнуйтесь: госпожа Валлмайер совершенно безобидна. У нее временное психотическое нарушение структуры личности.

Как и у всех психиатров, слово «психотический» получалось у нее скорее как «психотический».

— Так в вашей клинике есть и психиатрическое отделение? — расширил глаза Еннервайн.

— Да, а что? Почему вы спрашиваете?

— Просто так, ради интереса.

— Неужели? Никто не спрашивает о психиатрическом отделении просто ради интереса.

— Ну хорошо. Не могли бы вы принять меня, когда вам будет удобно?

— О чем вы хотите поговорить?

— У одного моего друга есть небольшие проблемы...

— Ну конечно: у друга, все понятно. Как его зовут?

— Знаете, вы могли бы сделать карьеру в уголовной полиции. У вас здорово получались бы допросы...

— Итак, что вы хотели спросить?

— Дело в том, что... Ох, я и сам не знаю, с чего начать...

В этот момент в раздвижную дверь громко забарабанили.

— Откройте! Полиция! — слышалось снаружи. — Немедленно откройте дверь! Нам известно, что вы там!

В палату дурашливо ввалилась пятерка полицейских.

— Ой! А мы и не знали, что у вас беседа с врачом...

— Входите, пожалуйста, гости дорогие, — улыбнулась госпожа Корнелиус. — Все, все, сколько вас там. Я вполне могу продолжить обследование позже. Господин Еннервайн, вы в курсе, где меня можно найти?

— Да, в новом здании.

Врач вышла. Еннервайн приподнялся в кровати.

— Все, шутки в сторону!

Коллеги по очереди пожали ему руку.

— Вам крупно повезло, шеф, — сказал Штенгеле. — Как же мы рады видеть вас живым, целым и невредимым, то есть почти невредимым...

— Ерунда, у меня всего лишь пара царапин, — отмахнулся Еннервайн. — Единственная проблема теперь вот в чем...

Он показал на свою забинтованную ногу.

— Из-за этого мне придется повалиться здесь еще денек.

Хотя Мария Шмальфус постоянно призывала коллег оставить больного в покое, в палате все-таки состоялось импровизированное совещание, прерываемое множеством посещений и звонков от людей, желающих побыстрее отделаться от груза пожеланий скорейшего выздоровления.

— Ну вы и жулик! — со смехом сказала в трубку Пе Файнингер. — И сколько же раз вы теперь прикажете мне повторять концерт?

— Но ведь вчера вам все-таки удалось продвинуться на несколько тактов дальше, чем в прошлое воскресенье, верно?

— Дальше-то дальше, но ненамного. А вообще я приготовила для вас обещанный бонус, господин гаупткомиссар, — позднеромантическую интерпретацию песни о Еннервайне. Вы были бы на седьмом небе от счастья!

— Обещаю: в следующий раз я сяду в партер как примерный зритель и прослушаю ваш концерт от первой и до последней ноты.

Разумеется, в помещении то и дело мелькали белые халаты, врачи со знанием дела обсуждали травмы Еннервайна, критиковали повязку, высказывали недовольство тем или иным препаратом... Они сочли бы за лучшее, будь то-то и то-то не так, а эдак, ну или, во всяком случае, иначе, чем сейчас.

На больничном балконе сидел человек с остроконечной бородкой, делавший вид, будто слушает по мобильному длинный монолог собеседника, и озабоченно кивал, глядя на вечные вершины Альп. Но на самом деле он старательно подслушивал все, о чем говорилось в палате. В своей мятой пижаме он выглядел старым и больным, со стороны должно было показаться, что старичок просто вышел подышать свежим воздухом, и одна заботливая медсестра даже принесла ему стул. Но этот господин лишь изображал пациента, и только шишка у него на затылке была натуральной. Мужчина кашлял и то и дело хватался за бок, может быть, слегка переигрывая, но ведь истинные больные, бывает, переигрывают еще сильнее. Кроме шишки, неподдельным у него было еще и разочарование. Ведь он торчал здесь уже долго, но ничего существенного не услышал. Однако сдавать позиции мнимый больной не торопился. Он был терпеливым сборщиком информации.

Когда ко всем прочим посетителям Еннервайна прибавились местные жители, желающие взять автограф у пикирующего комиссара, Штенгеле решил, что это уже слишком. Он вышел к двум полицейским, стоявшим у входа в палату, и дал им указание: в ближайшие пятнадцать минут никого сюда не впускать.

— Вы что, выставили охрану у моей палаты?

— Да, на всякий случай. Одного нападения более чем достаточно.

— Кто же напал на вас там, на чердаке, шеф? — спросила Мария.

— Понятия не имею. Когда мы боролись, я на какое-то мгновение поймал его...

Щуплый такой человечек. Я даже не исключаю, что это могла быть женщина.

— Однако, по вашим словам, он вам что-то говорил. Или она, соответственно.

— Он изъяснялся шепотом. Или она, точно не знаю.

— Акцент?

— Неопределяем.

— Значит, мы имеем дело с профессионалом, — заключила Шваттке.

— Ну да, — кивнул Еннервайн. — Угрожая мне моим оружием, он одновременно вытащил собственное и прикрутил к нему глушитель. Судя по всему, это не какой-нибудь любитель пострелять на досуге. Беккер уже изучил пулю?

— Да, выстрел был сделан из «Беретты-92». Это оружие распространено во всем мире и не указывает на какой-то определенный преступный круг. Например, оно стоит на вооружении швейцарской полиции. Однако им пользуется и итальянская мафия, и бандиты из секс-индустрии.

— А другой деятель? — спросил гаупткомиссар. — Тот, которого сбили с ног? Он оставил следы?

— Более чем достаточно. Однако они тоже не выводят нас на кого-то конкретного. Из-за начавшегося в зале хаоса мы упустили тех вечерних гостей чердака. Они сумели скрыться, и флешка уплыла вместе с ними.

— Но для чего она им? Ведь можно просто скопировать содержимое, это привлекает гораздо меньше внимания, чем когда уносят саму флешку.

— Может быть, первый тип как раз и собирался ее скопировать, однако оказался в нокауте.

— А второй?

— Счел наиболее безопасным удрать.

Еннервайн выпрямился в постели, насколько мог. В его мыслях вдруг встретились два

небольших наблюдения, до того бродившие каждое само по себе. По отдельности они были слишком незначительными, чтобы обращать на себя внимание, однако, сойдясь вместе, представляли случившееся в каком-то особенном свете. Когда вчерашний противник стоял у него за спиной, шепча над ухом команды, то держал «хеклер-унд-кох» в левой руке. Левша, значит. Среди членов команды Эннервайна тоже имелся левша, и теперь на лбу этого человека красовался кусочек пластыря. Следствие недавней драки?

— Мне нужно, чтобы каждый из вас изложил свое видение событий вчерашнего вечера, — сказал Эннервайн. — Только не все скопом, а по отдельности. Я не хочу, чтобы вы невольно влияли друг на друга. Итак, все выметаются! А вы, Остлер, останьтесь. Будете первым.

Это был известный метод Руни-Джефферсона, который часто применяется при сборе свидетельских показаний у коллег. Полицейские сразу все поняли и без единого возражения покинули палату. Судя по всему, никто не догадался, что Эннервайн что-то заподозрил.

Остлер отчитывался первым. Вчера вечером он, одетый в штатское, неприметно ходил вокруг культурного центра и ничего особенного не заметил. Вторым докладывал Хёлльайзен. Его задачей было наблюдать за главным входом со стороны улицы. Он незаметно снимал все происходящее на видео, но эксперты еще не успели оценить полученные кадры. После внезапного провала Эннервайна Штенгеле вызвал обоих обермейстеров в здание, однако пробиться в зал они не сумели из-за невероятной давки. Сам Штенгеле сидел в засаде — в глубине гардероба, за спиной у Анны Пробст, но тоже не заметил в фойе первого этажа ничего подозрительного. Мария Шмальфус находилась в зрительном зале, прячась в нише торца. Николь Шваттке стояла за выступом стены на лестнице, ведущей со второго на третий этаж. Ну и еще на концерте присутствовали Ханс-Йохен Беккер и два сотрудника его подразделения — компьютерщик Джо, тот самый любитель пустых калорий, и специалист по акустике с молоточком. Они сидели на балконе, слушая музыку скорее ради развлечения, чем по долгу службы. Еще до того, как Эннервайн начал опрашивать коллег, он подумал, что каждый, ну просто каждый из них без исключения, мог пробраться на чердак незаметно для других! Развивать эту мысль дальше гаупткомиссару было горько и неприятно. И тем не менее он задал этот щекотливый вопрос:

— Вы левша?

— Да. А что тут такого?

— И оружие вы тоже держите в левой руке?

— Ну конечно. А почему вас это интересует?

Пауза. И очень долгая.

— У вас есть что мне рассказать?

Коллега медлит с ответом. Шаркает ногами. Разглядывает свои ногти.

— Я понимаю, что с моей стороны это самая настоящая слабость — признать ошибку только сейчас. В общем, находясь в своем укрытии, я все время была начеку — отвлеклась лишь на какое-то мгновение. Когда концерт начался, я оглянулась — и тут за моей спиной распаивается дверь, из нее пулей выскакивает человек и мчится вниз по лестнице. Он с силой оттолкнул меня в сторону, я упала и несколько секунд не вставала из-за сильной боли. Вниз было уже не пробраться, пуститься в погоню я не могла, так что замешкалась, как и все остальные...

— А ранка у вас на лбу — тоже от удара того неизвестного?

— Да, — вздохнула Николь Шваттке. — Правда, вполне может быть, что меня сбил с

ног не тот тип, с которым вы сцепились наверху, а какой-нибудь испуганный зритель. Или даже дама, воспользовавшаяся запасным туалетом. Каюсь, упустила...

— Ладно, не стоит терзать себя упреками. Каждый из нас что-то упустил. Вот я, например, тоже наделал ошибок, позволительных лишь стажеру, — пробурчал Еннервайн. — Например, позволил уплыть служебному оружию.

В дверь постучали, и в палату вошло семейство Шмидингеров в полном составе. Муж, жена и их сыночек Паули стояли у постели Еннервайна со смущенными лицами.

— А мы вам кое-что принесли, — зашебетала супруга рабочего по зданию, добродушная рыжеволосая женщина без макияжа, одетая в дирндль. Она достала из сумки несколько аппетитных бутербродов с семгой и красной икрой, которым Еннервайн и в самом деле обрадовался. Паули сдержанно поздоровался с гаупткомиссаром и вышколенно-вежливым тоном пожелал ему скорейшего выздоровления. Затем двенадцатилетний мальчик потыкал в свой айпод и поглядел в окно. На главе семейства больше не было поношенной футболки с антиштраусовским лозунгом. Собственно, Еннервайн даже не знал, о чем разговаривать с этими людьми.

— Ох, похоже, и наделал я вам работенки, — сказал он наконец Петеру Шмидингеру.

— Ничего, наш брат видал и не такое, — с улыбкой успокоил его мастер на все руки.

— Но заглядывать на чердак вы почему-то не любите.

— Да, вы правы... С тех пор как там удавился старый Шойрер, я больше не заходил туда. Мне казалось, этот паршивый чердак никого не интересует, что там делать?! Но теперь я страшно ругаю себя: надо было сразу же поставить нормальный, прочный замок...

— Ладно, не переживайте. На чердак можно в два счета пробраться и через слуховое окно.

Шмидингеры попрощались, и когда они выходили из палаты, Еннервайн заметил, что Мария все еще стоит в коридоре, беседуя с охранниками. Когда семья поравнялась с психологом, та кивнула в беглом приветствии. Супруги держались за руки, а их сын шел особняком, сразу же воткнув себе в уши наушники. Когда мальчишка проходил мимо Марии, та заметила, что у него развязался один из шнурков, и указала жестом какой. Паули, ростом уже далеко не гном, но еще не великан, чуть присел, завязывая шнурки, а его родители продолжали двигаться дальше по коридору. Наконец они остановились, поджидая сына. Покончив с узелками, Паули подскочил на месте и помчался догонять мать с отцом. Его рывок, его походка, его манера бежать, по-особенному покачивая бедрами, — все это выдавало в нем... Подождав, когда Шмидингеры скроются из виду, Шмальфус бросилась в палату Еннервайна.

— Шеф, это невероятно, но...

Девушка осеклась на полуслове. Еннервайн говорил по мобильному и жестом велел ей подождать конца разговора.

— Да что вы?! — громко воскликнул он, сильнее прижимая трубку к уху. — Ну ничего себе... Не может быть!

Вскоре он отложил телефон в сторону.

— У меня есть новости.

— У меня тоже, — пискнула Мария.

— Вы первая.

— Нет, вы первый!

Оба засмеялись.

— Может быть, у нас одна и та же новость?

— Я только что наблюдала, как Паули бежит по коридору. Тот тип в кожаных шортах и пфозенах, за которым мы гнались, это он, ручаюсь на все сто! А теперь ваша очередь, шеф.

— Сейчас звонил Беккер. Он получил новые результаты анализа ДНК касательно следов с чердака. Так вот, ни один из сотрудников культурного центра, как и прежде, не имеет отношения к этим следам. Но они принадлежат родственнику одного из сотрудников. А именно — Петера Шмидингера...

— Его сыну?

Еннервайн в задумчивости покачал головой.

— Паули — это тот красавчик в баварском костюме, несомненно. Но где доказательства, что мальчишка смешивал компоненты для взрывчатки? И вряд ли Паули носит при себе пистолет с глушителем и мастерски владеет всеми приемами маскировки вплоть до изменения голоса. Я не верю, что он хладнокровный убийца, пинком отправляющий гаупткомиссара полиции на верную смерть.

Не успела Мария открыть рот для возражений, как в палату всунулась женская голова и сказала:

— Только один вопрос, последний: «Болезнь Валлмайер» — или «Валлмайерова болезнь»? Какой вариант, по-вашему, благозвучнее?

- Ой, вон там дельтаплан, видишь?!
- Это не дельтаплан, а параплан.
- А мне всегда казалось, что это одно и то же.
- Нет, не одно и то же.
- И в чем разница между дельтапланом и парапланом?
- Одним из них управляют сидя, другим — лежа на животе.
- И что к чему относится?
- Думаю, парапланерист сидит, а дельтапланерист лежит. Или наоборот.
- А в какой позе находится этот человек?
- Не знаю, не вижу, он слишком далеко отсюда.
- Однако он ужасно раскачивается из стороны в сторону...
- Наверное, какой-нибудь новичок.

Нет, мужчина, плывущий по небу на двухсотметровой высоте, вовсе не был новичком, а его лихорадочные движения объяснялись тем, что он отчаянно пытался поймать мощный бинокль, сорвавшийся с непрочного ремешка. Но все его попытки оказались тщетными — прибор камнем устремился вниз и вскоре сгинул вдали без единого звука. Парапланерист выругался, затем осторожно открыл сумку, пристегнутую к страховочным ремням у него на груди. Внутри лежала снайперская винтовка с оптическим прицелом — на худой конец вести разведку на местности можно было и через него, хотя старый армейский бинокль привлек бы куда меньше постороннего внимания. Правда, туристы, только что показывавшие на него снизу, уже переключились на праздничное шествие. Духовой оркестр занял позиции и вот-вот должен был грянуть «самый баварский» из всех парадных маршей — «Баварский строевой марш». «Рrrrrrrrrrrrrrrrrrrrr!» — затрещали барабаны взвода барабанщиков и трубачей, и о парапланеристе в небесах уже больше никто не вспоминал.

* * *

Из-за событий последней недели в курортном городке невольно отодвинулось на второй план то, что раньше стояло во главе угла, — заботливое поддержание местных обычаев. Но теперь, когда люди поверили в лучшее, нужно было заново взлелеять ту обстановку, которая, собственно, и обладала главной притягательной силой для иностранных туристов. Большая роль здесь отводилась праздничной неделе с торговлей разливным пивом на площади и пышным шествием в баварских костюмах. Это мероприятие, проходящее, между прочим, уже в 627-й раз начиная с эпохи позднего Средневековья, к которой относится первое упоминание о нем в исторических источниках, как нельзя лучше позволяло оживить интерес к курорту. Гостям щедро демонстрировались те уникальные прелести городка, ради которых они, собственно, и приехали сюда. Улицы наводнили курортники с фотоаппаратами, особая порода людей, которую местные жители втайне презирают — и в то же время активно используют, чтобы сохранить местную самобытность.

Вот-вот должно было начаться шествие, состоявшее из тридцати живых картин —

— Простите, девушка, но я спешу — парад вот-вот начнется.

— Благодарю вас, господин старший пожарный Миргл, за интересный разговор.

Идея передать одежду Красному Кресту была неплохой. Совершая этот акт гуманизма, иные горожане живо воображали себе, что скоро в каком-нибудь из беспокойных районов близ Кабула или в трущобах Претории будут разгуливать люди в кожаных шортах, на подтяжках которых вышит славный баварский лозунг: «G'sund samma!» («Главное — здоровье!»)

Среди участников парада была маленькая девочка, которой доверили важное дело — нести табличку с надписью: «№ 17. Пастбищный кооператив. Проведение старинного праздника отгона скота с летних выпасов». Одетая в народный костюм, как и большинство окружающих, малышка сжимала табличку обеими руками. На жаре ей приходилось тяжело, она вся вспотела, однако несказанно гордилась тем, что участвует в параде наравне со взрослыми. Торжественное шествие началось, люди мерным шагом двигались к огромному шатру под бравурную музыку. Чудесная погода, сияющее солнце, колоритная баварская процессия. Вскоре девочка в белой блузке и зеленой жилетке с юбкой попала в десятки объективов фотокамер. Мама говорила, что ее снимки обойдут весь мир, отправятся в Японию, в Россию, в Пруссию^[16], во все уголки света. Торжество набирало обороты. Баварочка прижала подбородок к груди и взглянула на свою блузку. Ой, что такое? Не может быть! На белоснежном фоне краснело едва заметное пятнышко. Взяв табличку в левую руку, правой ребенок попытался смахнуть с себя мнимую ворсинку. Но это была не ворсинка, а самое настоящее пятно. Что теперь скажет мама? Как же так? В замешательстве девочка прошагала еще несколько метров. Но ведь она ничем не пачкалась, совершенно точно! Перед едой повязывала себе нагрудник с надписью «An Guad'n!» («Приятного аппетита!»)... Нет-нет, вымазаться она не могла никак. Девчушка еще раз опустила голову. Внезапно красноватое пятно задвигалось, а потом исчезло.

Мария Шмальфус позвонила в дверь квартиры Шмидингеров, и ей открыл подросток в вязаных гольфах, жующий хлеб с вареньем. Вид у мальчишки был мрачный.

— Секунду, я только зайду в ванную, вытру рот, — проговорил он.

«Нет уж, никуда ты не пойдешь! — хотелось сказать Марии. — Сейчас же садись вот сюда! Мы сыты по горло твоими фокусами!»

Однако вслух она произнесла:

— Ну да, конечно, иди.

Девушка чувствовала, что ее голос дрожит. Может, стоит пойти за Паули следом, чтобы тот не сбежал через окошко ванной? И на всякий случай прихватить с собой вот эту бронзовую статуэтку — Будду? Однако, наверное, замахиваться ею на несовершеннолетних запрещено? А может, позвонить в участок и вызвать подкрепление, добавив шепотом, чтобы организовали облаву? Или лучше всего невозмутимо сидеть на месте, притворяясь, что в кармане ее вязаной кофты лежит пистолет?

* * *

Паули вернулся из ванной в свежей рубашке и тщательно причесанный. Он усадил гостью на диван и поставил на стол два стакана апельсинового сока. Гостиная была обставлена абсолютно не во вкусе среднего обывателя. Никаких мягких подушек, которым придают форму руками, ни одной пары одинаковых стульев или кресел. В каждой детали обстановки чувствовалась эстетика поп-арта, и если бы Паули не поленился сделать небольшую уборку, то образ восьмидесятых выглядел бы безупречно.

Как видно, визит Марии не слишком-то удивил паренька.

— Вычислили, значит, — мрачно сказал он.

Психолог ничего не ответила — ведь молчание, как известно, золото.

— Но как же вы сумели меня вычислить? — спросил Паули Шмидингер после паузы, за время которой Мария вполне могла бы написать три заключения судебно-психологической экспертизы.

— Ты спрашиваешь как... Ну, во-первых, на прошлой неделе мне пришлось долго гнаться за тобой, переодетым в баварский костюм. А во-вторых, недавно я увидела, как ты носишься по больнице. И затем сравнила впечатления.

— М-да, однако что значит «переодетый в баварский костюм»? Это был костюм Сеппеля, вот и все. Он давно висел в шкафу, и я даже не помню, кто мне его купил. Точно не мои предки. А когда тут все заполонила полиция, я подумал, дай-ка влезу в этот костюмчик, прежде чем забираться на крышу. Мне показалось, кожаные шорты как раз подходят для этого.

— Зачем же ты лазил на крышу?

— Так ведь вы уже догадались об этом.

— Честно говоря, нет.

— Правда? Ну, из-за кроссовок. Я хотел наконец забрать их оттуда, но там уже ничего не было. Свалились, должно быть. Подпорченные дождями и солнцем... Либо их вороны

утащили. Понятия не имею. Или это вы постарались?

— Да, мы.

— Однако кроссовки не имеют никакого отношения ко всей этой фигне. Или вас навел на след старик Макгроу?

— Какой еще старик Макгроу?

— Ну, отец Джеспера Макгроу, моего одноклассника.

— Нет, эта фамилия мне ни о чем не говорит.

— Этот Джеспер — пижон и воображала. Учится со мной в одном классе и все время выпендривается, дескать, его родители страшно богаты, прямо купаются в роскоши. Представляете, ходит в школу с носовым платком, купленным в Лондоне, в «Джентльменс аутфиттерс». Придурок такой! И мы решили его проучить. Это была всего лишь шутка, честное слово. Нечто вроде памятки на будущее, чтоб не выделялся. Мать с отцом у него американцы, какие-то там генералы, у них свой дом на улице Ам Зонненханг, и они каждый день поднимают над его крышей американский флаг. А еще Джеспер то и дело хвастался перед нами кроссовками — типа они у него круче некуда... Шут их знает, какой фирмы...

— «Гуччи».

— Что?

— Эти кроссовки фирмы «Гуччи».

— А, не важно, главное, дорожные, собаки. И вот мы как-то взяли и подменили их. Купили по акции самую что ни на есть дешевку и специально оставили внутри ярлык: «Финальная распродажа! Всего девять и девяносто девять сотых евро!» Верите, попали в яблочко! Наш индюк весь побагровел от злости — таких отстойных шмоток в их семье ни в жизнь не носили! Его папаша-генерал даже грозил нам полицией. Потом я хотел подложить кроссовки назад, но только удобный момент никак не подворачивался. Так что я припрятал их там, на крыше.

И снова в воздухе повисла пауза. У Паули за душой явно имелось что-то еще, хотя молчать ему, наверное, было выгоднее, чем говорить. Наконец Мария не выдержала:

— Ты часто бывал на чердаке?

Паули Шмидингер еле заметно кивнул.

— И наверняка можешь рассказать мне еще кое-что.

Подросток снова кивнул.

— Ну так давай, выкладывай, и тебе самому станет легче. Тебе всего двенадцать, и к уголовной ответственности в таком возрасте не привлекают. Даже если ты натворил что-то серьезное, за решетку тебя никто не посадит.

— Ну хорошо, — вздохнул Паули. — Начнем тогда с дяди Густля. Это он во всем виноват. Подождите-ка минутку...

С этими словами Паули скрылся в соседней комнате. Мария терпеливо ждала, и в этот раз ожидание далось ей гораздо легче, чем в прошлый. Паули доверял ей, и она должна ответить ему тем же. Интуиция не подсказывала ничего дурного — вот и славно. Девушка чувствовала себя в безопасности. Наконец-то она докажет, что ее присутствие в следственной группе вовсе не лишнее и от психологов тоже бывает толк. Кто знает, а вдруг ее вклад в раскрытие дела, до которого, судя по всему, рукой подать, окажется решающим?

Из соседней комнаты раздался шелест, как будто бы там снимали оберточную бумагу с большого-пребольшого подарка. Затем в гостиную вернулся Паули. Увидев его, Мария испугалась до полусмерти, она просто окаменела, вжавшись в краешек дивана. «Только не

подавать виду, — внушала себе психолог. — Будь спокойна, совершенно спокойна, веди себя так, словно ничего не происходит. словно такие вещи случаются каждый день...» Паули Шмидингер стоял в дверном проеме, держа наперевес автомат Калашникова — в точности как Сильвестр Сталлоне из «Рэмбо-2». Через несколько мгновений подросток опустил сдержанно поблескивающее оружие и осторожно положил его на обеденный стол.

Мальчишка сел на диван и рассказал свою историю. Немногословно, без отступлений. Можно сказать, сделал краткий доклад на тему «Мои самые веселые выходные». С подзаголовком «Как я одурачил родителей».

— Они раздумывали, не отправить ли меня на следующий учебный год в школу Монтессори. Это бурно обсуждалось в семье, и дядя Густль, брат моего отца, тоже участвовал в дискуссиях. Дядя был категорически против, и они с папой то и дело спорили по этому поводу. На мой день рождения — мне исполнялось двенадцать — дядюшка прислал в подарок огромный пакет, и когда я открыл его, то весь праздник чуть не пошел насмарку, потому что внутри лежал набор комплектующих для сборки вот такого грозного оружия, русского «АК-сорок семь», калибра семь и шестьдесят две сотые миллиметра.

Паули махнул рукой в сторону лежавшего на столе автомата.

— Наверное, дядя хотел всего лишь поприкалываться, я так ржал, но мои родители абсолютно не поняли юмора. «Я ему покажу, этому Густлю!» — заголосила мать, а потом набросилась на меня с криками, требуя, чтобы я свалил все детали в пакет для пластмассовых отходов и отнес его на мусорку. «Немедленно, сейчас же!» — орала мать. Никогда она не общалась со мной в таком тоне...

— Автомат Калашникова — и в пластмассовые отходы?.. — изумилась Мария.

— Слушайте, неужели вы все еще ничего не поняли? — фыркнул Паули. — Этот автомат — из пластика, но выглядит точь-в-точь как настоящий! Так называемый муляж оружия, который, между прочим, можно купить в любом магазине игрушек! Именно поэтому я никак не мог взять в толк, отчего мои предки вдруг забились в конвульсиях.

— Значит, ты никого не послушал и не избавился от этой штуковины?

— Нет, послушал. Я вовсе не хотел, чтобы мой день рождения протух окончательно. Желтый пакет с разобранным автоматом целую неделю стоял у въезда в гараж. Однажды к нам опять заглянул дядя Густль. «Ну как, весело отпраздновали день рождения, рохли вы этакие?» — поинтересовался он у родителей, и после этого они разругались вдрызг. Даже перестали общаться. Пакет простоял у гаража вплоть до позапрошлого воскресенья. В ту ночь я очень плохо спал — из-за фёна, ну, вы понимаете. Встал с постели и прокрался вниз. Ради прикола собрал «Калашникова»... Суперская вещь, вы только потрогайте, убедитесь сами!

— Да не хочу я его трогать.

— Так вот... я немного поиграл в гараже, целясь во все углы, но скоро мне это надоело. Тогда я спрятал дядин подарочек на чердаке.

— Дешевая подделка... — пробормотала Мария.

— Так-то оно так, — отозвался Паули, — но тем не менее очень качественная! Вот вы, например, как только увидели эту штуковину, так сразу же покрылись потом от страха! Прикоснитесь же к автомату, тогда сразу перестанете бояться.

Мария нерешительно взяла оружие в руки. Ишь ты, довольно тяжелое.

— Несколько металлических вставок имитируют оригинальный вес, — пояснил Паули, увидев ее озадаченное лицо.

— Значит, тем воскресным вечером, когда был первый концерт, ты снова побывал на чердаке? — продолжала допытываться Мария. — И немножко поиграл там в стрелялки?

— Да... О'кей, не спорю. Побывал.

— И что дальше?

— Дальше я вытащил автомат из тайника, забрался в зазор между полом и потолком и немножко поползал там по-пластунски.

— Ты, конечно, прекрасно знал, что под тобой всего лишь декоративная отделка?

— Да, но если держаться поближе к несущим перекрытиям, то ничего не случится. Я включил в айпode саундтрек к фильму «Лодка», затем стал искать в потолке щели и целиться через них в зрительный зал, в тех, кто стоял там у стены. Примерно в середине потолка один кусок обшивки отошел особенно заметно, ну, я возьми и просунь туда дуло автомата посильнее. Зал был полон, концерт, похоже, уже начался, но я ничего не слышал, поскольку был в наушниках, а там как раз звучала музыка к тому эпизоду, когда подводная лодка выходит из порта Ла-Рошели, такая драматичная композиция Клауса Долдингера. Кстати, он тоже как-то давал концерт в нашем курзале, я слушал его с чердака. «Лодка», ведь вы же помните, да? И тут какой-то мужчина стал протискиваться в середину полного ряда, а я держал его на прицеле, водил дулом «Калашникова» ему вслед... При этом я воображал... честно говоря, уже не помню, что я там себе воображал. Попробую вспомнить... «Эге, — думаю, — ведь я знаю этого типа, это мой тренер по сноуборду. Какого же черта он приперся на этот концерт, интересный лишь полумертвым зомби!» Но скоро мне все надоело, и я уже решил, что пора сматываться, как вдруг надо мной промелькнула чья-то тень, а потом декоративная панелька рядом как затрещит! Как отскочит! Я перепугался до смерти, только в голове промелькнуло: все, сейчас провалюсь, и крышка. И даже не сразу понял, что кто-то упал рядом со мной, но когда увидел кровящую на кромке доски и чей-то оторванный нос, то постепенно до меня дошло... Видимо, какой-то человек провалился сквозь все эти доски в нескольких сантиметрах от меня.

— А ты видел в щель, что началось внизу?

— Не-а. Отогнувшаяся пластинка снова спружинила назад. Однако там, внизу, поднялся дикий шум, я все слышал, потому что к тому моменту уже выключил айпод. А потом я свалил сюда, к себе домой. Я думал-думал над тем, в чем же дело, но так ничего и не понял. И стал внушать себе, что не виноват в случившемся. И лишь после того как отец рассказал мне кое-какие детали, я сопоставил события и сделал определенные выводы...

— Какие же, например?

— Такие. Либшер хотел лишний раз опозорить моего отца. Этому господину вот-вот грозило увольнение, и вдруг он, видите ли, замечает снизу мой автомат. Судя по всему, он взбежал наверх, чтобы вытащить меня из этой норы за шкуру. Зачем? Думаю, чтобы лишний раз покрасоваться, показать, какой он ценный и незаменимый работник. Или чтобы заявить во всеуслышание: смотрите, от этих Шмидингеров одни только убытки! Ну, или что-то в этом роде, точно не знаю.

— Либшер говорил тебе что-нибудь до того момента, как с ним случилось несчастье?

— Понятия не имею. Во всяком случае, я ничего не слышал: все перекрывала музыка из наушников. Я врубил плеер очень громко.

— И ты не нашел в себе смелости признаться нам во всем сразу же после происшествия?

— Не нашел. Честно говоря, трусил.

— А ты не побоишься пойти со мной в больницу и рассказать эту историю еще раз? Теперь уже самому настоящему, взаправдашнему комиссару? — с легким самодовольством в голосе спросила психолог Шмальфус.

— Хорошо. Пойдемте. Подождите только секундочку...

Паули снова взял в руки автомат.

— Не оставлять же его тут, в гостиной, верно? Мои неженки-родители точно свалятся в обморок при виде этого чуда.

— Обморок им обеспечен и без того. Пошли!

— Нет, я хочу сперва спрятать оружие.

— Здесь, в квартире? Или, может, сразу уж на чердаке? Эта идея мне не нравится. Бери его с собой.

— Неужели вы хотите идти через весь город с игрушкой, которая как две капли воды похожа на настоящий автомат Калашникова?

— Нет, конечно. Найди какую-нибудь сумку.

Однако в хозяйстве Шмидингеров не нашлось сумки, подходящей по размерам для автомата — даже со сложенным прикладом, в коем состоянии его длина составляла 645 миллиметров. Мария заглянула на кухню и нашла там красивую оберточную бумагу для цветов.

— Этого вполне достаточно. Мы идем в больницу с букетом.

Когда Мария с Паули вошли в палату Еннервайна, тот уже сидел на кровати и в воздухе, казалось, плясали тысячи вопросительных знаков.

— Если бы вы не были в постели, я бы сейчас сказала: сядьте, пожалуйста, — улыбнулась Мария.

— Э-э... Вы принесли мне цветы?!

— Разворачивай, Паули.

В следующее мгновение у Еннервайна отвисла челюсть.

— «АК-сорок семь». Надеюсь, что это...

— Талантливая подделка, — пояснил Паули. — Так называемый муляж оружия.

— Благодарю за пояснение, — буркнул гаупткомиссар.

— Пойду спрошу у медсестер, не найдется ли у них подходящей вазы для этого «букета», — подмигнула шефу Мария и направилась к выходу. — А молодой человек пока поведает вам кое-что интересное.

— Слушаю, — сказал Еннервайн, когда коллега исчезла.

Мальчишка рассказал свою историю еще раз — без лишнего смущения, во всех деталях, но при этом не отклоняясь от главной темы. Как видно, Мария сумела внушить ему доверие. «Настоящее профессиональное достижение с ее стороны», — мысленно восхитился Еннервайн. Значит, этой женщине можно доверять, и он тоже, пожалуй, раскроется перед ней, расскажет все без утайки о своей противной болячке. Но только после того, как в расследовании будет поставлена точка. А это произойдет совсем скоро, раз главный виновник происшествия уже найден. Прямо завтра он поговорит с Марией. Или послезавтра. Ну или на следующей неделе — тоже будет в самый раз.

— Это, конечно, замечательно, что ты выложил все начистоту, — сказал Еннервайн. — Сядь рядом со мной, я не кусаюсь. Одно только должен сказать тебе, дружок: ты избавил бы

нас от массы лишних хлопот, если бы...

— Да, простите, пожалуйста, — перебил его Паули Шмидингер.

— А вчера? — с нажимом спросил гаупткомиссар.

— Что «вчера»?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Сейчас ты рассказал мне о событиях позапрошлой недели, а теперь я хочу знать, что ты делал вчера, то есть в прошлое воскресенье.

— Вообще-то я понятия не имею, что там опять стряслось на чердаке, господин комиссар, но на этот раз я совершенно ни при чем. Вчера я весь вечер сидел в своей комнате и читал книжку. Если желаете, могу пересказать вам содержание...

— Очень остроумно, — хмыкнул Еннервайн. — Встань-ка вон там, у кровати. Я хочу провести маленький эксперимент.

Паули послушно подошел к тому месту, на которое ему указали. Еннервайн закрыл глаза и сел на постели. Затем вдруг сделал выпад в сторону подростка — резко перегнулся пополам, вцепившись обеими руками в грудь Паули.

— Ой, больно же!

— Подумаешь, ерунда какая. Вот мне — действительно больно. Живого места нет.

Тот человек, которого Еннервайн на мгновение поймал вчера, был примерно того же роста, что и Паули, однако совсем другого телосложения. Вчерашний противник — мускулист, ловок, натренирован, и этому угловатому мальчишке с вялыми мышцами очень далеко до него. Да, без сомнения: это просто небо и земля.

— Вчера в меня стреляли, — сказал Еннервайн.

— Что? — изумленно вскричал Паули. — Стреляли?! И вы решили, что это я?.. Из боевого оружия? Да я бы никогда в жизни...

— Ну-ну, — строго осадил его Еннервайн. — На того, кто размахивает поддельным автоматом, подозрение падает в первую очередь. Кто знает, может быть, такой человек умеет стрелять и по-настоящему.

— Я никогда в жизни не держал в руках боевого оружия! — с жаром заверил Паули.

— Однако делать взрывчатку ты уже пробовал?

Паули вздрогнул.

— Какую еще взрывчатку?!

— Мы нашли на чердаке ее составляющие. Например, средство для удаления известкового налета и отбеливатель.

— А-а, так это вы о той допотопной коробке моющих средств? Так бы сразу и сказали. Она стоит там уже несколько лет. С тех самых пор, как мой излишне впечатлительный папочка обнаружил на чердаке висельника и забыл туда дорогу.

«Значит, это всего лишь бытовая химия, — с облегчением подумал Еннервайн. — И хитроумная версия насчет взрывников тоже, к счастью, рассыпается».

Оба поглядели в окно. Громада Веттерштайна казалась в этот момент бледно-голубоватой.

— И что теперь со мной будет? — спросил Паули.

— Ну что... Тебя еще немножко помучают расспросами, как без этого. Я напишу отчет, его прочитают те, кому положено, а потом зададут тебе несколько вопросов. Искренне советую говорить только правду. Если бы ты объявился сразу же после происшествия, то оказался бы в более выгодном положении.

— Но ведь вы понимаете меня? Мне было страшно. И я до сих пор боюсь.

— До сих пор? Кого же ты боишься?

Паули не ответил. «Ну и ладно», — подумал Еннервайн. Наконец гаупткомиссар сказал таким непринужденным тоном, каким только мог:

— Пойми, ты отделаешься тем легче, чем подробнее будет описана в протоколе твоя помощь следствию. Но если к случившемуся имели отношение твой отец или твоя мать или они вместе, то ты больше ничего не должен говорить. Ты знаешь это...

— Да-да, конечно, из судебных телешоу. Однако дело вовсе не в этом. Мой отец здесь ни при чем, не говоря уже о матери...

— А кто же тогда причастен к этому?

— Точно не знаю. Честно говоря, до всей этой заварухи я несколько раз лазил на чердак и думал, что я единственный, кого притягивает это место. Но это оказалось не так. Когда я пробирался туда, то всегда запирали за собой входную дверь на ключ. Иногда, правда, проникал на чердак через слуховое окошко, но больше так никто, кроме меня, не делал. У кого-то явно был дубликат ключа. Несколько раз какой-то неизвестный входил на чердак при мне, и в эти моменты я тут же прятался в зазор между полом и потолком.

— Это был один и тот же человек?

— Думаю, да. И он приходил исключительно в те дни, когда внизу давались концерты. Я пытался разглядеть, кто это, через щели в полу, но безрезультатно.

— А ты прислушивался к шагам того неизвестного? Это был мужчина? Или скорее женщина? Какой-нибудь легкий худышка? Или, наоборот, грузный толстяк?

— Вот этого я действительно не знаю. Во всяком случае, это был не толстяк. Ну и скорее всего этот парень снимал обувь перед тем как передвигаться по чердаку. А вообще он подходил каждый раз к одному и тому же месту. Как-то я проверил — и обнаружил там тайник.

— Ты нашел тайник?!

Еннервайн уже не мог удержаться на месте. Он с кряхтением слез с кровати, набросил на себя халат в мелкий цветочек и сел рядом с мальчишкой за журнальный столик. Не обращая внимания на свою больную ногу, на царапины, шрамы и порезы, а также на взыгравшую вдруг подагру, гаупткомиссар затаив дыхание слушал рассказ Паули. В приоткрытую дверь заглянула медсестра и спросила, какого размера должна быть цветочная ваза. Еннервайн едва ли не затопал на нее ногами.

— Да, это и впрямь был классный тайник, просто гениальный. Один из лучших, самых неприметных тайников, какие только можно себе представить.

— Ты посмотрел, что там внутри?

— Конечно. Флешка с зашифрованными данными. Я тут же скопировал для себя ее содержимое. Старый добрый принцип Керкгоффа! Работает безотказно: с ним файл уже не файл, а неприступная крепость. И вдруг какой-то халтурщик... Нет, вы только представьте себе — отличная шифровка, огромные затраты усилий, и вдруг такая грубая ошибка...

— Постой-ка, Паули. Неужели ты хочешь сказать, что тебе удалось сделать то, чего не смог ни один крутой компьютерщик из Федерального ведомства уголовной полиции, то есть расшифровать колонки цифр?

— Вообще-то это невозможно, но ведь я же говорю: как можно быть таким тупицей! Столько безумных хлопот с этой флешкой, и ведь надо же нарушить шифровку актуализацией данных!

— То есть?

— Зашифрованный файл, естественно, неприступен, его просто так не взломаешь. Однако если владелец периодически обновляет информацию, то можно сравнить версии и в результате найти ключ. Так учит старый добрый Керкгоффс. Часть записей я расшифровал и посмотрел, что там внутри.

Еннервайн недоверчиво покачал головой.

— Ну и что же ты увидел?

— Честно говоря, ничего особенного. Мне казалось, раз кто-то создает вокруг этой флешки столько сложностей, то на ней должно храниться либо крутое нелегальное порно, либо снимки военных объектов, либо копии промышленных патентов, либо пароли для доступа к счетам в швейцарских банках...

— Ладно, Паули, кончай эту пытку! Говори быстрее, что там было?

— Банальные виды Италии — похоже, фоторепортаж из чьего-то отпуска. Сплошные церкви, пляжи, отдыхающие. Все аккуратно подписано, где и когда снято. И нет абсолютно ничего такого, из-за чего надо так усложнять себе жизнь!

— А где копия файлов с флешки? У тебя дома?

— Я не такой дурак. Я сохранил их в своем электронном почтовом ящике. Если у вас случайно найдется ноутбук с выходом в Интернет...

Супруга кровельщика Роза Ленер, негласная вдовушка из сказочного домика в лесу, снова упражнялась в подсчетах. Сто процентов, семьдесят процентов, двадцать пять процентов. Всю дорогу она шла пешком — это давало возможность еще и еще раз обдумать свое непростое решение. Погода была безупречной, небо припудривали лишь считанные облачка. Роза сделала большой глоток воды из бутылки. Итак, она познакомилась с мужчиной, с пожилым мужчиной, следовательно, у нее снова нашлось что подсчитать. Этот человек занимал куда более высокое положение на социальной лестнице, чем какой-то кровельщик. Роза хотела выйти за него замуж, но для этого ей нужно было, чтобы Макс умер окончательно, то есть и на бумаге тоже. И Розе требовалось похоронить его по всем правилам, но ведь для похорон в первую очередь нужен труп. Поэтому она и отправилась пешком в двадцатикилометровое путешествие от своего ведьмина домика до знакомого холма, с вершины которого виднелись владения Гразеггеров. Роза пригляделась внимательнее. Когда же она заходила к ним в последний раз? Очень, очень давно, счет идет на десятилетия. И с тех пор здесь мало что изменилось.

Конечно, вдова могла позвонить, однако сочла это слишком рискованным — люди ее поколения предпочитали не обсуждать щекотливых вопросов по телефону. Также можно было написать письмо, послать факс или и-мейл, однако столь важные темы разумнее всего обсуждать при личной встрече. Ей казалось, что она выбрала довольно удачный момент для появления в доме Игнаца и Урзель. Курорт гудит от последних событий, весь мир говорит о происшествиях в концертном зале, поэтому вряд ли кто-то обратит внимание на маленькую сухонькую немолодую женщину, которая пришла в похоронную фирму осведомиться по совершенно определенному вопросу. Тут, в округе, ее не знал ни один человек — со дня смерти Макса она не показывала здесь носа. Кроме того, Роза сдержала обещание не посещать кладбища. Да-да, она выполнила все условия, о которых они договорились пятнадцать лет назад, так что имеет право попросить Игнаца о последнем, и в самом деле последнем одолжении.

Спешить ей было некуда. Дом, под крышей которого много лет располагалась похоронная фирма, с достоинством подставлял бока неистовому полуденному солнцу. За ним эффектно высилась гора Крамершпиц. На косогоре сильно разрослись сосны и ели, балкон, возможно, выкрашен другой краской, но в остальном здесь мало что изменилось. Роза Ленер хотела наконец выйти замуж и никогда больше не ломать голову в расчетах, на какую пенсию она может претендовать — на «малую» или «большую» вдовью. Брак с немолодым... нет, пожилым... нет, старым-престарым господином, из которого просто песок сыплется, окупится на двести тридцать процентов. Когда он сыграет в ящик, Роза навсегда забудет о финансовых проблемах — но прежде всего надо отделаться от Макса, фиктивного Макса, существующего только на бумаге Макса, которому каждый месяц перечисляют пенсию. Теперь Макс должен умереть официально. И тут не обойтись без помощи Игнаца. Вдова спустилась с холма. Интересно, не заросла ли еще потайная тропа, которая вилась когда-то за домом?

— Гляди, гляди! — сказала мужу туристка, указывая палкой для скандинавской ходьбы на парящий в синем небе предмет. — Дельтаплан!

— Это не дельтаплан, а параплан.

— Ладно, не важно, но почему он вертится как бешеный вокруг своей оси?

— Наверное, им управляет какой-нибудь новичок.

Но парапланерист был вовсе не новичок, как раз наоборот. Флавио Спаланцани, племянник главаря мафии, выписывал кренделя специально, чтобы высмотреть определенный дом в кварталах курортного городка. Бандит обернул снайперскую винтовку курткой, чтобы оружие не так бросалось в глаза. Он выехал сюда, едва забрезжил рассвет, и снова проделал весь неблизкий путь от Италии до Баварии, а синий проблесковый маячок помог ему преодолеть те места, где простой турист, возвращающийся из отпуска, обычно стоит в глухой пробке. Прибыв в место назначения, Флавио достал из багажника параплан и первым же рейсом фуникулера поднялся на вершину горы Остерфельдеркопф, величавый двухтысячник. Оттуда он пустился в полет на параплане, проплыл над Кройцеком, уверенно добрался до долины Лойзахталь, над которой достал свой старый добрый армейский бинокль — и выронил его к чертовой бабушке. Ладно, ничего не поделаешь, можно обойтись оптическим прицелом винтовки, работающим безупречно.

Парапланерист вертелся в разных направлениях, тестируя автоматическую фокусировку оружия. Дрыг влево — и вот она, отвесная скала Малого Ваксенштайна, на которой видны даже фигурки альпинистов; брык вправо — и в поле зрения попадает терраса на крыше кафе в самом центре городка. Оптика настолько сильная, что даже с девятисотметровой высоты можно распознать, какое мороженое заказала вон та дамочка: фисташковое и земляничное. Также Флавио включал лазерный целеуказатель, чтобы проверить его работоспособность. Вот праздничное шествие в баварских костюмах. На белой блузке маленькой девочки повисла красноватая точка. Малявка пытается смахнуть с себя это пятнышко, смешная такая. И снова рывок влево — конгресс-центр, или курзал, как тут говорят. Вчера он побывал там на чердаке, раздобыв бесполезную флешку. А сейчас у входной двери, держась за руки, стоит пара — женщина в дирндле и мужчина с длинными волосами, забранными в хвост.

— Ключ у тебя?

— Какой ключ?

— От квартиры, какой же еще.

— Но ведь его брала ты. О, смотри: дверь-то открыта.

— Ох уж этот Паули, вечно он не запирает двери!

— А может, он еще не заходил домой, может, мы сами не заперли.

— Вполне вероятно, что и сами, раз ты забыл ключ.

— Ничего я не забывал. Я понадеялся на тебя, поэтому не взял его специально.

— Слушай, тут какая-то записка...

— «Я В ПОЛИЦИИ. ПАУЛИ».

— Господи Боже ты мой! Легавые загребли нашего мальчика!

— Безобразие! Произвол! Полицейское государство!

Мария Шмальфус принесла свой ноутбук с выходом в Интернет, и пальцы Паули с невероятной быстротой забегали по клавиатуре. В считанные секунды подросток вошел в свой почтовый ящик.

— Разрешение экрана не очень хорошее, но тем не менее... Вот, глядите.

Еннервайн и Мария жадно припали к монитору вслед за Паули.

Макс Ленер G III/3/16/07 Кресценция Хольцапфель

Марио Боцца G III/4/38/07 Корбиниан Нойнер

Лучио Гарибальди G III/3/16/87 Вальтер Бухвизер

Димитриос Кириакис P II/1/41/16 Агата Глац

Педро Мальо P I/4/31/18 Элизабет Бадер

Список простирался на многие страницы и казался бесконечным.

— Эти фамилии мне незнакомы, — сказал Паули. — Честно говоря, я уже заглядывал в телефонную книгу. Ни в нашем городе, ни в ближайших окрестностях таких людей нет.

Левая колонка почти сплошь состояла из итальянских, греческих и испанских имен. Фамилии в правой колонке имели явное верхнебаварское звучание, причем имена были сплошь старинные, давно вышедшие из моды. Значит, они принадлежали немолодым людям, хотя для гериатрического курорта это не удивительно. А вот комбинации цифр, вставленные между именами, не говорили Еннервайну ровным счетом ничего.

— Позвоните, пожалуйста, Остлеру и Хёлльайзену, — попросил Еннервайн Марию. — Может, у них будут какие-нибудь соображения по этому поводу.

Как и сказал Паули, вторая папка с файлами содержала некое подобие слайд-шоу из бесконечной череды «отпускных» фотографий. Судя по всему, снимки были сделаны на просторах итальянского юга — пляжи, достопримечательности, правда, из последних главным образом церкви. Каждый кадр сопровождался подписью: в квадратике, вставленном в середину изображения, были скрупулезно указаны дата, время и место съемки.

Сидящие за компьютером открыли наугад некоторые кадры. Всего их насчитывалось несколько сотен. Кальтаджироне, Рагуза, Санта-Оттавиано... Полицейские и подросток обменялись беспомощными взглядами: никто не мог даже предположить, что все это означает. Вскоре приехали Остлер с Хёлльайзенем и внимательно выслушали последние новости. Остлер первым делом взгляделся в список имен.

— Хольцапфель, Нойнер, Бухвизер... Удивительно. Это явно здешние, однако я не знаю ни одного человека из этого списка. Дайте мне пять минут.

Остлер ушел звонить. Вскоре в палате появился компьютерщик Джо, тоже с ноутбуком, на который тут же скопировал все данные.

— Принцип Керкгоффса, да? — подмигнул он Паули. — Предлагаю еще раз повнимательнее рассмотреть фотки. У моего ноутбука разрешение экрана будет лучше, чем у этой игрушки.

Он махнул в сторону ноутбука Марии Шмальфус, и та сердито фыркнула.

Остлер снова присоединился к следственной бригаде, заседающей в палате Еннервайна.

— Я позвонил в адресный стол и зачитал первые десять пар имен. Персоны из левой колонки неизвестны, однако в правой действительно сплошь имена местных жителей. Один только нюанс: все они умерли в течение последних нескольких лет. Цифры в середине — это скорее всего номера захоронений. Я сейчас быстренько съезжу на кладбище и проверю. Скоро позвоню.

Хёлльбайзен тоже засобирался уходить.

— Я в участок, подниму архивы: может, какие-нибудь из этих фамилий фигурируют в полицейских протоколах.

— Да, нужное дело. Приступайте, — рассеянно кивнул Еннервайн двум местным служителям закона.

Джо недовольно покачал головой:

— Ну, не вижу здесь ничего особенного, по крайней мере на первый взгляд. Да и на второй тоже. Прорва банальных туристических снимков — я не собираюсь разглядывать их тут с вами весь вечер. Вот, скажем, Санта-Мария-ди-Леука, палаццо Верде, — ну и что? Я тоже был там разок, хоть и не третьего августа тысяча девятьсот девяносто шестого года в тринадцать часов пятьдесят шесть минут, как тут написано.

Кто-то даже потрудился выбрать для слов «палаццо Верде» красивый шрифт в средиземноморском стиле, перевести дату на итальянский и оформить рамку в красках герба провинции Апулия. Ни один из присутствовавших в больничной палате не догадался, что красивый текст на табличке помещен в кадр вовсе не для того, чтобы что-то показать, а с целью кое-что скрыть. Никто не додумался подвигать текстовый блок указателем мыши. Тогда бы они обнаружили на каждой фотографии мертвое тело с безупречно расположенным отверстием от снайперской пули.

— Может быть, вам пригодится следующее, — сказал Паули Еннервайну. — Понимаете, шифровальный код здесь представляет собой определенную и очень простую форму. Это цифры в формате «день-месяц-год» скорее всего даты рождения двух людей, примерных ровесников моих родителей.

— И как это работает?

— А вот как. С позиции номер один (первая дата рождения) изымаются десять символов, которые ставятся на позицию номер два (вторая дата рождения). Значит, программа для шифрования выглядит примерно так...

И Паули настукал на клавиатуре ноутбука небольшой, однако понятный даже ничего не смыслившему в программировании комиссару скрипт на простом, но могучем языке программирования «Перл»:

```
#!/usr/bin/perl
#open file, e.g. input.jpg
open(inputfile, «+<». @ARGV[0]);
$offset1 = int(@ARGV[1] {=170359, dad's birthday!});
$offset2 = int(@ARGV[2] {=181263, mom's birthday!});
$cuttingsize = int(@ARGV[3]);
$i = 0;
$buffer = «»;
$modus = int(@ARGV[5]);
```

#create file, e.g. output.jpg r/w
open(outputfile, «+ >». @ARGV[4]).

— Смеешься, что ли? Это не дни рождения, — авторитетно возразил Джо. — Спорим? Разве в наши дни еще находятся кретины, которые берут свой день рождения для пароля?

— И тем не менее, — поддержал Паули Эннервайн. — Когда Остлер вернется, я попрошу его пробить эти цифры на предмет дней рождений...

— Только лишняя трата усилий! — едва ли не хором воскликнули Джо и Паули.

У Эннервайна появилось ощущение, что он теряет время. Ведь бандит, напавший на него на чердаке, прекрасно знает, что флешка обнаружена, ее содержимое скопировано и полиция как раз пытается подобрать пароль, и понимает: каждый миг может стать решающим. Ему захотелось немедленно что-нибудь предпринять, однако он понятия не имел, в каком направлении двигаться. А тут еще эти травмы. Проклятая беспомощность! Эннервайн пришел в ярость. Он давно бы уже удрал отсюда без оглядки, если бы не вывихнутая нога. Бессильная злоба клокотала в нем. Тут у Паули зазвенел мобильник. Разговор был коротким. Подросток засунул розовое нечто в сумку и сообщил:

— Вообще-то мне пора домой.

— Ну, иди.

— Я не арестован?

— Нет, арестовать двенадцатилетнего никто не имеет права, — улыбнулась Мария. — Кроме того, мы знаем, где ты живешь... А если серьезно, я бы посоветовала тебе поскорее признаться во всем родителям.

Паули соорудил унылую мину. Тогда Эннервайн добавил голосом Джона Уэйна в роли шерифа из «Рио-Браво»:

— Последнее слово, чужеземец: тебе нельзя покидать город до ближайшего восхода солнца.

— О'кей, шериф! — радостно ответил Паули.

По пути домой Паули припомнил еще кое-что. Маленькая такая деталька, но чем черт не шутит, может, и она будет важной для следствия? Его совсем не тянуло домой, к родителям. Появится он на полчаса раньше, на полчаса позже — какая разница? Теперь он помощник шерифа и должен обделать еще одно дельце. Отныне мальчишка точно знал, кем будет после школы — полицейским.

Наконец в палате появились Шваттке и Штенгеле — их тоже пришлось срочно информировать о новом повороте в деле «Эдельвейс». Рассказывая историю в очередной раз, Эннервайн вдруг осознал, что приступы агнозии движения одолевали его исключительно в стрессовые моменты. Значит, он должен быть предельно внимательным и собранным и стараться не попадать в экстремальные ситуации. Откинув подголовник кровати в горизонтальное положение, гаупткомиссар попытался расслабиться.

— Потрясающая фотовыставка! — ворчал Джо, бившийся над доступом к оставшейся папке с файлами, попивая молочный коктейль. — Слушайте, вот последняя порция, я до нее добрался. Но и тут одни сплошные фотографии, и ничего, кроме фотографий.

— Дайте посмотреть!

Все одна и та же пара, мужчина и женщина, ежедневно позируют на неизменном месте

— у газетного киоска перед церковью, на фоне альпийских вершин...

— Видели американский фильм «Дым»? — хмыкнул Джо. — В нем играет Харви Кейтель. Там один чокнутый фотографируется каждый день в одно и то же время на определенном нью-йоркском перекрестке. Похоже, здесь то же самое, только не в мегаполисе, а на лоне природы, так сказать.

Достав из кармана джинсов очередную банку молочного коктейля, Джо принялся открывать щелчками мыши один файл за другим. Картина складывалась удручающая: сотни фотографий, на которых изображена одна и та же семейная пара! Шваттке, Штенгеле, Еннервайн и Джо напряженно уставились в монитор. Может быть, они попали на след чудовищного преступления государственного масштаба?

— Кто-нибудь знает этих людей?

Все покачали головами.

— Жаль, что с нами нет никого из местных.

Однако Еннервайну эта пара показалась чем-то знакомой. Где-то он их видел, мельком, вот только где? Он улегся на кровать, расслабился и стал думать. В палату вошла медсестра, чтобы сменить ему повязку. Шваттке и Штенгеле из деликатности вышли в коридор. У сестры было суровое мужеподобное лицо, и в целом она была не очень-то похожа на медицинского работника.

— Как, снова укол? — удивился Еннервайн.

Медсестра кивнула.

— Это что, действительно необходимо?

— Да, ничего не поделаешь, друзья мои. И времени у нас в обрез. Благоразумнее всего уехать как можно скорее. Вчера там, на чердаке, кто-то едва не прикончил инспектора уголовной полиции. И поскольку этим «кем-то» точно не был ни я, ни кто-нибудь из вас...

Свобода внимательно посмотрел в глаза Игнацу и Урзель. Ни один из супругов даже не вздрогнул.

— Значит, это кто-то из наших трансальпийских друзей, — заключил Свобода.

Он никогда не произносил вслух названия организации. Гразеггеры с нетерпением ждали его возвращения из больницы, однако новости, которые он принес, оказались неутешительными. План добыть из тайника флешку с секретным содержимым, проникнув в здание во время концерта, провалился. Супруги купили билеты в кассе, все честь по чести, и хотели наведаться на чердак в перерыве, однако их опередил не только Свобода, но и еще кто-то неизвестный. И судя по тому, как все выглядело, этот человек был очень опасен.

— Легавые скопировали данные с флешки и сейчас бьются над ними, пытаюсь расшифровать, — ну что ж, это еще полбеды. Не думаю, что вообще найдется человек, способный это сделать. И если тем не менее полиции повезет, то ничего не стоит отвести от нас подозрения с помощью плана «Б», то есть фокуса из разряда «Здесь замешан Генеральный прокурор ФРГ». Правда, на данный момент это самая незначительная из наших проблем.

Свобода несколько раз хлопнул в ладоши.

— А теперь пора, хоп-хоп, поторапливайтесь! У нас на хвосте не только полиция, но и другая организация, вооруженная не в пример лучше.

Гразеггеры понимали, что он прав.

— Флешка в руках у наших вчерашних компаньонов. Они тоже захотят получить ключ и обязательно этого добьются, — сказал Свобода. — Сюда направят лучших из плохих парней, и те сумеют вытрясти из нас все, что нужно. А потом...

Один из таких парней был уже в пути.

Каждый понимает, как грустно и больно покидать в страшной спешке родное гнездо, в котором жили несколько поколений твоей семьи начиная с XIX века. Оставлять стены, знавшие тебя младенцем. Просто сердце разрывается, когда бросаешь добротный дом, расположенный настолько удачно, что его невозможно загородить другими строениями. Здание с таким отличным подъездом, с таким восхитительным видом на все без исключения горы, перечисленные в рекламном путеводителе! А если учесть, что под этой же крышей располагалась собственная фирма, то на душе становится еще горше. Когда еще найдешь другое такое место с непревзойденными условиями для бизнеса... Как бы не пришлось искать годами. К тому же придется бросить на произвол судьбы множество дорогих вещей: истинные шедевры искусства и отличного качества подделки, драгоценные металлы и камни, старинные монеты и другие богатства — ведь лишь самую ничтожную часть из них можно загрузить в компактный фургон, поджидавший внизу, в гараже.

Однако ничего не поделаешь, нужно сниматься с якоря. Сразу же после того, как Свобода вернулся из больницы с плохими новостями, подготовка к отъезду,

запланированному в качестве крайнего варианта, стала набирать обороты. Должно быть, кто-то из итальянцев выдал кладбище. Или это сделал кто-нибудь из местных? Гразеггеры предусмотрели и этот случай, они вообще были готовы ко всему. Задачей Свободы являлось оставить дом в таком состоянии, чтобы полиции пришлось подольше поломать голову над всяческими загадками. И прохиндей живо сел на своего любимого конька, то есть занялся стиранием старых и созданием новых следов. Пока он наспиговывал подвал своими мастерскими фальшивками, Игнац и Урзель собирали вещи в далекое путешествие.

* * *

— Но ведь ты прекрасно понимаешь, что в машине мало места!

— Да, понимаю.

— И что вернуться нам уже не удастся, второго рейса не будет!

— Я прекрасно знаю это и без тебя, старая балаболка.

— И тем не менее тащишь с собой эту оленью башку?!

— Этого оленя подстрелил мой прадед. Олень едет с нами.

— Но ведь он занимает столько места в машине!

— Олень едет с нами.

— Ну, раз ты так уперся, тогда ставь его к себе на колени!

— Естественно, я так и сделаю.

— А что там с Боттичелли?

— Уже лежит под ковриком у сиденья.

— Оружие?

— Никакого оружия, — вмешался Свобода, — его мы оставим здесь.

Как и большинство уголовников его разлива, Карл Свобода терпеть не мог оружия. Если бы только было возможным устранять врагов с помощью колдовства, он с радостью предпочел бы это средство всем «пушкам», ножам и кастетам.

— Пойду-ка посмотрю, все ли в порядке в подвале. Что-то у меня на душе неспокойно.

Предчувствия редко подводили Карла, и этот случай тоже не стал исключением. Пройдя всего лишь несколько шагов вверх по косогору за домом, он понял, что здесь пробирался незванный гость. Ветви и сучья трещали так громко, как только могут трещать, когда сквозь чашу продирается человек. Свобода снял обувь и отправился дальше босиком. Совсем скоро он заметил чьи-то руки: одна из них обнимала ствол тонкого дерева, другая держала цифровой фотоаппарат. Затем он бросил взгляд на ноги в грязных полуботинках, которые с трудом удерживались, чтобы не соскользнуть с крутизны. «Сакра», — мысленно ругнулся Свобода и решил применить особый обходной маневр, испытанный еще Александром Македонским в битве при Иссе в 333 году до нашей эры. Воспользовавшись тем преимуществом, что он знал этот склон как свои пять пальцев, мужчина отбежал на несколько метров в сторону, поднялся вверх по склону, обогнул притаившуюся у дерева темную личность и подкрался к ней сзади. Незвестный стоял в прежней позе, изучая задворки дома и выбирая точку съемки. Борец из Свободы был неважнецкий, он никогда не рассчитывал на свои мускулы как на решающий аргумент в рукопашном поединке, однако эта фигура у дерева оказалась на голову ниже и могла стать легкой добычей. Фотоаппарат, который пришелец из леса держал в руке слишком непринужденно, был моментально

отобран и отброшен далеко в сторону. Затем на незнакомца обрушился двойной нельсон, после чего Свобода отстегнул со своего пояса наручники, которые всегда носил с собой, и через мгновение грустное существо оказалось прикованным к дереву. Вот тебе! «Сакра», — в очередной раз подумал Свобода, спускаясь по косогору. Казалось бы, дельце провернуто и ты в шоколаде, но нет, всегда есть место неожиданностям, и в любой момент твоя жизнь может кому-то понадобиться.

* * *

Вернувшись на террасу дома Гразеггеров, Свобода стал торопить хозяев еще активнее. Совместными усилиями они протянули кабели, настроили приборы, смешали порошки — эй, осторожнее с катализатором горения! — и упаковали в сумки самое необходимое.

— Ты что, всерьез собираешься брать с собой это рогатое чучело?..

— Это дух моего...

И тут по террасе как будто бы щелкнули гигантским кнутом. Оконное стекло разлетелось на мелкие кусочки, два терракотовых вазона с цветами полетели вверх тормашками, и хозяева с гостем поспешно сгруппировались на полу. Когда они поняли, что это был выстрел, и осознали, откуда он исходил, то поползли по-пластунски в укрытие.

— В дом! — прокричал Игнац, однако там внутри уже плясали первые язычки пламени. Глаза Урзель расширились от ужаса так сильно, что в них едва можно было различить белок. Свобода схватился за плечо, и на полу террасы образовалась маленькая лужица крови.

Медсестра с суровым мужеподобным лицом исчезла из палаты так же неожиданно, как появилась. Она наложила больному новые повязки, после чего тот почувствовал себя посвежевшим и жаждал деятельности. Сделанный ею укол подарил Эннервайну дополнительный заряд бодрости. Он встал, умылся, подошел к платяному шкафу и стал одеваться. Это получалось медленнее, чем ему хотелось. В самой середине одевания, когда гаупткомиссар натягивал штанину на забинтованную ногу, ему на ум вдруг пришла песенка, которую они с коллегами пели во время прогулки: «По утренней росе двинем в горы, фаллера!» Сначала он попытался отбросить эти строчки как ненужный балласт, вынырнувший из моря бесполезных воспоминаний, но потом... по утренней росе... восхождение на Штепберг... Вот Остлер здоровается с местными жителями, выглядывающими с балкона своего дома... Кажется, он обращался к ним по имени? Как же их звали? Перед глазами Эннервайна всплыли лица тех самых женщины и мужчины с балкона. Да ведь это они были на фотографиях в последней папке! Вот тебе и фаллера! Полицейский окончательно натянул штаны, схватил телефон и служебное удостоверение и заковылял по коридору мимо пустых стульев охранников, которые, наверное, вышли на улицу покурить. Когда он проскакал на одной ноге мимо сестринского поста, медсестра с мужеподобным лицом хотела что-то сказать ему, но передумала, ведь она не могла его удержать. Эннервайн передвигал ногами так быстро, как только мог. Из тридцать второй палаты, опираясь на костыли, вышел недавно прооперированный пациент.

— Уголовная полиция, текущее расследование! — гаркнул Эннервайн. — Вот мое удостоверение, держитесь за стул, мне нужны ваши костыли!

— Пожалуйста, господин Эннервайн.

Оказавшись на улице, гаупткомиссар запрыгнул в такси, ожидавшее своего пассажира.

— Куда поедет, господин гаупткомиссар?

Похоже, здесь его теперь знает каждый встречный.

— Просто поезжайте вперед. Названий улиц я все равно не знаю. Южная часть города, дорога на Штепберг, и там еще спортплощадка по пути. Последний дом на улице, с таким большим...

— А-а, понятно: вам нужна похоронная фирма Гразеггеры!

Таксист газанул изо всех сил. Ну конечно, Гразеггеры. Именно эта фамилия прозвучала несколько дней назад, когда веселая компания шла мимо дома с балконом. Похоронная фирма, значит. И гигантский список почивших местных жителей... Таксист гнал на дьявольской скорости. У Эннервайна зазвонил мобильник. Это был Остлер.

— Приветствую, шеф. Я приехал в больницу и не могу вас найти. Вы где?

— Не имеет значения. Что у вас нового?

— Я только что посмотрел фотографии в компьютере Джо. Это Гразеггеры, Игнац и Урзель, наши коренные жители. Семья уважаемая, с безупречной репутацией, серьезная до крайности. Двое детей. По вероисповеданию католики, члены церковно-приходского совета, щедрые жертвователи на новый орган, главные спонсоры ежегодного спортивного праздника для местной полиции. Их благотворительность не знает границ, видимо, похоронный бизнес идет неплохо. И вы тоже видели их разок, помните — когда мы были на прогулке и проходили мимо... Алло, шеф, вы меня слышите?

Еннервайн уже отключился. Быстрая езда с визгом шин воодушевляла его. «Безупречная репутация, говорите. Нет уж, все белое может оказаться черным», — думал гаупткомиссар. Хольцапфель, Нойнер, Бухвизер — и еще больше сотни умерших из местных жителей. Бухвизер, Хольцапфель, Нойнер — надо проверить, естественной ли смертью умерли эти люди. Кресценция, Корбиниан, Агата — эти старинные имена навевают образы богатых прабабушек, тетюшек, дядюшек, трясущихся, рассеянных, нуждающихся в уходе, от которых ждут не дождутся наследства. Здесь что-то есть от подписей, в отчаянии сделанных на подсунутых завещаниях, от крысиного яда в кофе и мышьяка в земляничном пироге.

Однако сто тридцать убийств?.. Для какого-нибудь Чайнатауна это было бы неудивительно, но для такого крошечного курорта?.. И потом: Марио Боцца, Лучио Гарибальди, Педро Мальо — сплошные южане. Какое отношение к ним имеет здешняя похоронная фирма?

Мчащееся на умопомрачительной скорости такси сделало крутой вираж, и в этот момент с глаз Еннервайна как будто бы спала пелена. Загадочный список обрел смысл. Сто тридцать могил, двести шестьдесят имен, два уважаемых организатора похорон... С какой стати «уважаемых»? Ведь они прячут трупы!

Бешеная гонка внезапно оборвалась. Таксист ударил по тормозам, и машина остановилась как вкопанная.

— В чем дело?

— Проезда нет. По крайней мере пока.

Коровы. Дорогу преградили десятки коричнево-пестрых коров, неторопливо сходявших с горного пастбища, и каждая покачивала налитым выменем. Пробриться сквозь стадо на автомобиле было и вправду невозможно.

— М-да, пешком, как я погляжу, будет быстрее.

— Ну, тогда вперед.

— А сколько осталось до места?

— Пять минут езды.

Еннервайн распахнул дверь машины, схватил позаимствованные костыли и выпрыгнул на дорогу.

— Счет оплатит государство. До встречи.

— Эй!.. — крикнул таксист ему вслед. — Я подожду вас!

Гаупткомиссар заковылял вперед по дороге, лавируя между коровами. Справа вздымалась махина Крамершпиц, слева навстречу Еннервайну текла река Лойзах, а вдоль ее берега бежала узкая тропинка, точно не оккупированная буренками. Руки Еннервайна ныли от костылей. Собственно, у него болело все, что только могло болеть, однако им плотно овладел охотничий азарт. Пройдя несколько десятков метров, он встретил группу спортсменов на горных велосипедах и снова выхватил из кармана служебное удостоверение:

— Уголовная полиция, текущее расследование. Мне нужен...

Велосипедистов не пришлось долго упрашивать.

— Пожалуйста, садитесь, только, ради Бога, не сверзитесь с какой-нибудь кручи!

Еннервайн уже ничего не слышал. Он вскочил на велосипед и рванул с места. Теперь он не просто передвигался вдоль берега горной реки, но мчался по служебной надобности и уже почти не чувствовал боли, а ощущал лишь встречный воздушный поток, напоенный ароматами растений. Проезжая мимо спортплощадки, он краем глаза взглянул на юных футболистов, которым приходилось отжиматься в упоре лежа — бедняги! На обочине сидел

золотистый ретривер, внимательно наблюдая за обстановкой. Еннервайн с шумом прокатил мимо собаки, та кинулась за ним — с самыми дружескими намерениями, но скоро выбилась из сил. Через пару сотен метров пес сошел с дистанции и уселся на дорогу, часто-часто дыша. У Еннервайна зазвонил мобильник. Крутить педали при условии, что у тебя ранена нога, да еще и говорить по телефону — слишком опасное занятие, и Еннервайн решил остановиться. Он сошел на землю. Может быть, что-то важное. Звонил Джо.

— Алло, комиссар, вы не поверите, но даты рождения принадлежат...

— Игнацу и Урзель Гразеггер, я знаю, — выпалил Еннервайн и с досадой нажал на сброс. Джо наверняка обиделся, но сейчас не до политесов, нельзя терять ни минуты. Еннервайн снова запрыгнул на горный велосипед. В следующий момент он почувствовал запах гари. Где-то поблизости начинался пожар.

С высоты птичьего полета долина Лойзах напоминала голодную змею, затаившуюся в стратегически важном месте — точно посередине курорта, чтобы наброситься на невинную горную речку Партнах и проглотить ее. Но парапланеристу в небесах было вовсе не до причуд ландшафта. Он только что совершил ошибку. Он вовсе не собирался стрелять до тех пор, пока нужная ему тройка не отойдет чуть дальше от входа на террасу. Тогда киллер и пустил бы в ход свою снайперскую винтовку, молниеносно сделав несколько точных, смертельных выстрелов.

Но ему сильно подгадил нисходящий ветер. Фён, друг планеристов и враг парапланеристов, могучим порывом придавил летательный аппарат Флавио книзу и заставил войти в штопор. Ветер явился стремительно, принеся с собой тепло и сделав непредсказуемыми термические потоки. Попав в турбулентные слои на границах между подвижными и неподвижными воздушными массами, сочетание которых характерно для фёна, параплан начал сильно трястись, а его купол готов был сложиться. Усилившиеся бризы сыграли с парапланом дурную шутку. Из-за этого все и случилось...

Найти нужный дом не составляло труда: он был последним на улице. Пышные заросли плюща и винограда, похожие на военную маскировочную сеть, надежно прикрывали здание со всех сторон, в том числе сверху. Флавио пришлось ждать, когда все три его «клиента» появятся на террасе, на которой имелась одна более или менее оголенная точка. И ведь они не раз стояли там втроем! Ему были нужны именно эти люди, он не ошибся. Однако — мамamia! — что же они делают?! Зачем протягивают кабели, сыплют порошок и поливают пол жидкостью из бутылок? И тут он выстрелил, все из-за этого проклятого ветра. Внизу моментально что-то взорвалось. Парапланерист успел увидеть, как две фигуры поспешно затаскивают в дом третью. Тут раздалось несколько взрывов меньшей силы. Языки пламени взметнулись сперва неуверенно, затем вырвались из окна, полыхнув в полную мощь. Задание было выполнено. Флавио поменял направление полета. У него дико заболела голова. Неужели он мог допустить такую оплошность, он, самый высокооплачиваемый киллер на юге Италии! Он поплыл по небу прочь от горящего дома, затем достал телефон.

— Пронто! Это Флавио, — сказал бандит.

В следующее мгновение он почувствовал легкий укол в шею и потерял сознание.

Роза Ленер была несказанно довольна собой. Момент для того, чтобы возобновить контакт с Гразеггерами после пятнадцатилетнего перерыва в общении, казался ей весьма подходящим. Половина местного населения была на праздничном шествии, другая половина приходила в себя после событий последней недели. Нелегальная вдова маленького человека имела все шансы стать легальной вдовой большого. Любительница посчитать шла по тропинке вдоль берега реки Лойзах, вниз по течению. Время от времени она останавливалась, легонько пиная траву носком ботинка. Когда вдруг раздался странный хлопок, госпожа Ленер насторожилась и прервала свои привычные вычисления. Грозный шум исходил как раз оттуда, куда она направлялась. Что такое? Что случилось? Дама ускорила шаг. Увидев последний на улице дом, она в ужасе отшатнулась. Пламя со страшной силой вырывалось из окон, огонь уже добрался до крыши, которая с жутким треском плевалась черепицами. Все затянуло таким густым дымом, что Розе пришлось приложить ко рту носовой платок и дышать через него. Бросаться к дому в попытке помочь его обитателям явно не имело никакого смысла. Вдова достала мобильник и набрала «110» — вот и все, что она могла сделать для своих старых друзей. Тут откуда ни возьмись на тропинку вылетел горный велосипед, несущийся на бешеной скорости. Места было мало, деваться некуда... Неловко затормозив, велосипедист упал и покатился с кручи на спине. Как раз в этот момент на звонок Розы ответил дежурный полицейский, и та наскоро сообщила ему о пожаре.

— Спасибо за звонок, девушка, — сказал обермейстер, — но мы уже в курсе!

Затем Роза помогла мужчине встать. Он был весь в бинтах и пластырях — словно персонаж рисованного комикса, недавно попавший в автомобильную аварию.

— Ладно, я сам виноват, — пробурчал Еннервайн, отряхивая грязь с одежды. К сотням его предыдущих ран добавилась еще пара-тройка. В доме Гразеггеров начинало гроыхать все отчетливей, и это были не лопающиеся оконные стекла или оседающая в огне мебель, а самые настоящие взрывы. Задымление стало плотнее.

— Я уже позвонила в полицию, — с трудом преодолевая кашель, проговорила Роза Ленер. Затем сделала шаг в сторону, явно намереваясь улизнуть.

— Подождите! — сквозь кашель крикнул Еннервайн в ответ. — Может, вы заметили что-нибудь необычное?

— Нет-нет, ничего я не видела. Просто сообщила о пожаре, вот и все. Я пойду. Сочувствую — вы упали, но ведь все обошлось, как я погляжу.

— Минутку, минутку! Вы не можете просто так уйти! Оставайтесь, будете свидетельницей.

«Ишь ты, ведет себя так, словно он по меньшей мере начальник отдела в супермаркете», — ядовито отметила про себя Роза.

— Еннервайн, гаупткомиссар уголовной полиции. Сообщите мне ваши личные данные!

Перебинтованный тип помахал служебным удостоверением. Роза немного помедлила. Только этого ей еще не хватало — полиции. Может, просто убежать? У этого мужичка слишком много травм, поэтому вряд ли догонит, а его велосипед теперь — гора металлолома. Но с другой стороны, что тут такого, если она просто назовет свое имя? Чем это ей повредит? Вдовушка вытащила удостоверение личности, и Еннервайн, кашляя, переписал ее данные.

— Мы обязательно свяжемся с вами. А теперь идите, с каждой минутой здесь становится все опаснее.

Женщина, которую он чуть-чуть не сбил с ног, поспешно исчезла за плотной завесой дыма. Должно быть, она шла вверх по течению реки... Ладно, не важно. Еннервайн задохнулся в очередном приступе дикого кашля. Платка у него не было, и он прикрыл нос рукавом куртки. Затем отвернулся от источника дыма и проковылял несколько метров в сторону реки. Споткнулся, оступился, упал наземь. Нет, разлеживаться нельзя, надо изловчиться и ползти дальше. Только не сдаваться! Из последних сил он подполз к берегу Лойзах, окунул лицо в воду — и едва не отскочил как ужаленный: та была поистине ледяной. Ему в спину дышало жаром, с горы тянулся пухлый, зловещий вал желтоватого дыма. Еннервайн прыгнул в реку.

Лишь через два часа местным пожарным удалось победить огонь. Правда, даже при таких благоприятных для тушения условиях — во-первых, к очагу можно было подъехать с двух сторон, во-вторых, рядом протекала река с предостаточным количеством воды, и, в-третьих, сообщение о пожаре поступило практически сразу после возгорания — все выгорело подчистую. И далее, казалось бы, всемогущий брандмейстер, у которого в тот день был выходной и который сидел в шатре за четвертой или пятой кружкой пива, тоже не смог бы ничего сделать. Перед глазами испуганных зрителей, изумленно качавших головами, чернели лишь тлеющие остовы стен. От крыши совсем ничего не осталось — легкий бриз, который то и дело спускался с горы Крамершпиц, прилежно раздувая огонь, развеял остатки стропил по воздуху.

— Чисто сработано! — сказал один пожарный другому. — Все подчистую полить катализатором горения и так грамотно расположить заряды взрывчатки! Здесь потрудились какой-то профи.

Медик, входивший в состав пожарной команды, сел в служебный автомобиль и поехал в центр городка писать отчет. Документ получился коротким: «В подвале дома обнаружены два сильно обгоревших трупа, по предварительной оценке, мужского и женского пола, лежавшие близко друг к другу. Третий труп, предположительно мужского пола, находился в сидячем положении, на некотором отдалении от первых двух. Для определения прочих данных направить на судебно-медицинскую экспертизу».

Распечатав файл и поставив под протоколом подпись, врач на несколько мгновений задумался о том, а кто же, собственно, хоронит похоронщиков?

Грустное существо, прикованное к березке в нескольких метрах от дома Гразеггеров, могло считать, что ему повезло. Дым унесло в сторону удачно подувшим ветром, и пленник лег на землю, пытаясь дышать животом. Дерево оказалось недостаточно толстым, чтобы на него можно было залезть, и недостаточно тонким, чтобы согнуть. К счастью для парня, в него не только не угодила ни одна из летавших вокруг деревяшек и других стройматериалов, но и ему подвернулся шанс на спасение в виде тлеющей головни — мечты шашлычника и украшения любого камина. Головешка упала совсем неподалеку, и узник осторожно подтянул ее к себе ногой. Затем он изо всех сил стал пригибать деревцо к земле. В возникшем остром углу между стволом и почвой дымился и тлел обломок угловой кухонной скамьи, огонек в котором поддерживал ветер со склона. Наконец березка упала, и пленник вырвался на волю. Перемазанный с ног до головы сажей, он побежал вниз по косогору, затем нырнул в лесной массив плато Крамер. Расстояния на курорте были совсем небольшими. Фигурка направлялась в полицейский участок.

Особая следственная бригада «Эдельвейс» собралась в полицейском участке почти в полном составе, конечно, за одним-единственным исключением. Никто не знал, где находится их руководитель и что с ним случилось, и вокруг имени гаупткомиссара уже начинали бродить всевозможные слухи. Конец домыслам положил звонок от самого Эннервайна.

— Вы живы-здоровы, шеф? — с облегчением проговорила Николь Шваттке. — Мы очень беспокоимся о вас, вы исчезли так внезапно...

Она включила громкую связь, чтобы все коллеги могли слышать их разговор. Скупое, в телеграфном стиле Эннервайн рассказал о своих злоключениях.

— ...а потом мне не оставалось ничего другого, как прыгнуть в реку. У моста меня выловил один отзывчивый таксист и доставил в больницу. Я бы объявился гораздо раньше, но одна злая, как цербер, медсестра запретила мне заниматься служебными делами и окружила нежной заботой.

— Вы ранены?

— О-ох, назвать меня раненым будет преувеличением. У меня крошечная ссадина на голове и мощнейший насморк. Тем не менее прыжок в ледяную воду был меньшим из зол, иначе я задохнулся бы в дыму.

— Значит, вы снова в больнице? — сделал вывод Штенгеле. Затем он исторг вопль радости, употребив при этом междометие, понятное лишь альгойцам. В моменты сильного эмоционального возбуждения Людвиг всегда прибегал к сокровищам родного диалекта.

— Да, верно, я снова валяюсь тут.

— Можно, мы к вам придем? — спросила Мария Шмальфус.

— Нужно! Приходите, устроим небольшое совещание.

— Как, неужели? Наверное, вам хочется сначала...

Нет, Эннервайну ничего такого не хотелось. И все отправились к нему, не забыв прихватить с собой Беккера с Джо. Хорошо, что Эннервайну выделили отдельную палату!

— Как вы себя чувствуете, шеф? — поинтересовался Хёлльайзен.

— Нормально, друзья. Но оставим в стороне мое самочувствие, поговорим о гораздо более важных вещах. Эти Гразеггеры... Был ли этот пожар...

Тут за дверями палаты послышался какой-то шум. Высокий женский голос ругался, суровый мужской не оставался в долгу.

— Посмотрите кто-нибудь, что там случилось.

Почетная роль «смотрителя» досталась Беккеру. Он вышел из палаты и увидел медсестру с грубым мужеподобным лицом, которая пыталась преградить путь кряжистому красномордому мужчине с густыми усами.

— Думаете, сюда могут заходить все, кто попало?! — ругалась медсестра.

— А я вовсе не «кто попало»! Я член совета общины, мне можно! Довольно с меня этого безобразия!

— Входите! — крикнул Эннервайн.

— Меня зовут Тони Харригль, — загремел уса́тый, вваливаясь в палату. — Я член совета общины, и я всегда говорил...

— Что вы всегда говорили? — спросила Николь Шваттке, и этот невинный вопрос еще сильнее разозлил Харригля — может быть, из-за ее вестфальского акцента. Казалось, он вот-вот лопнет от ярости.

— Сколько можно? Сначала попытка моего физического устранения, затем ваша неспособность установить истину, а теперь еще и эта чудовищная история с Гразеггерами! Как член совета общины, я отвечаю за все, что происходит в нашем городе. Я спрашиваю, когда наконец будут результаты...

— Вы так себя ведете, будто виновники всех бед — это мы.

— Нам жизненно необходим приток туристов, нас кормит добрая слава, которую мы зарабатывали десятилетиями! Скажите, господин Еннервайн, когда закончится весь этот кошмар?

Штенгеле успокоил взбешенного общественного деятеля и аккуратно выпроводил его из палаты. Когда вздорный посетитель ушел, Еннервайн процедил:

— То, что я предприму завтра, понравится этому Тони Харриглю еще меньше.

— Что именно вы собираетесь делать?

— Санкционировать эксгумацию. И не одну. А если точнее, сто тридцать эксгумаций. Да что там — двести шестьдесят! Это будут грандиозные раскопки. Мы перероем все здешнее кладбище.

Он достал распечатку и прочел вслух:

— Макс Ленер, G два дробь три, дробь шестнадцать, дробь ноль семь, Кресценция Хольцапфель. С этой могилы мы и начнем.

И тут Еннервайн осекся. Макс Ленер?! Однако женщина, чуть не попавшая под колеса его велосипеда рядом с горящим домом, ведь тоже была...

— Позовите, пожалуйста, медсестру.

— Вам плохо?

— В кармане брюк, которые она отобрала у меня в приемном покое, остался блокнот. В нем записан важный адрес...

— Так это вы — госпожа Роза Ленер?

— Послушайте, в тот день я просто прогуливалась вдоль реки и ничего особенного не...

— Вам знаком гражданин по имени Макс Ленер?

— Да. Это мой супруг.

— Можно с ним поговорить?

— Он уехал.

— Куда?

— Не знаю.

— И как давно он уехал?

Настойчивости в допросе свидетелей гаупткомиссару Еннервайну было не занимать. В этом деле ему неизменно сопутствовал успех.

Термальный курорт Баньи-ди-Петриоло, что между Сиеной и Гроссето, теплый ветер с моря, такой характерный для позднего лета... Здешние холмы были низковаты для того, чтобы на их вершинах мог рождаться настоящий фён, но тем не менее итальянцы придумали свое слово для обозначения похожего явления: *vento di caduta*, нисходящий ветер. Небольшой автомобиль-фургон выскочил из-за поворота на залитую вечерним солнцем трассу. Женщина, сидевшая за рулем, на миг обернулась и спросила:

— Ну как ты, Свобода?

— Ничего, я живучий. Меня так просто не возьмешь. Нет, ну до чего же здорово, что у

нас в холодильнике осталось три трупа. Сыскари порядком поломают над ними головы...

Свобода со стоном прижал руку к раненому плечу.

— Скоро приедем, — успокоил его Игнац, поглаживая оленью голову, подрагивавшую у него на коленях. Сверху шкура чучела была мягкой и шелковистой, но под ней чувствовалось что-то твердое. Из небольшой проплешины, проеденной молью, выглядывал сдержанно поблескивавший предмет с надписью «Vanca di...». Последнее слово было спилено.

— Сакра! — процедил Свобода. — Еще бы чуть-чуть, и всем нам крышка, — добавил он на австро-баварском диалекте.

Да, сакра! Что же теперь получается? Торжествует зло, празднует победу преступность, «гомо криминалис» выигрывает по всем статьям? Может ли такое вообще быть, да еще и — подумать только! — в осеннем бело-голубым флагом Верденфельзском районе Баварии, с незапамятных времен считавшемся оплотом непорочности?

Нет, совсем все плохо быть все-таки не может, и Бенедикт Штимпф как нельзя кстати вышел после обеда в сад, чтобы понаблюдать за природой. Бенедикт Штимпф был не просто охотником, но и владел уважаемой профессией охотника-санитара, своего рода ветеринара для диких животных. В конце нелегкого дня, посвященного охоте и неустанной помощи зверью, он внимательно глядел в полевой бинокль, пытаясь отыскать в небесах пару канюков, появившуюся в этих краях совсем недавно. Однако то, что он поймал в объектив, любителю природы совсем не понравилось. Там, наверху, какой-то ненормальный на параплане размахивал опасным на вид предметом. Вскоре стало ясно: это снайперская винтовка, ведь порывом ветра с нее сорвало обертку из куртки, и теперь малый оголтело целился то в одну сторону, то в другую, как видно, полностью потеряв контроль над собой. Бенедикт Штимпф счел своим долгом утихомирить безумца. Он сбегал за специальным ружьем для усыпления больных животных и зарядил его шприцем со снадобьем, предназначенным для оленей, волков и медведей. Экологически мыслящий гражданин не использовал никаких промышленных химических препаратов — он готовил снотворное сам, не нанося при этом урона природе. Охотник и санитар пользовался эссенцией, полученной из кожицы мухоморов, — именно этим средством он и пульнул в подозрительного типа. Затем Штимпф вызвал полицию.

Действие главного компонента зелья — мусцимола, который содержится только лишь в кожице, но никак не в теле гриба мухомора, начинается моментально. В научной литературе это вещество описано как психотропный яд, вызывающий стойкие явления дереализации. Согласно труду Козловского-Ламарка «Токсические вещества в природе», страница 228 и далее, мусцимол в отличие от остальных галлюциногенов «не позволяет осознавать неестественность происходящего». Таких тонкостей Бенедикт Штимпф, конечно, не знал. Он просто собирал красные мухоморы в окрестностях долины Лойзахталь, отрывал с них кожицу и срезал тонкий липкий слой между ней и телом гриба. Сие чудодейственное средство применялось в здешних краях уже не одно столетие и якобы без особого ущерба для здоровья тех, кого им пользовали.

Сознание у парапланериста помутилось, однако он приземлился на заливной луг практически без единой царапины. К спустившемуся с небес подбежали овцы и с любопытством обнюхали его. Флавио выпрямил спину и стал отчаянно махать на животных руками, пытаясь отогнать их. Потом он снова без сил повалился на землю. «Где мои сумка и параплан? Где дорогая снайперская винтовка?» Его сморил тяжелый сон, но вскоре разбудили какие-то голоса. Мужчину посадили на стул. Тучный косматый кабан с двумя страшными клыками медленно подошел к нему и спросил:

— Ваша фамилия?

Флавио не мог вымолвить ни слова от страха. Вздернув повыше свой мокрый пятак, дикий кабан повторил вопрос:

— Как вас зовут? Ваша фамилия?

В следующий момент откуда-то вынырнула огненно-рыжая лиса и принялась шмыгать туда-сюда под ногами.

«Где же винтовка?»

— Немедленно представьтесь! — в свою очередь, потребовала лисица.

Смысла противиться не было. Киллер назвал свое имя — вынужденно, так люди повинуются неудержимому приступу кашля и кашляют.

— Дата и место рождения!

«Кто это сказал? А, снова тот дикий кабан».

— Где проживаете в настоящее время? Кто дал вам задание убивать?

В эту секунду Флавио, племянник крупного авторитета Спаланцани, услышал тонкий, высокий голосок. Посмотрев в ту сторону, откуда раздавался звук, мужчина увидел существо размером с бейсбольный мячик, которое висело в воздухе, вибрируя прозрачными крылышками. Дозорщик-император трепетал перед самым носом Флавио, вопросительно глядя на него:

— Место жительства? Заказчик преступления?

У стрекозы были большие зеленые глаза, расположенные так близко друг к другу, что казались склеенными. Спаланцани попытался пристукнуть ее. Стрекоза увернулась и крикнула вниз:

— Теперь попробуй ты!

Гордый лев с покрытой рубцами и ссадинами шкурой подскочил поближе и горой навис над поверженным.

— Против кого вы собирались применить оружие? — зарычал лев на пленного племянника. Соппротивление Флавио таяло. Он ответил на вопрос. Рядом со львом прыгала гигантская жаба, записывая в крошечный блокнотик каждую реплику. Племянник мафиози говорил и говорил. Он хотел поскорее отделаться от этих зверей и снова уснуть.

— Что вы здесь делаете, господин Флавио Спаланцани?

— Я должен был выполнить особое поручение. А потом снова уехать, — прохрипел он.

— Поручение? Вот так так! — щелкало со всех сторон. Перед глазами плясали овцы и козы, зайцы и лисы, потом прискакала белка ростом с человека и спросила:

— В чем именно состояло поручение?

— Чего вам всем от меня надо? А ну-ка брысь отсюда!

Флавио вскочил на ноги и попытался пробиться сквозь плотную звериную стаю. Две форменные тужурки цвета зеленой листвы, из горловин которых торчали дебильноватые телячьи головы, схватили его и прижали к земле.

— Вы имеете право... — выговорил один теленок.

— А теперь выкладывайте все начистоту! — грозно ощерился лев.

Это было уже слишком. Флавио выложил все, что знал. Он называл места и обстоятельства, имена жертв и заказчиков расправы. У него не оставалось больше сил что-то скрывать. Еннервайн удовлетворенно кивал. Интуиция его не подвела, в то время как коллеги по особой следственной бригаде «Эдельвейс» не переставали удивляться такому повороту дела. Зазвонил телефон. Это был Паули Шмидингер.

— Господин комиссар, я вспомнил еще кое-что важное. Знаете, кого я встретил у входа

на чердак пару месяцев назад?

— Да, пожалуй, знаю, — ответил Еннервайн, мягко усмехаясь. — А где ты сейчас находишься?

— Э-э, в полицейском участке. Стою рядом с дежурным.

— Здорово, что ты заходишь к нам в гости! Поднимайся в двести второй кабинет.

Вскоре на пороге двести второго кабинета, совещательной комнаты Четвертой комиссии по расследованию убийств, возникла перемазанная сажей фигурка.

— Бог ты мой, Паули! Ну и вид у тебя! — изумленно воскликнула Мария Шмальфус. — И почему ты в наручниках?

— Мне надо избавиться от этих браслетов, прежде чем идти домой, — вздохнул Паули Шмидингер. — У вас ведь наверняка найдется ключик от них?

На кладбище у подножия горы Крамершпиц безраздельно властвовал фён. Солнце палило, гора вздымалась вверх во всю свою двухтысячметровую высоту, и металлический крест, установленный на ее вершине, слегка поблескивал — бесстыдно, как могло показаться снизу. Однако на этот раз не видно было ни траурной процессии, ни старшего приходского священника, который бы пел «*Révéla Domino viam tuam*», ни его коллеги. Здесь не было пропойцев-музыкантов, игравших бы похоронный марш, и ни один гроб не ждал спуска в могилу. Сегодня, наоборот, гроб путешествовал в обратном направлении — из преисподней на свет божий, и присутствующие смотрели на длинный ящик как будто бы в надежде, что его обитательница, Кресценция Хольцапфель, поведаст им нечто важное. Вокруг могилы собралось несколько прокуроров, поголовно страдающих мигренью, дорожки заполнили эксперты-криминалисты, которых коллеги ласково называли личинками из-за их белой спецодежды, чуть поодаль стояла заплаканная вдова кровельщика под конвоем двух полицейских, и, наконец, переминались с ноги на ногу члены Четвертой комиссии по расследованию убийств, собравшейся в полном составе.

— Ну и колода! До чего тяжелая! Сколько же она весит? — ворчал один из кладбищенских рабочих, поднимавших гроб из могилы — медленно-медленно, вручную.

«Итак, сначала эта эксгумация, затем покончить с отчетами, и уж потом я обязательно расскажу Марии обо всем, — думал Еннервайн. — Ей можно доверять, она поймет меня как никто». Он широко расставил большой и указательный пальцы, рассеянно поглядел на них и помассировал виски. Гаупткомиссар Еннервайн уже заказал столик на две персоны в кафе «Пиноккио».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Приложение I

Рецепта блюда хоба, которое упоминается в одной из глав этого романа, не отыщешь ни в одном пособии по баварской кухне. Насколько мне известно, жители Верденфельзского района передавали этот рецепт исключительно из уст в уста, а мне посчастливилось узнать его от родного деда.

Состав:

- 1 кг рассыпчатого картофеля,
- 2 чайных ложки муки (с высокой горкой),
- 1 чайная ложка соли (тоже с горкой),
- 4 кусочка сливочного масла (стружкой).

Предварительная подготовка:

Картофель сварить в мундире и оставить на три дня в холодном месте.

Приготовление:

Клубни очистить и превратить в пюре любым способом. Добавить муку, посолить. Нагреть большую сковороду с антипригарным покрытием, выложить туда полученную массу. Важно: не использовать ни капли жира! Держа сковороду на сильном огне, дробите и переворачивайте ее содержимое деревянной лопаткой до тех пор, пока не начнут появляться маленькие золотистые шарики. Процесс длится около пятидесяти минут, просьба проявить терпение — шарики появляются лишь на последних десяти минутах! Хоба готова, когда кругляши сделаются прочными, эластичными и хорошо обжарятся со всех сторон. Перед подачей на стол сдобрить их сливочным маслом.

К хобе подают квашеную капусту со свиной грудинкой и темное пиво. Когда мой дед обедал на каком-нибудь высокогорном альпийском пастбище, то ел хобу безо всякого гарнира и запивал лишь чистой родниковой водой.

Приложение II

Истинным ценителям баварского песенного фольклора предлагается полный текст песни о браконьере Еннервайне. Я выбрал именно тот вариант, который пели несколько поколений семейства Гразеггеров.

ПЕСНЯ О БРАКОНЬЕРЕ ЕННЕРВАЙНЕ

Неизвестный автор, конец XIX века

Es war ein Schutz' in seinen schonsten Jahren,
der wurd' hinweggeputzt von dieser Erd.
Man fand ihn erst am neunten Tage
bei Tegernsee am Peißenberg.

Жил-был охотник, молодой и статный,
Кто же его отправил на тот свет?
Лишь на девятый день его останки
Нашли близ Тегернзе, на Пайсенберг.

Denn auf den Bergen, ja, da wohnt die Freiheit,
denn auf den Bergen ist es gar so schon,
allwo auf grauenhafte Weise
der Jennerwein zugrund musst' geh'n!

Ах, там, в горах, свободный ветер веет,
Ах, там, в горах, такая благодать!
Но до чего ужасной смертью
Погиб наш славный Еннервайн!

Auf hartem Fels hat er sein Blut vergossen,
und auf dem Bauche liegend fand man ihn.
Von hinten war er angeschossen,
zerschmettert war sein Unterkinn.

Пробита голова, раздробленная челюсть...
Пролил он кровь на твердый камень скал.
И с пулей егерской в затылке
Несчастный вниз лицом лежал.

Du feiger Jager, das ist eine Schande
und bringet dir gewiss kein Ehrenkreuz.
Er fiel ja nicht im offenen Kampfe,
der Schuss von hinten her beweist's.

Трусливый егерь, как тебе не стыдно,
Тебя за это не пожалуют крестом.
Врага убил ты не в открытой битве,
А сзади застрелил его тайком.

Man brachte ihn dann auch auf den Wagen,
bei finstrier Nacht ging es sogleich noch fort,
begleitet von den Kameraden
nach Schliersee, seinem Lieblingsort.

Его свезли в долину на телеге,
Всю ночь друзья шагали рядом с ней,
Покойного в молчаньи провожая
В его любимое селение Шлирзе.

Dort ruht er sanft im Grabe, wie ein jeder
und wartet auf den großen Jüngsten Tag,
Dann zeigt uns Jennerwein den Jager,
der ihn von hinten her erschossen hat.

С тех пор он мирно спит в своей могиле
И ждет, когда наступит Судный день,
И вот тогда нам Еннервайн укажет
Того, кто его подло порешил.

Zum Schluss sei Dank auch noch den Veteranen,
die ihr den Trauermarsch so schon gespielt.
Ihr Jager, laßt euch nun ermahnen,
daß keiner mehr von hinten zielt.

Теперь поклон отвесим музыкантам,
Сыгравшим ладно похоронный марш.
Вам, егеря, он лишний раз напомнит
О том, что час пробьет и ваш.

Am jungsten Tag, da putzt ein jeder
ja sein Gewissen und auch sein Gewehr.
Und dann marschier'n viel Forster und auch Jager
aufs hohe Gamsgebirg, zum Luzifer!

Ведь в Судный день вы вычистите ружья,
Покаетесь во всех своих грехах,
Затем подниметесь на гору дружно,
Где Люцифер сурово встретит вас!

Denn auf den Bergen, ja, da wohnt die Freiheit,
denn auf den Bergen ist es gar so schön,
allwo auf grauenhafte Weise
der Jennerwein zugrund musst' gehn!

Ведь там, в горах, свободный ветер веет,
Ведь там, в горах, такая благодать!
Но до чего ужасной смертью
Погиб наш смелый Еннервайн!

Напоследок...

Вам грустно от того, что книга подошла к концу?

Да, конечно, однако вместе с тем наступает тот долгожданный момент, в трепетном предвкушении которого я находился очень долго, целых полгода: объявление благодарностей! Не знаю, как вы, но лично я, открывая новую книгу, первым делом читаю благодарности. Это дает прекрасную возможность судить об авторе и его окружении: что он за человек, каковы его жизненные установки. Читатель как будто бы на миг заглядывает за кулисы...

Вы так считаете?

Да! Еще трехлетним ребенком я решил: если когда-нибудь напишу роман, то обязательно поблагодарю всех моих помощников, даже если их наберется несколько сотен.

Какой ужас! Неужели сейчас пойдут нескончаемые списки фамилий...

Нет, этих людей не так уж много, можно сказать, всего горстка. Но они поддерживали и направляли меня все время, пока я работал над своим первым прозаическим произведением.

Так сколько же их? «Грязная дюжина», как в том американском фильме?

Ну, скажем так: криминальная дюжина. Ведь прежде всего мне пришлось разбираться в тонкостях оперативно-следственной работы — их преподал мне Николо Витте из Мюнхена, невероятно энергичный гаупткомиссар уголовной полиции. Этот человек зорко следил за каждым шагом Губертуса Еннервайна и руководимой им особой следственной бригады «Эдельвейс», оценивая достоверность их действий с профессиональной точки зрения. Но если вы все-таки обнаружите в тексте какие-либо погрешности в этом плане, то знайте: они лежат целиком на моей совести.

А врачи вам помогали?

Да, конечно, представители ряда специальностей, в том числе психиатры. Честно говоря, все писатели так или иначе нуждаются в подобной медицинской помощи, а мне ее любезно оказала госпожа Пиа Вольф, психиатр из клиники Гармиш-Партенкирхена. Эта замечательная женщина относится к числу людей, способных с ходу, никуда не заглядывая, ответить, что такое феохромоцитома, и, уж наверное, когда-нибудь в медицинских словарях появится болезнь, названная ее именем. По вопросам нарушения восприятия при акинетопсии (чьи симптомы в действительности куда суровее, чем в художественном описании) меня консультировал корифей медицины, профессор Йозеф Циль, которого я сердечно благодарю за помощь на этих страницах.

Криптолог Керкгоффс существовал в реальности?

А вы что думаете — я все из пальца высасываю? В том, что касается принципа Керкгоффса и других компьютерных хитростей, мне помогал мой терпеливый консультант Томас Корелл. Помните, в двадцать девятой главе речь идет о шифровке изображений?

Именно Томас научил меня изъясняться на языке программирования. Конечно же, описать методику шифрования я смог лишь вкратце, но если кто-нибудь из читателей интересуется этими вопросами глубже (желает засекретить цифровые фотографии), то может обратиться напрямую к этому специалисту.

Вопрос немного не по теме: как вам удалось так резко разбогатеть?

Что ж, рано или поздно меня все равно приперли бы к стенке... Ну разумеется, путем мошенничества с пенсиями! Тем самым, который описан в десятой главе. Эту простую, но очень эффективную схему незаконного обогащения я обсудил с опытным менеджером по страхованию Роландом Либерским. Дальнейшую полезную информацию на эту тему можно почерпнуть в Уголовном кодексе.

Был ли у вас вдохновитель, с чьей легкой руки вы взялись за написание романа?

Моей музой стала Корделия Борхардт, редактор издательства «Фишер». Активность этой женщины поистине криминальна! Госпожа Борхардт сделала мне самое непристойное предложение в моей жизни — выйти на время из уютной роли ни в чем не повинного артиста эстрады и соблазнила... создать лежащий перед вами роман.

Неужели все было так ужасно?

Нет, еще ужасней! Госпожа Борхардт уверенной рукой провела крошечный кораблик моего первого опуса между бурлящими водоворотами неправдоподобия. Обнаруживая в тексте места, обросшие ракушками несурезицы, она нещадно вычищала лишнее стальными щетками редактуры, действуя так искусно, что читателю осталось только полюбоваться блеском конечного результата. Однако если, несмотря на все усилия редакторов, вы заметите в тексте какие-либо нестыковки, то всю вину опять же возлагайте на меня.

Выходит, путь от первых набросков до конечного результата очень долг?

А как же! Первый черновой вариант книги включал в себя примерно две тысячи страниц, исписанных мелким шрифтом. А двадцать пятая глава изначально была концепцией отдельного романа.

Кто же занимался сокращением, шлифовкой, санитарной вырубкой?..

Это заслуга исключительно Мэрион Шрайбер — самого талантливого литературного редактора во всем предальпийском регионе. Если бы не жесткие сроки сдачи работы, Мэрион, наверное, сократила бы мой детектив до размеров японского хайку. Ничто не ускользало от ее ока, зоркого и беспощадного: слишком вычурные эффекты, надуманные сюжетные ходы, малодушные уступки массовому читателю... От этих и многих других напастей она уберегла меня еще на начальном этапе работы. Милая Мэрион Шрайбер...

Так вот, значит, куда вы ведете...

И совсем не туда! Кофе я варил себе сам. И рукопись набирал без чьей-либо помощи. А когда в работе была поставлена точка, мы с Мэрион приготовили хобу.

Понимаю.

Я без конца морочил ей голову всевозможными выдумками, но эта героическая

женщина безропотно сносила все мои причуды. Волей-неволей выслушивая все новые и новые варианты развития сюжета, моя верная помощница никогда не отказывала мне в оперативных комментариях и критике. При этом она неустанно сокр. и сокр. текст! Именно Мэрион остановила меня в нужный мо...

Гармиш-Партенкирхен, лето 2008 года

notes

Предай Господу путь твой... *(лат.)*. — *Здесь и далее примеч. пер.*

...и уповай на Него... *(лат.)*

Снисходя друг другу (*лат.*).

...и Он совершит (*лат.*). Псалтирь, 36:5.

Здесь «браконьер» — это не обычный нарушитель правил охоты, а именно бедняк, негласно промышляющий в господских угодьях. См. текст «Песни...» в конце книги.

Болтливые (от бав. диал. *gagatzen* — болтать, трещать без умолку).

Пифке — насмешливое прозвище немцев в устах австрийцев.

Chaud-froid (*фр.* «заливное из дичи», «закуска в желе»), судя по всему, намеренно употреблено вместо chaud («теплый») для создания комического эффекта.

Гайсенпетер — пастушок, герой рассказа «Хайди» швейцарской писательницы Йоганны Шпири (1827–1901), действие которого происходит в Альпах; «Крестьянин-лжесвидетель» — пьеса австрийского драматурга Людвиг Анценгрубера (1839–1889).

Марина, Марина, Марина! Я безумно в тебя влюблен, давай скорее поженимся! *(ит.)*

Автор называет основное место событий по-разному: культурный центр, концертный зал, курзал, конгресс-центр.

Скорее всего это очередная мистификация, а также игра слов. Фамилию Лаонт (Lahonte) можно расшифровать как la honte — стыд (*фр.*), ведь Шойрер повесился со стыда.

Сеппель — персонаж немецкого театра марионеток, кукла-мальчик в баварском костюме, воплощение добродушного простака.

Шмаррен по-королевски — сладкое блюдо австрийской кухни, подобие омлета, в состав которого входят мука, иногда манка, рис, сухари, изюм. Сверху посыпается сахарной пудрой или поливается вареньем.

Дирндль — традиционный для Баварии и Австрии женский костюм (широкая юбка в сборку, белая нарядная блузка с широкими рукавами, облегающий корсаж и пестрый фартук).

Имеется в виду остальная Германия, любая из федеральных земель, кроме Баварии.